

Библиотека англо-американской классической фантастики

Л. Спрэг де Камп

КОЛЕСА

Л. Спрэг
де Камп

«ЕСЛИ БЫ»

Том 2

КОЛЕСА «ЕСЛИ БЫ»

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

КОЛЕСА «ЕСЛИ БЫ»

Л. Спрэг де Камп

том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2020

БААКФ-49 (2020)

Клубное издание

Л. Спрэг де Камп (2). КОЛЕСА «ЕСЛИ БЫ».
Сборник фантастики.
(а.л.: 10,01)

Составитель и переводчик Борис Толстиков.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Толстиков Борис., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

**Спэг и Кэтрин де Камп
в Ленинграде, 1983 год**
(Источник: <http://www.rust.ru/>)

STREET & SMITH'S

UNKNOWN

OCTOBER - 1940

TWENTY CENTS

OCT. 40

FANTASY FICTION

The DEVIL'S RESCUE . . . L. Ron Hubbard

Weeks in an open boat south of the Straits of Magellan—and even so queer a ship as that that rescued him is welcome! And once aboard, even so terrible a game of dice is welcome if it offers escape!

FRUIT of KNOWLEDGE C. L. Moore

The world's oldest tale, in the oldest setting of all—told again by one of modern fantasy's most sympathetic writers; the tale of a garden, a man, a woman and one—other.

The TOMMYKNOCKER.. T. Calvert McClary

The best of wishes-come-true can involve a simple man in a most tangled and devious web! If a man wishes for—and gets!—a miraculous hundred-dollar bill each day—

THE WHEELS OF *If* . . . by L. Sprague de Camp

If the "If's" of history were changed a bit, what other worlds—

КОЛЕСА «ЕСЛИ БЫ»

КОРОЛЬ ОСВИУ Нортумбрейский* ерзал на своем троне. Во-первых, все эти синоды ему надоели. Во-вторых, его знания математики ограничивались умением складывать и вычитать числа на пальцах в пределах двадцати. Следовательно, все рассуждения ученых священнослужителей, собравшихся в Уитби** в год от рождения Господа нашего 664-й, о дате празднования Пасхи, о фазах луны и о циклах длиной 84 и 532 года, пролетали мимо ушей короля.

И что за смысл в точной дате Пасхи? А если она нужна, почему бы латинянам не праздновать свою Пасху тогда, когда они захотят, а ионянам*** – свою тогда, когда захотят они? У ионян, насколько Освиу мог судить, все было хорошо. А потом явился этот Вильфрид Йоркский**** со своей сворой латинских священников и обрушился на всех подряд, называя схизматиками-раскольниками, еретиками и прочая, и прочая. Его всячески поддержала супруга Освиу, королева Энфледа*****, что поставило бедного Освиу в неловкое положение. Он не только хотел мира в семье, но и надеялся когда-нибудь попасть на Небеса. Более того, ему нравился аббат Колман, глава ионян. И он, конечно, не хотел, чтобы какой-то да-

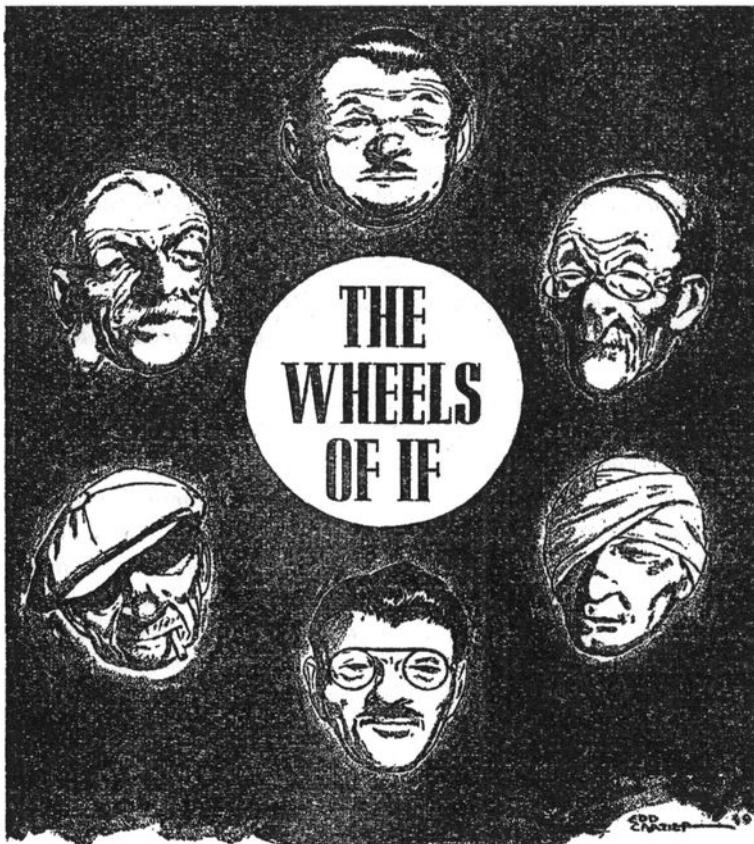
* Освиу (др.-англ. Oswiu, Oswy; ок. 612-15.02. 670) – король Берниции в 642-655 гг. и король Нортумбрии в 655-670 гг. Нортумбрия – одно из семи королевств англосаксонской гептархии, которое возникло на севере Британии, существовало в 655-954 гг. (Здесь и далее – прим. перевод.)

** Уитби (англ. Whitby) – город в английском графстве Норт-Йоркшир, Великобритания. Был основан королем Освиу в 656 году, в IX веке разорен викингами.

*** Т.е. обитатели острова Айона (англ. Iona) на западе Шотландии, где 563 году ирландский монах Колумба основал монастырь, что стало началом обращения язычников Шотландии и северной Англии в христианство. Вскоре Айона стал центром христианского учения и религиозного паломничества.

**** Вильфрид Йоркский (англ. Wilfrid; 634-709) – архиепископ Йоркский (664-678 и 686-691), епископ Лестера (692-705), епископ Хексема (705-709), святой Римско-католической церкви.

***** Энфледа (др.-англ. Eanflæd, Enfleda, 19 апреля 626 – после 685) – принцесса Дейры и королева Нортумбрии, позже аббатиса влиятельного монастыря в Уитби.

by L. SPRAGUE de CAMP

● If history was slightly different—there'd be a different world! And if for every difference there were another world—

лекий епископ Римский совал свой нос в его дела. Однако, с другой стороны...

Король Освиу вздрогнул. Отец Вильфрид обратился к нему напрямую:

—...аргументы моего ученого друга, — указал он на аббата Колмана Линдисфарнского*, — я признаю, весьма хитроумны. Но это

* Линдисфарн (англ. Lindisfarne) — у северо-восточного берега Англии. Также известен под названием Святой остров (англ. Holy Island), так как стал одной из колыбелей христианства на севере Англии.

не фундаментальный вопрос. Реальная альтернатива заключается в том, признаем ли мы, как добрые христиане, власть Его Святейшества Римского, или...

– Минуточку, минуточку, – прервал Освиу, – Почему мы должны признавать власть Григория, чтобы считаться добрыми христианами? Я добный христианин, и я не позволю никаким иностранцам...

– Вопрос, милорд, в том, может ли человек быть и добрым христианином и мятежником против...

– Я слишком добный христианин! – ощетинился Освиу.

Вильфрид Йоркский улыбнулся.

– Возможно, вы помните сказанное Спасителем нашим Петру, первому епископу Римскому? «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного: и что связешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». Понимаешь?

Освиу задумался. Это проливало новый свет на все дело. Если у этого парня, Петра, действительно ключи от Небес...

Он повернулся к аббату Колману и спросил:

– Это правильная цитата? Минутку, не торопись. Если начнешь спорить, опять меня запутаешь. Просто скажи – можешь процитировать текст, показывающий, что Святой Колумба получил подобные полномочия?

Лицо величественного ирландца отразило внезапное потрясение. Он нахмурился, сосредоточившись так интенсивно, что почти слышно было, как его мысли скрипят подобно несмазанным колесам.

– Ну? – сказал Освиу. – Говори же!

Колман вздохнул.

– Нет, милорд, не могу. Но я могу показать, что это латиняне, а не мы, отклоняются от...

– Достаточно, Колман! – прямолинейный Освиу, раз приняв решение, не собирался допускать, чтобы его снова тревожили по этому поводу. – Я решил, что с этого дня Королевство Нортумбрия будет следовать латинской традиции в отношении Пасхи. Я решил, что мы заявляем о нашей верности римскому епископу Григорию, ибо я не желаю соперничать с имеющим ключи, дабы не случилось так, что когда я приду к Вратам Небесным, там не окажется никого, кто открыл бы их для меня. Синод завершен.

Король Освиу вышел, стараясь не встретиться взглядом с укоризненно смотревшим на него аббатом. Неловко получилось с Колманом, который был очень порядочным парнем. Но, в конце концов,

от этого небесный швейцар не должен на него рассердиться. И, может быть, теперь Энфледа перестанет ворчать...

АЛЛИСТЕР ПАРК протер глаза и, как обычно, уселся в постели. Он не замечал ничего неправильного, пока не взглянул на рукав пижамы.

Он не мог припомнить, чтобы у него когда-нибудь была пижама такого необычайно отталкивающего зеленого цвета. Он не мог припомнить, чтобы переодевался в чистую пижаму прошлым вечером. Короче говоря, он вообще не мог вспомнить эту пижаму.

Ладно, наверное, ее подарила Юнис или Мэри, а он надел, не приглядываясь. Он зевнул, прикрывая рот тыльной стороной ладони...

...И отдернул руку. Потом осторожно пощупал верхнюю губу.

Встал с кровати и устремился к ближайшему зеркалу. Сомнений не осталось. У него появились усы. Когда он ложился спать накануне вечером, никаких усов у него не было.

Абду-р-Рахман, правитель Кордовы по велению халифа Хишама ибн Абдул-Малика**, Владыки Дамаска, Защитника правоверных и прочая, и прочая, метался в своей палатке, как страдающей кластрофобией леопард в клетке. Он ненавидел бездействие, а последние шесть дней предварительных стычек он считал именно бездействием.*

Его глаза сверкнули над бородой с проседью, когда он глянул на своих командующих, сидевших на коврах, скрестив ноги.

— Ну? — рявкнул он.

Заговорил Езид.

— Еще немного, главнокомандующий, и франки сами рассеются. У неверных мало кавалерии, она есть разве только у беженцев из Готики и Аквитании. А без кавалерии они не смогут себя прокормить. Наши же лошади могут перемещаться по стране, снабжая нас и отсекая помочь, идущую к нашим врагам. Нет бога, кроме Аллаха.

Якуб фыркнулся.

* Абу Саид Абду-р-Рахман ибн Абдуллах аль-Гафики (вторая половина VII века – 732, около Пуатье, Франкское королевство) – арабский военачальник и государственный деятель, правитель провинции Аль-Андалус Омейядского халифата (721-722 и 730-732).

** Хишам ибн Абдул-Малик (691-06.02.743) – омейядский халиф, правивший с 723 по 743 годы.

— Как долго, по-твоему, наши люди станут терпеть этот жуткий французский климат? Зима почти наступила. Мое слово — ударить сейчас, пока их дух еще не воспрял. Пеший сброд французских землепашцев побежит, сверкая пяткам. Неужели армии правоверных зашли бы так далеко, просто сидя перед своими врагами и угрожающие гримасничая?

Езид фыркнул не менее впечатляюще.

— Как раз такой совет и можно было ожидать от собаки из Маддита. Командующий неверными Карел совсем не дурак...

— Кто собака? — подпрыгнув, заорал Якуб. — Свинья йеменская!..

Абду-р-Рахман кричал на них, пока не утихомирил. Одна из главных целей набега на Францию состояла в том, чтобы унять вражду между членами этих двух группировок. Езид начал ссору по политическим мотивам, что поставило правителя в неловкое положение, так как он и сам был йеменцем. Он все еще не определился. Как умный человек, он понимал смысл совета Езида занять выжидательную позицию. Эмоционально, однако, он сгорал от желания побыстрее напасть на армию Карла, майордома Австразии. А Езида следует наказать за его оскорбительное замечание.*

— Я решил, — сказал Абду-р-Рахман, — что, несмотря на то, что можно многое сказать за и против обеих сторон, совет Якуба звучит весомее. Ничто так не подрывает армейский дух, как ожидание. Кроме того, Аллаху все равно уже ведом исход битвы. Так чего же нам бояться? Если Он решит, что мы победим, мы победим. Поэтому завтра, в субботу, мы ударим по франкам всеми нашими силами. Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его...

Но на следующую ночь Абду-р-Рахман лежал мертвым на берегах реки Вьенны, близ города Тура, обратив к звездам красивое восковое лицо с окровавленной седеющей бородой. Австразия удержалась. Езид, который был прав, тоже умер, как и Якуб, который был неправ. А выжившие арабы бежали обратно в Нарбонну и Барселону.

АЛЛИСТЕР ПАРК открыл дверь своей квартиры и схватил «Таймс».

Дата на газете была, как и следовало ожидать, одиннадцатое апреля, понедельник. Год тоже правильный. Это исключило возможность амнезии.

* Австразия (фр. Austrasie) — северо-восточная часть Франкского государства Меровингов.

Парк вернулся к зеркалу. Он по-прежнему был довольно крепким мужчиной за тридцать, со светло-голубыми глазами и поредевшими, песчаного цвета, волосами. Но тем же самым человеком он не был. Нос другой. Как и брови. Исчез шрам под подбородком...

Перестав рассматривать себя, он обратил внимание на одежду. И тут его ждало еще одно шокирующее открытие. Одежда была не его. Точнее, это была мужская одежда его размера и такого качества, какое мог себе позволить потакающий своим прихотям холостяк с доходом в дюжины тысяч долларов в год. Парк не возражал против такой одежды. Просто она не была *его* одеждой.

Парк временно отказался от размышлений о здравости своего рассудка – ему надо было одеваться. Завтрак? Его замутило при виде кукурузных хлопьев, больше похожих на кусочки картона. К черту их, он приготовит себе гренки. Если они и добавят к его талии еще дюйм, он сгонит его в воскресенье в Нью-йоркском атлетическом клубе.

Из-под двери торчали письма. Закончив завязывать галстук, Парк поднял их. Все письма были адресованы мистеру Артуру Фогелю.

Потом Аллистер Парк, наконец-то полностью проснувшись, осмотрелся. Планировка квартиры была такой же, как и у него, но квартира была не той же самой. Мебель была другой. Отличия были и во множестве мелких деталей, например, имелась трещина в стене, которой не должно было бы быть.

Парк сел и выкурил сигарету, обдумывая ситуацию. Никаких доказательств похищения, которое, учитывая его бизнес, совсем не было маловероятным. В воскресенье вечером он ложился спать трезвым, в одиночестве и довольно рано. С чего бы ему просыпаться в чужой квартире? Он на мгновение забыл, что проснулся еще и с чужим лицом. Прежде чем Парк успел об этом вспомнить, взглянув на часы, побудил его действовать. На гренки нет времени – придется обойтись малосъедобным картоном.

Но настоящий шок ожидал Парка, когда он принялся искать свой портфель. Портфеля не было. Как не было и никаких следов пачки заметок, по которым он так тщательно выстраивал линию поведения в предстоящем деле Антонини. Это было более чем важно. От осуждения банды Антонини зависело его выдвижение на пост окружного прокурора Нью-Йорка следующей осенью. Одновременно нынешний окружной прокурор, поддерживаемый обеими партиями, выдвигался в Суд общей юрисдикции.

Парк планировал пригласить Марту на ужин – со вполне определенными намерениями. Но пока он не разберется с этим вопросом, ему будет точно не до ужина. Только появилась еще одна проблема со

звонком ей — в записной книжке не было ее имени. Как не было имен хоть кого-нибудь, кого знал Парк. Собственного имени в телефонной книге он тоже не нашел.

Он набрал CAnal 6-5700*.

— Больница.

— А? Это CAnal 6-5700?

— Да, это больница.

— А где тогда окружная прокуратура? Черт, я должен же знать телефон своей собственной конторы!

— Окружная прокуратура WOrth 2-2200.

Парк судорожно набрал WOrth 2-2200.

— Офис мистера Парка, пожалуйста.

— Извините, какой офис вы просили?

— Офис помощника окружного прокурора Парка! — голос Парк зазвенел металлом. — Это, сестрица, чтобы вы знали, Бюро по борьбе с рэкетом.

— Простите, у нас нет такого человека.

— Послушайте, юная леди, у вас есть заместитель помощника окружного прокурора по имени Френчко? Джон Френчко? Пишется через букву «ч».

Тишина.

— Нет, извините, у нас нет такого.

Аллистер Парк повесил трубку.

СТАРОЕ ЗДАНИЕ по адресу Центральная, 137, по-прежнему было на месте. Полицейское Бюро по борьбе с рэкетом по-прежнему было на месте. Но там никогда не слышали о человеке по имени Аллистер Парк. У них уже имелся помощник окружного прокурора, некий Хатчисон, который, похоже, всех вполне устраивал. Не нашлось никаких следов обоих заместителей Парка, Френчко и Берта.

В качестве последней надежды Парк отправился в здание уголовного суда. Если он не полностью сошел с ума, то слушание дела «Народ против Кэссиди,勒索罪» должно начаться уже после десяти, как только судья Сигал закончит зачитывать список дел

* Т.е. 22-6-5700, номер WOrth 2-2200 = 96-2-2200. В США в телефонных номерах цифрам от 2 до 9 сопоставлены три буквы алфавита, например, ABC соответствует цифра 2, WXY — цифра 9. Для облегчения запоминания первые две цифры набираются по первым двум буквам известного слова.

к слушанию. Френчко и Берт должны подойти туда, после того, как с Кэсси迪 будет покончено.

Но там не оказалось ни судьи Сигала, ни Френчко, ни Берта, ни Кэссиди...

— **ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО**, мистер Парк — успокаивающе сказал психиатр. — Очень интересно. Самое обнадеживающее заключается в том, что вы вполне осознаете свои трудности и пришли ко мне...

— Что я хочу знать, — прервал Парк, — так это был ли я в здравом уме до вчерашнего дня и стал сумасшедшим с тех пор, или я был сумасшедшим до тех пор и в здравом уме сейчас?

— Трудновато поверить, что можно страдать от набора непротиворечивых иллюзий в течение тридцати шести лет, — ответил психиатр. — Тем не менее, ваша текущая оценка вашего состояния представляется достаточно рациональной. Возможно, искажены ваши воспоминания об увиденном и пережитом до сегодняшнего дня.

— Но я хочу разобраться! От этого зависит все мое политическое будущее! По крайней мере...

Он остановился. *А была ли банда Антонини? Ожидалось ли выдвижение Аллистера Парка, если их осудят?*

— Понимаю, — мягко сказал психиатр. — Но этот случай не похож ни на один, мне известный. Пока идите и телеграфируйте в Денвер запрос на свидетельство о рождении Аллистера Парка. Посмотрим, есть ли такой человек. И приходите завтра...

ПАРК ПРОСНУЛСЯ, оглянулся и застонал. Комната снова изменилась. Но он подавил стон. Он лежал в двуспальной кровати. Рядом лежала не так чтобы красавица, примерно его возраста.

Стон Парка ее разбудил. Женщина спросила:

— Как ты себя чувствуешь, Уолли?

— Я чувствую себя прекрасно, — пробормотал он.

Он начинал проникаться ситуацией и еле удержался от очередного стона. Что касается брака, то он был сторонником философии «зачем покупать корову, если есть бесплатное молоко» и ясно давал это понять многим женщинам в порядке честного предупреждения.

— Надеюсь, что так оно и есть, — с тревогой сказала женщина.

— Вчера ты вел себя так странно. Ты помнишь свою встречу с доктором Керром?

— Конечно, помню, — сказал Парк.

Психиатра, с которым он назначал встречу, звали не Керр.

Женщина собралась одеваться. Парк слготнул. В течение многих лет он умудрялся жить, не связываясь с чужими женами, с тех самых пор как...

Еще он хотел узнать ее имя. Хорошо воспитанный мужчина при таких обстоятельствах не стал бы окликать женщину «Эй, ты!»

– Что у нас на завтрак, сладкий пирожок? – спросил он с вымученной улыбкой.

Она ответила, добавив:

– Дорогой, ты раньше никогда меня так не называл.

Когда она взглянула на Парка с предвкушающей улыбкой, он выпрыгнул из постели и оделся с бешеною скоростью.

Ел он молча. Когда женщина спросила, почему, он показал на свой рот и пробормотал:

– Язвочка. Больно говорить.

Он сбежал, как только позволили приличия, так и не узнав имени своей «жены». Содержимое бумажника ему сообщило, что его зовут Уоллес Хайнеман, но мало что еще. Будь у Парка достаточно сильное желание, он, без сомнения, смог бы выяснить, на кого работает, кто его друзья, есть ли у него в каком-нибудь банке деньги и все такое. Но если эти ежедневные изменения будут продолжаться, вряд ли оно того стоит. Первым делом нужно вернуться к психиатру.

Несмотря на то, что номера улиц были другими, общая планировка оставалась той же. Полчаса ходьбы привели его в квартал, где находился кабинет психиатра. Здание стояло на юго-восточном углу 57-й и 8-й улиц. Парк мог поклясться, что здание, которое сейчас занимает этот участок, изменилось.

Тем не менее, он все равно туда вошел. Парк тщательно записал номер офиса. Утром его блокнот пропал, как и все остальные его (вернее, Артура Фогеля) вещи. Однако номер он запомнил.

Номер, оказалось, принадлежал нескольким конторам, которые занимали адвокаты Уильямсон, Остендорф, Коэн, Берк и Уильямсон. Нет, они никогда не слышали о мозгоправе Парка. Да, Уильямсон, Остендорф, Коэн, Берк и Уильямсон занимали эти офисы уже немало лет.

Парк вышел на улицу и долго стоял в задумчивости. Теперь его еще озадачил феномен, который до сей поры он едва замечал: повсюду виднелось необыкновенное количество «Юнион Джеков».

Он спросил об этом у дорожного полицейского. Полицейский уставился на него.

– День рождения короля, – сказал он.

– Какого короля?

— Как какого, *нашего* короля, конечно. Давида Первого, — коп поднес палец к козырьку своей фуражки.

ПАРК РАСПОЛОЖИЛСЯ на скамейке в парке с газетой. В газете было полно материалов вроде упоминаний о недавней англо-русской войне, развязанной *Королевой Викторией*, освещение визита Его Величества на мыловаренный завод («...где он проявил живой интерес к техническим проблемам, связанным с...»), победа Массачусетса над Квебеком в межколониальных футбольных матчах (Массачусетс – колония? А футбол – в апреле?), суд над неким Дидрихом за убийство человека ножовкой...

Все это было очень интересно, особенно дело Дидриха. Но Аллистер Парк был больше озабочен местонахождением и вероятной судьбой банды Антонини. Он также с нежной меланхолией думал о Мэри и о Юнис, о Дороти и о Марте, о Джоан и о... Но это было менее важно, чем красивое дело, которое он раскрутил против такого скользкого врага общества. Даже Парк, несмотря на циничный взгляд на гуманизм, присущий прокурорам, чувствовал праведный пыл, когда собрал доказательства и осознал, что может прижать банду.

Да и выдвижение на окружного прокурора – не то, на что можно наплевать. Так сложилось, что когда на это выдвижение подошла очередь протестанта, он оказался под руками. Если он пролетит, ему придется ждать, пока пройдут католик и еврей. Так как для выдвижения все равно нужно было быть тем или иным, Парк по необходимости стал усердным прихожанином, пусть и слегка лицемерным.

Его план состоял в том, чтобы после нескольких сроков в качестве окружного прокурора последовать за нынешним окружным прокурором на судейскую скамью. Вы никогда бы не догадались, но у Аллистира Парка хватало идеализма, который он принес с собой из Колорадо еще будучи молодым юристом, чтобы такая скамья привлекала его не только заработком и социальным статусом.

Парк обшарил карманы. Там оказалось достаточно для одного славного кутежа.

Из оставшегося дня он мало что запомнил. Он помнил, как дал фунт старухе, продающей шнурки для ботинок, как вел группу пьяниц, распевая (без купюр) песню о парне по имени Колумб, кото-

рый знал, что мир был круглый*, и пытался отобрать шланг у пожарного на том основании, что город испытывает нехватку воды.

ОН ПРОСНУЛСЯ в другой незнакомой комнате, с легким похмельем. После быстрого осмотра Парк убедился, что он в одиночестве.

Пришло время, подумал он, разработать систему изучения его личности на каждое следующее утро. Теперь его звали Уодсворт Ной. Штаны у всех костюмов в его шкафу были или мешковатыми бриджами или спортивными брюками-гольф.

Что-то запиляло «пинг-пинг-пинг», словно этакий деликатный будильник. Парк обнаружил, что источник шума – устройство на столе в виде гусиной шеи. В устройстве он, с некоторым трудом, опознал телефон. Так как микрофон и динамик были встроены в один блок на конце гусиной шеи, поднимать с крючка было нечего. Парк нажал кнопку в основании. Зазвучал голос:

– Уодди?

– О... Да. Кто это?

– Это твоя маленькая заинька.

Парк беззвучно ругнулся. Голос был женским и молодым, с легким неопределимым акцентом. Он вильнул:

– Как тебе сегодняшнее утро?

– О, прекрасно. Как мой маленький масляный шарик?

Парк выиграл. Уодсворт Ной имел фигуру куда грузнее, чем Аллистер Парк. Парк, напрягшись, добавил сиропа в свой голос:

– О, я тоже в порядке, сладенький пирожочек. Только мне чертовски одиноко.

– О, разве это не ужасно! Ох, бедняжка! Может, мне прийти и приготовить ужин для моего драгоценного?

– Буду счастлив!

В голове Парка сформировался план. До сих пор все эти изменения происходили, пока он спал. Если он сможет убедить кого-нибудь посидеть и понаблюдать за ним, пока он не спит...

Назначив свидание, Парк обнаружил, что ему придется сходить в продовольственный магазин.

На улице, если не считать того, что все мужчины носили брюки-гольфы и широкополые шляпы, первое, что его поразило, так это вид двух темнокожих мужчин в форме. Они шествовали посередине тротуара. Их поведение подразумевало – они не сомнева-

* Имеется в виду шуточная песня о Христофоре Колумбе, существующая в нескольких более (или менее) приличных вариантах.

ются, что люди уберутся с их пути. Люди и убирались. Когда солдаты проходили мимо, Парк услышал фразу на иностранном языке, похожем на испанский.

В магазине все говорили с таким же акцентом, какой Парк услышал по телефону. И все замолчали, когда вошла еще одна пара солдат. Те громко потребовали какие-то продукты. Засуетившийся продавец притащил требуемое. Солдаты забрали и ушли, не заплатив.

Парк задумался, не пойти ли в библиотеку, чтобы узнать о мире, в котором он оказался. Но если предположить, что он снова переместится, то вряд ли оно того стоило. Он купил «Нью-Йорк Рекорд», отметив, что на прилавке много газет на французском и испанском.

Вернувшись в свою квартиру, он прочитал о Его Величестве Наполеоне V, явившегося, видимо, императором Нью-Йорка, и бог весть чего еще!

ЕГО МАЛЕНЬКОЙ зайнькой оказалась неплохо выглядевшая невысокая темнокожая девушка. Она крепко поцеловала Парка и сказала:

– Где ты был последние несколько дней, Уодди? Я ничего от тебя не слышала целые века. Я начала думать, что ты меня позабыл. Ведь не забыл, а?

– Я забыл? Сладенькая, я скорее забуду свое собственное имя. (А какое оно, черт возьми? – спросил себя Парк. – Уордсворт... Нет, Уордсворт Ной. Слава богу.) Поцелуй меня снова.

...Она посмотрела на него.

– Почему ты так смешно говоришь, Уодди?

– Язвочка на губе, – сказал Аллистер Парк.

– О-о-о, бедняжка. Позволь посмотреть.

– Да ладно, все нормально. Как насчет твоего знаменитого ужина?

ВИННЫЙ ПОГРЕБОК, во всяком случае, у Уордсворта Ноя был неплох. После ужина Парк осторожно перешел к дегустации, это давало повод просто сидеть. Парк попросил девушку рассказать о себе. Довольная, она проболтала несколько часов.

Потом она иссякла. Последовало долгое молчание.

Она вопрошающе на него посмотрела.

– Тебя что-то беспокоит, Уодди? Ты почему-то кажешься другим человеком.

– Нет, – солгал он. – Меня ничего не беспокоит.

Она взглянула на часы.

– Пожалуй, мне пора, – сказала она нерешительно.

Парк сел прямо.

– Ох, пожалуйста, не надо!

Она расслабилась и улыбнулась.

– Я и не думала, что ты меня отпустишь. Подожди.

Она исчезла в спальню и скоро появилась в тонюсенькой ночной сорочке.

Аллистер Парк не удивился. Но он был озабочен совсем другим. Какой бы привлекательной ни казалась девушка, желание разобраться в его затруднительном положении было сильнее. Кроме того, от выпитого его клонило в сон.

– Сладенький пирожочек, как насчет того, чтобы приготовить кофе? – спросил Парк.

Она согласилась. На приготовление и распитие кофе ушел еще час. Время близилось к полуночи. Чтобы не упустить инициативу, Парк рассказал несколько историй. Потом разговор снова затих. Девушка зевнула. Она казалась озадаченной и немного обиженней.

Она спросила:

– Ты собираешься так просидеть всю ночь?

Именно это и собирался сделать Парк. Но, пока он пытался придумать правдоподобную причину, Парку пришлось что-то говорить.

– Я когда-нибудь рассказывал тебе о типе по имени Вагсон, которого я повстречал на прошлой неделе? Самый смешной парень изо всех, кого видел. У него на кончике носа растут длиннющие волосы...

Он подробно рассказывал о странностях воображаемого мистера Вагсона. У девушки на лице читалось выражение «что же я натворила, если заслужила такое». Она снова зевнула.

Щелк! Аллистер Парк потер глаза и сел. Он сидел на жесткой бугристой штуке, которую, с некоторой натяжкой, можно было бы назвать матрасом. Его взгляд сфокусировался на ряде железных прутьев.

Парк оказался в тюрьме.

ДЕНЬ, ПРОВЕДЕНИЙ Аллистером Парком в тюрьме не оказался ни интересным, ни информативным. Его водили на обед и на часовую прогулку. Никто с ним не разговаривал, кроме охранника, который спросил:

– Эй, шеф, кто ты сегодня, а? Юлий Цезарь?

Парк усмехнулся.

– Не-а. На сей раз я бог.

Это становилось скучным. Если бы можно было добровольно переходить от существования к существованию, было бы куда ве-

селее. Как бы то ни было, не удавалось оставаться на одном месте достаточно долго, чтобы приспособиться к любому из этих миров... Или иллюзий?

На следующий день он стал потрепанным парнем, спящим на скамейке в парке. Город все еще был Нью-Йорком – нет, другим городом, построенным на месте Нью-Йорка.

Денег, которые у него были, хватило только на бутылку молока и буханку хлеба. Парк купил именно такой набор и неспешно его потребил, читая выброшенную кем-то газету. Читать было трудно из-за причудливой орфографии. А окружающие говорили с таким акцентом, что требовалось самое пристальное внимание, чтобы хоть что-то понять.

Он провел пару часов в художественном музее. Охранники смотрели на него, как на мусор, почему-то не замеченный уборщиками. Когда музей закрылся, он вернулся к скамейке в парке и стал ждать. Близилась ночь.

Подкатил автомобиль – если так можно было назвать четырехколесную повозку с двигателем, – и оттуда выбралась пара копов. Парк догадался, что это копы по их эполетам со стразами. Один из копов спросил:

– Вы Джон Гилби? – он произнес это как «Выт Жон Гилбий?»

И тут Аллистера Парка понесло.

– Будь я проклят, если я знаю, брат. А это я?

Копы переглянулись.

– Это он, все верно, – сказал один. И Парку: – Двигай с нами.

Парк мало-помалу выяснил, что он разыскивается только из-за своего исчезновения из дома, а не за что-то более серьезное. Он прикидывал, как ему себя вести, пока они не прибыли в полицейский участок.

Там находилась какая-то толстуха. Она вскочила и показала на него, хрюплю рыдая:

– Это он! Грязный сбежавший дезертир, оставивший свою бедную жену голодать! Возвращайся под мою руку, ты, грязный...

– Пожалуйста, миссис Гилби! – сказал дежурный сержант.

Заставить замолчать эту женщину оказалось не так-то просто.

– Небеса прокляли тот день, когда я встретила тебя! Сержант, дорогой, что я могу сделать, чтобы засадить этого грязного бездельника в тюрьму, где ему самое место?

– Ну, – сказал сержант, явно чувствующий себя не в своей тарелке, – вы, конечно, можете обвинить его в дезертирстве. Но не думаете ли вы, что вам лучше вместе отправиться домой и там все обговорить? Мы не хотим...

The next time Park woke up, he was tied very securely
to a large bed, with a small man watching him—

— Эй! — вскричал Парк. Все посмотрели на него. — Если не возражаете, я лучше отправлюсь в тюрьму...

Щелк! Он снова оказался в постели. На этот раз в нормальной кровати. Он огляделся. Комната безошибочно определялась как санаторная или больничная палата.

Ну и ладно. Парк повернулся и уснул.

На следующий день он все еще оставался в том же самом месте. У него появилась надежда. Но потом Парк вспомнил, что, поскольку переходы происходили в полночь, у него не было причин предполагать, что в следующую полночь не произойдет очередной переход.

Он провел очень скучный день. Приходил врач, спросил, как он, и ушел едва ли не раньше, чем Парк успел сказать «Хорошо». Ему приносили еду. Если бы Парк был уверен, что задержится, он приложил бы изрядные усилия, чтобы сориентироваться и выйти. Но, похоже, в этом не было никакого смысла.

На следующее утро он все еще оставался в постели. Но когда Парк попытался протереть глаза и сесть, то обнаружил, что его запястья и лодыжки крепко привязаны к четырем столбам. Он оказался в другой кровати и в другой палате – эта больше походила на комнату в частном доме.

А в ногах кровати сидел маленький седой мужчина с пронзительными черными глазами, сверкающими над острым носом.

Несколько секунд Аллистер Парк и мужчина смотрели друг на друга. Потом лицо мужчины внезапно исказилось, как будто его охватила внутренняя боль. Он поглядел на свою одежду так, словно видит ее впервые, закричал, вскочил и выбежал из комнаты. Парк слышал, как ноги мужчины простучали по лестнице, хлопок входной двери, а потом ничего.

АЛЛИСТЕР ПАРК попытался освободиться от своих уз, но чем сильнее он тянул, тем туже путы затягивались. Поэтому он постарался больше не тянуть, что тоже не дало результата.

Он прислушался. Снаружи доносилось слабое шуршание и звук работающих двигателей, свидетельствующих о наличии трафика. Должно быть, он все еще в городе, хотя вроде бы довольно тихом.

Лестница заскрипела. Парк затаил дыхание. Кто-то поднимался, и без лишнего шума. Больше, чем один человек, подумал Парк, прислушивающийся к скрипам.

Кто-то споткнулся. Снизу далекий голос задал вопрос, который Парк не смог разобрать. Последовало несколько быстрых шагов и удар кулаком.

Дверь комнаты Парк была слегка приоткрыта. В щели появился вертикальный фрагмент лица, включавший глаз. Глаз смотрел на Парка, а Парк – на глаз.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились трое мужчин в широких брюках вроде шаровар и свободных блузах, словно из русского

балета. У них были большие, плоские, почти пятиугольные лица, красно-коричневая кожа и прямые черные волосы. Они заглянули за дверь и под кровать.

— Какого черта? — спросил Аллистер Парк.

Самый крупный из троих посмотрел на него.

— Ты не ранен, Святой?

— Нет. Но мне чертовски больно от этих пут.

На лице крупного мужчины мелькнуло удивленное выражение, но он перерезал ремни. Парк сел, потер запястья и выяснил, что на нем грубое шерстяное белье.

— Где мерзкий негодяй Ноггл? — спросил большой коричневокожий мужчина.

Несмотря на то, что он раскатывал «р» как шотландец, на шотландца он не походил. Парк подумал, что он скорее похож на азиата или на американского индейца.

— Ты имеешь в виду маленького сивого птаха?

— Конечно. Ну, знаешь, того мерзавца.

Он произнес «знаешь» через «и» — «знаишь».

— Когда я проснулся, он сидел в этом кресле. Он посмотрел на меня и выскоцил отсюда, как будто на него напали все летучие мыши ада.

— Может, сошел с ума. Но самое важное — вытащить тебя отсюда.

Один из мужчин достал из шкафа костюм, похожий на одежды этой троицы, но мрачно-серого цвета.

Аллистер Парк оделся. Видимое напряжение мужчин заставило его поторопиться, хотя он еще не воспринимал все это всерьез.

Парк спросил, засовывая ноги в ботинки с эластичными резинками по бокам и большими металлическими пряжками:

— Давно я здесь?

— Ты пропал неделю назад, — ответил крупный мужчина, остро на него глянув.

Неделю назад он был Аллистером Парком, помощником окружного прокурора. На следующий день он им уже не был. Возможно, это не просто совпадение.

Парк захотел посмотреть на свое новое «я» в зеркало. Но прежде чем успел разглядеть что-то, кроме недельной бороды, двое мужчин мягко потянули его за руки к двери. Несмотря на срочность, в их действиях сквозила какая-то почтительность. Парк пошел с ними. Он спросил:

— Что мне теперь делать?

— Нужно немного подумать, — сказал крупный мужчина. — Возможно, возвращаться домой будет небезопасно. Тсс! — он несколько

драматично крался вниз по лестнице впереди них. – Конечно, – продолжал он, – ты можешь потребовать арестовать Джозефа Ноггla.

– Будет от этого польза?

– Боюсь, что не очень. Если Ногgl действовал по указке Максвена-сона, то можно быть уверенным – ленивые нагибы его не найдут.

У Парка оставалось много вопросов, но он не хотел выдавать себя раньше, чем придется.

Дом был старым, декорированным в любопытном, можно сказать, геометрическом стиле с обилием шестиугольников и спиралей. На первом этаже в кресле-качалке сидел еще один смуглый мужчина. В одной руке он держал предмет, похожий на автомобильный шприц для смазки с пистолетной рукояткой. В другом конце комнаты сидел другой мужчина, с синяком под глазом. Он со страхом смотрел на похожую на оружие штуковину.

Тот, что в кресле, встал, снял берет и поклонился Парку. Он сказал:

– Хо, Святый. Ты ранен?

– Он будет жить, слава Патрику, – сказал большой, к которому другие обращались «сахем»*.

Сейчас он пристально смотрел на человека с синяком под глазом.

– Ни гу-гу, понял? Или...

Он быстро очертил кончиком своего указательного пальца круг над макушкой. Парка осенило, что сахем показал скальп, который индеец может снять в качестве трофея.

Они быстро пошли по улице, озираясь во все стороны. Ранним утром мало кого было видно. Четыре спутника Парка окружили его так плотно, что это наводило на мысль – как бы уважительно они к нему не относились, прорываться сквозь них лучше бы ему не пытаться.

Тротуар был вымощен торцовыми деревянными шашками. На обочине стоял автомобиль с кузовом обтекаемой формы. Двигатель, видимо, находился сзади. Судя по размеру закрытой секции, Парк догадался, что двигатель просто огромный.

Все сели в автомобиль. На приборной доске было больше ручек и циферблотов, чем в транспортном самолете. Сахем завел машину, и она бесшумно двинулась. Другой автомобиль звонко свистнул и проехал мимо, за ним клубился здоровенный хвост из водяного пара. Парк понял, что машины работают на паре. Отсюда и плав-

* Сахем (англ. Sachem) – титул вождя, исторически существующий в ряде индейских племен.

ная, бесшумная работа, отсюда и громоздкий двигатель, и сложное управление.

Здания были большими, но низкими; Парк не увидел ни одного выше восьми-десяти этажей. Движение регулировалось семафорными стрелами с надписями «СТАТЬ» и «ЕДЬ».

— Куда вы меня везете? — спросил Парк.

— Сначала за рубежи бурга, — сказал сахем. — Потом мы подумаем о следующем шаге.

Парк задумался, что же будет дальше. К нему относились по-прежнему почтительно, но в спешке оказаться «за рубежами бурга», что Парк понял как «за пределами города», было что-то подозрительное. На пробу он сказал:

— Я изрядно проголодался.

Пара смуглых мужчин его поддержали, и скоро сахем остановил машину у ресторана. На взгляд Парка ресторан, если не считать странного геометрического декора, походил на любой другой ресторан, какой можно встретить в любой точке мира.

— Какая у вас программа? — спросил он сахема.

В свое время Парк знал нескольких пьяниц, но никто из них во время завтрака не прихлебывал виски, запивая им блинчики, что проделывал сейчас крупный коричневокожий мужчина.

— Будет видно, — ответил сахем. — Что Ноггл пытался сделать с тобой?

— Ничего об этом не знаю.

— Что-то поговаривали насчет обмена разумов. Я думаю, а если...

Куда ты?

— Сейчас вернусь, — сказал Парк, направляясь к мужскому туалету.

Еще пара минут — и сахем сможет загнать Парка в угол вопросами о его личности. Они смотрели, как он уходит. Оказавшись в мужском туалете, Парк забрался на раковину, открыл окно и выпрыгнул в соседний переулок. Он быстро пошел, и только оставив между собой и конвоирами несколько кварталов, решил притормозить.

Содержимое карманов не подсказало Парку, чьим телом он сейчас обладал. Единственным намеком могло послужить лишь большое золотое кольцо с кельтским крестом*. В одном из карманов нашлось несколько монет, на которые он купил газету.

* Кельтский крест — религиозный символ, характерный для кельтов Британских островов, вариант христианского креста с наложенным на него кругом.

В РЕЗУЛЬТАТЕ тщательного изучения заголовков среди прочих обнаружился следующий:

ЕПИЗКОБ ДО СИХ БОР НИ НАЙТЕН

По состоянию на конец вчерашнего вечера ни обнаружено никакого токена (знака?) о пропавшем епископе Ибе Скоглунде из Нью-Белфастского епископства Кельтской Христианской Церкви, чье исчезновение неделю назад взбудоражило бург (город?). Нагибы (полиция?) говорят, что они не оставят ни одного камня неперевернутым в своих раздорах (усилиях?) по поискам местонахождения пропавшего священника...

Для Парка текст выглядел так, как будто какой-то немец или норвежец пытался писать по-английски (или на том языке, который считается в этом городе английским) по фонетическим правилам своего родного языка, с вкраплениями слов из средне-английского или англо-саксонского. Парк сделал для себя примерный перевод:

ЕПИСКОП ДО СИХ ПОР НЕ НАЙДЕН

По состоянию на конец вчерашнего вечера не обнаружено никакого токена (знака?) о пропавшем епископе Ибе Скоглунде из Нью-Белфастского епископства Кельтской Христианской Церкви, чье исчезновение неделю назад взбудоражило бург (город?). Нагибы (полиция?) говорят, что они не оставят ни одного камня неперевернутым в своих раздорах (усилиях?) по поискам местонахождения пропавшего священника...

Похоже, что это про него. Какое адское имя, Иб Скоглунд! Следующим шагом стало выяснение, где же он живет. Если у них есть телефоны, у них должны быть и телефонные справочники...

Через полчаса Парк подходил к дому епископа. Если бы он снова предполагал в полночь переместиться, стоило бы найти какое-нибудь тихое место, расслабиться и дождаться изменений. Однако у него возникло ощущение, что события недели шли по некоему шаблону, который, как Парк подумал, он начинает понимать. Если его догадки верны, он прибыл в пункт назначения.

Воздух был умеренно теплым и слегка влажным, каким вполне может быть воздух Нью-Йорка в апреле. Мимо прошла женщина с вислоухой собакой на поводке. Она была толстухой лет пятидесяти.

Хотя Парк не думал, что юбка, открывающая колени на шесть дюймов, ей подобает, именно такую юбку женщина и носила.

Когда он повернулся за угол туда, где должен был находиться его квартал, он увидел перед домом группу людей, а двое мужчин в забавных фуражках с пиками на макушке сидели в открытой машине. Они были одеты одинаково, и Парк догадался, что это полицейские.

Он натянул свой берет, похожий на шляпу бретонского крестьянина так, чтобы берет прикрывал одну сторону лица. Парк прошел мимо полицейских по противоположной стороне улицы, стараясь выглядеть беззаботно. Мужчины наблюдали за домом с номером 64, его номером.

С одной стороны дома находился переулок. Парк дошел до следующего перекрестка, перешел на другую сторону и вернулся к номеру 64. Он почти добрался до переулка, когда один из группы его заметил. С криком «Вот сам епископ!» стоявшие на тротуаре – их было четверо – побежали к нему. Мужчины в смешных фуражках вышли из машины и последовали за ними.

Парк расправил плечи. Ему приходилось осаживать зарвавшихся шестерок, вломившихся в его квартиру, чтобы вынудить его прикрыть дела на определенных людей, иначе... Однако крики подбесивших звучали далеко не враждебно:

– Где-то ты пребывал, Святой?

– Тебя похитили?

– Ты не мог позвонить?

– Как насчет интервью?

Все подготовили блокноты и карандаши.

Парк почувствовал себя как дома. Он спросил:

– Для кого?

Один из мужчин сказал:

– Я из «Истины».

– Что?

– Из «Нью-Белфастской Истины». Мы поддерживаем вас в вопросе о скреплингах.

Парк принял серьезный вид.

– Я исследовал условия.

Мужчины показались озадаченными. Парк добавил:

– Вы же понимаете, изучал обстоятельства.

– О, – сказал мужчина из «Истины». – Выискивал изъяны, да?

Подоспели и люди в забавных фуражках. Один из них спросил:

– Какие-нибудь правонарушения, епископ? Хочешь пометить очернение?

Парк, продираясь через дебри этого диалекта, подумал, что полицейский подразумевает «подать жалобу» и ответил:

– Нет, я в порядке. Все равно спасибо.

– Но, – воскликнул тип в фуражке, – ты уверен, что не хочешь пометить очернение? Мы, если захочешь, отвезем тебя в логово.

– Нет, спасибо, – сказал Парк.

Фуражконосцы пристроились к нему с обеих сторон. В самой дружелюбной манере они взяли его за руки и мягко подтолкнули к машине, один из них при этом уговаривал:

– Уверен, что ты хочешь пометить очернение. Нас отправили за тобой специально, чтобы ты смог. Если кто-то похитил тебя, ты должен помочь, или это ухудшит положение, ты же понимаешь. Тут совсем недалеко до логова...

Парк быстро соображал. У них явно имелась тайная причина жаловать доставить его в «логово» (видимо, в полицейский участок), но принудить епископа, особенно в присутствии репортеров, не так-то просто. Он вырвался и, прыгнув к подъезду дома номер 64, рявкнул:

– У меня нет никаких очернений, и я не собираюсь в ваше логово, ясно?

– Но, Святый, мы не собираемся тебе как-то повредить. Но только если у тебя есть очернение, ты должен его пометить. Таков закон, понимаешь?

Человек, говоривший умоляющим голосом, подошел ближе и потянулся к рукаву Парка. Парк отбил его руку кулаком и воскликнул:

– Если я вам зачем-то понадоблюсь, вы можете явиться с ордером. Иначе у «Истины» появится история о том, как вы пытались похитить епископа, а он выбивал из вас дурь!

Репортеры ободряюще заулюлюкали.

Фуражконосцы сдались и вернулись в свой автомобиль. Бормоча что-то вроде «...он устроит нам ад», они уехали.

Парк потянул за маленьkąю ручку на двери. «Бом, бом», зазвенело внутри.

Репортеры толпились вокруг, задавая вопросы. Парк, пытаясь выглядеть так, как должен выглядеть епископ, поднял руку.

– Господа, я очень устал, но через несколько дней у меня для вас будет заявление.

Они все еще приставали к нему, когда дверь открылась. За ней маленький человечек, похожий на обезьянку, раскрыл рот.

– Да сохранит нас святой Колман от всяческого вреда! – вскричал он.

— Уверен, что так оно и будет, — серьезно сказал Парк и вошел. — Как насчет поесть?

— Конечно, конечно, — сказал человечек с мордашкой обезьяны. — Но... но что же делал твое святышко? Я просто заболел от беспокойства.

— Выискивал изъяны, дружок, выискивал изъяны.

Парк последовал за обезьянолицым наверх, как будто он и сам намеревался пойти этим путем. Обезьянолицый, которого Парк про себя решил называть Обезьянном, нырнул в спальню и принял чистую одежду.

Парк посмотрел в зеркало. Он, как и во всех предшествовавших метаморфозах, оставался коренастым мужчины с поредевшей светлой шевелюрой, тридцати с небольшим лет. Мужчина в зеркале не был Аллистером Парком, но не слишком от него отличался.

Рыжеватую щетину на лице лучше было бы удалить. В ванной Парк не нашел бритвы, но наткнулся на штуковину, которая могла оказаться электробритвой. Ради эксперимента он нажал на выключатель — и с воплем выронил эту штуку. Она выкусила кусочек из его большого пальца. Зажимая поврежденный палец, Парк выдал все термины, связанные с негодованием по поводу случившегося, из лексикона, усвоенного им за десять лет работы с представителями Нью-Йоркского криминалиста.

Обезьян стоял в дверном проеме, выпучив глаза. Парк прекратил ругаться на срок, достаточный, чтобы рявкнуть:

— Будь проклята твоя паршивая мелкая душонка, не стой на месте! Перевязывай!

Человечек подчинился. Он накладывал повязку с таким видом, словно ожидал, что Парк в любой момент станет практикующим каннибалом.

— В чем дело? — сказал Парк. — Я не укушу тебя!

Обезьян посмотрел вверх.

— Прошу прощения, твое святышко, но я мыслил, что ты не позволяешь проклинальных хейти* в твоем присутствии. А теперь говоришь такие загибастые хейти, каких я никогда и не слыхивал.

— Ох, — сказал Парк.

Он вспомнил пронзительный взгляд, появившийся у сахема, когда Парк ругнулся, помянув черта. Понятно, епископ не стал бы разговаривать таким языком — по крайней мере, там, где его можно было бы подслушать.

* Хейти (др.-сканд. heiti) — в скальдической литературе поэтическое описательное наименование.

— Тебе лучше бы побрить меня, — сказал он.
Обезьян все еще выглядел встревоженным.
— Снова умоляю тебя о прощении, Святый, но почему ты так странно говоришь?
— Язвочка на губе, — прорычал Парк.
После бритья он почувствовал себя лучше. Он наклонился и добродушно посмотрел на Обезьяну.
— Послушай, — сказал он, — всю прошлую неделю твой епископ общался с низкими хамами. Так что не обращай внимания, если заговорю в их манере. Только никому не говори, понимаешь? Извини, что я на тебя набросился. Ты принимаешь мои извинения?
— Да... Да, конечно, Святый.
— Вот и хорошо. Как насчет обильного завтрака?

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА он забрал свою газету и кучу почты в хорошо оборудованную библиотеку епископа. Он посмотрел слово «Скрелинг» в «Словокниге», иначе говоря, в словаре. «Скрелинг» определялся как абориген Винланда*.

Слово «Винланд» всколыхнуло слабое воспоминание о том, что он слышал это слово в школе. Нашелся атлас с картой Северной Америки. Большая территория на севере и востоке, ограниченная с запада и юга неровной линией, проходящей примерно от Чарльстона до Виннипега, была обозначена как «Винландский Бретвальдат**». Остальные две трети континента состояли из полудюжины политических образований с названиями вроде Дакосья, Чьероджия, Ацтекия. Парк, обратившись к словарю, определил, что такие наименования получены от дакотов, чероки, ацтеков и прочих названий индейских племен.

Через пару часов начались телефонные звонки. Обезьян, согласно указаниям Парка, отвечал одно и то же — епископ отдыхает и его нельзя беспокоить. Парк тем временем заметил в библиотеке набор трубок и банку табака. Он достал несколько пачек бумаги и заточил дюжину карандашей.

* Винланд (англ. Vinland) — название территории Северной Америки, данное исландским викингом Лейфом Эрикссоном примерно в 1000 году.

** От англосаксонского термина «Бретвальда», применявшегося к королям, распространившим свою власть на другие королевства; примерно соответствует титулу «Император». В повести должность «Бретвальд» эквивалентна должности президента, то есть «Винландский Бретвальдат» можно назвать «Винландское Президентство».

Обезьян объявил об обеде. Парк велел принести в библиотеку. Объявил об ужине. Парк велел принести. Объявил, что пора спать. Парк велел ему пойти и заниматься собственными делами. Обезьян ушел, причитая на ходу. Он никогда не видел, чтобы хоть кто-то так долго работал с такой яростной концентрацией, не говоря уж о его хозяине. Но, надо заметить, он никогда не видел Аллистера Парка, просматривающего материалы по крупному уголовному делу.

СОГЛАСНО ЭНЦИКЛОПЕДИИ история, насколько ее помнил Парк, была такой же, какой ее знал Парк, вплоть до темных веков. В поисках точки, в которой случилось расхождение, он обнаружил тот факт, что король Нортумбрии Освиу принял решение в пользу кельтской христианской церкви на Синоде в Уитби, в 664 году от рождества Христова. Парк никогда не слышал ни об этом Синоде, ни о короле Освиу. Но энциклопедия приписывала именно этому решению быстрое распространение кельтской формы христианства в Великобритании и Скандинавии. Поэтому Парку показалось вероятным, что в истории мира, из которого пришел *он*, король решил в пользу другой стороны.

Римская христианская церковь удерживала, по большей части, свои позиции в северной Европе еще столетие. Но судьба ее влияния там была предрешена поражением франков от арабов у Тура. Арабы продвигались, занимая всю южную Галлию, пока их, наконец, не остановили, и, согласно атласу, они все еще находились там. Папа Римский и лангобардские герцогства Италии, в конце концов, отдали себя под защиту византийского императора Льва Иконофора. Грекоязычная «Римская» империя по-прежнему занимала Анатолию и Балканы, теперь там правила сербская династия.

Датский король Англии по имени Горм объединил под своей властью как Британские острова, так и Скандинавию, подобно тому, как это сделал Кнуд* в мире Парка. Но королевство Горма оказалось прочнее, чем королевство Кнуда; связь между Англией и Скандинавией сохранилась – несмотря на интервал, вызванный развалом этого союза и гражданской войной, – вплоть до настоящего времени. Северную Америку обнаружил некий Кетил Ингольфсон в 989 году от рождества Христова. Изрядное количество норвежских, английских и ирландских колонистов мигрировали туда в течение XI века, чтобы основать постоянную колонию, из которой и вырос Винландский Бретвальдат. Их язык, хотя и происходил из англосак-

* Кнуд Великий (Кнуд Могучий, 994/995-1035) – король Дании, Англии и Норвегии, владетель Шлезвига и Померании.

сонского, естественно, содержал меньше слов латинского и французского происхождения, чем английский язык Парка.

Индейцы – «скрелинги» (или «скреллинги») – не оказались вытеснены со своих земель, так как у колонистов не было пороха, и их самих было не столько, сколько было белых в истории Парка. К тому времени, как белые добрались до нынешних границ Винланда, изгнав или поработив скреллингов, оставшиеся туземцы приобрели достаточно знаний в области черной металлургии и, вступив в войну, удержали свои позиции. Те, кто остался в Винланде, больше не были рабами, но все еще оставались угнетенными, страдающими от юридического и экономического неравенства. Он, епископ Скоглунд, стал лидером борьбы за устранение этого неравенства. «Святый» было просто уважительным эпитетом, означавшим примерно то же самое, что и «Преподобный».

Итальянец по имени Каравелло изобрел паровой двигатель примерно в 1790 году, и началась промышленная революция...

На следующее утро, когда Парк, урвав три часа сна, чего при необходимости ему хватало, вернулся к книгам, Обезьян (которого на самом деле звали Эрик Данидин) робко вошел в комнату. Он почтительно кашлянул.

– Прилетела почтарка с посланием от тана^{*} Каллахана.

Парк нахмурился поверх горы печатной продукции.

– От кого? Впрочем, неважно, дай глянуть.

Он взял записку и прочитал следующее (если написать текст в обычной орфографии):

Почтенный Святый! Почему, во имя Кровавых Свидетелей Белфаста, ты вчера сбежал от нас? В газетах пишут, что ты вернулся домой, разве это не рискованно? Нужно срочно встретиться; в полдень буду ждать на пляже Бригитты. Со всем почтением, Р.К.

Парк спросил Данидина:

– Скажи, Каллахан – это высокий грузный парень, похожий на ин... на скреллинга?

Данидин странно на него посмотрел. К этому времени Парк уже привык к странным взглядам. Данидин сказал:

– Но, Святый, он *и есть* скреллинг, сахем всех скреллингов Винланда.

* Тан (англ. thane) — исторический дворянский титул в Средние века в Шотландии, здесь эквивалентно обращению (и титулу) «Сэр».

— Хм. Значит, он встретит меня на этом пляже... Но какого черта он не может приехать сюда?

— О-ох, но, святый, вспомни, что с ним случилось в последний раз, когда его поймали Нью-Белфастские нагибы!

Как бы то ни было, Парк считал, что он должен сахему за спасение из лап таинственного мистера Ноггла. Записка не походила на послание потенциального похитителя его сбежавшей добыче. Но на всякий случай Парк подошел к скромному епископскому автомобилю (Данидин назвал его «колесницей») и положил в карман гаечный ключ. Он сказал Данидину:

— Этую штукку придется вести тебе, мой палец все еще болит.

Потребовалось несколько минут, чтобы поднять пары. Когда они выкатились на проезжую часть, завелась машина, припаркованная через дорогу. Парк мельком увидел сидевших там людей. Хотя на них, как и на нем, была гражданская одежда, они выглядели как полицейские в штатском.

Через три квартала другая машина все еще ехала позади них. Парк приказал Данидину обехать квартал. Автомобиль последовал за ними.

Парк спросил:

— Ты можешь стряхнуть этих ребят?

— Я... я не знаю, твое святышество. Я не очень хороши в быстрой езде.

— Тогда подвинься. Как, черт возьми, ты управляешь этой штукой?

— Ты хочешь сказать, что не знаешь...

— Неважно! — рявкнул Парк. — Где акселератор, или дроссель, или как вы это называете?

— А, душилка. Вот, — явно испуганный Данидин ткнул пальцем.

— А вот тормоз...

Ускорившаяся колесница прыгнула вперед. Парк сделал пару поворотов, чтобы почувствовать машину. Зеркало показало, что другая машина все еще следует за ним. Парк открыл «душилку» и завернул за следующий угол. Не успев выровнять машину, Парк тут же бросил ее в очередной головокружительный поворот. Шины завизжали, а Данидин завопил от страха, когда они влетели в переулок. Преследователи проносились мимо, не заметив их.

Из двери дома в переулке выскочил лысый, как яйцо, мужчина в рубашке.

— Привет, — сказал он, — это место не для гонок, — он глянул на левое переднее крыло машины Парка и запричитал: — Похоже, ты слегка ободрал краску.

Парк улыбнулся.

— Я просто искал комнату и увидел твою вывеску. Сколько просишь?

— Сорок пять в месяц.

Парк сделал вид, что записывает. Он спросил:

— Какой адрес, пожалуйста?

— Ислейф один двадцать пять.

— Спасибо. Может быть, я вернусь.

Пятым задом на машине с поцарапанным крылом, зацепившимся за камень, Парк выбрался на дорогу и спросил у Данидина, куда ехать дальше. Данидин, сидевший с посеревшим лицом, указал направление. Парк глянул на него и усмехнулся.

— Нечего так пугаться, старина. Я знал, что имеется хороший зазор, по два дюйма с каждой стороны.

САХЕМ ПОДЖИДАЛ Парка в тени раздевалки. Он театральным жестом сорвал с себя берет.

— Хо, Святый! Ясный день для нашей встречи.

Парк отметил, что и в пасмурный день запах дыхания Руфуса Каллахана можно было бы почувствовать почти на том же расстоянии, на каком можно было увидеть Руфуса Каллахана. Тот продолжал:

— Западная сторона удобнее всего для разговоров. У меня есть тут местный нагиб, он приглядывает на случай, если Гринфилд пришлет патрульную телегу. За тобой следили?

Парк рассказал, раздумывая тем временем, как вести беседу, чтобы извлечь максимум информации. Они дошли до конца раздевалки, и Аллистера Парка качнуло. Пляж был покрыт голыми мужчинами и женщинами. Не *полностью* голыми; у каждого (и у каждой) на талии имелся пестрый пояс из эластичной разноцветной ткани. Вот так. Каллахан недоуменно на него взглянул, и Парк двинулся дальше.

Каллахан сказал:

— Если бы глава нагибов, Льюис, не был моим другом, меня бы здесь не было. Если же меня арестуют... ну, все суды — люди Максвенсона, как и Гринфилд.

Парк вспомнил, что Оффа Гринфилд мэр Нью-Белфаста. Каллахан продолжил:

— Пока Максвенсон в отъезде, давление немного ослабевает.

— Когда он должен вернуться? — спросил Парк.

— Может быть, через неделю, — Каллахан махнул рукой в сторону далекого Нью-Белфаста. — Какой прекрасный бург и что за вялый перец им управляет! Как тебе это нравится?

— Ну, я ведь живу там, не так ли?

Каллахан фыркнул.

— Чудесно, мой дорогой Святый, чудесно. Через неделю никто и не подумает, что ты вовсе не его святство.

— Что это значит?

— О, тебе не нужно смотреть на меня с таким деревянным лицом. Ты не больше главный епископ Скоглунд, чем я.

— Да? — сказал Парк безразлично и разжег одну из трубок епископа.

— Джинн найдется? — спросил Каллахан.

Парк изумленно посмотрел на него, а Сахем достал сигарету.

Парк поджег ей сигарету, молча признавая поражение. Откуда ему было знать, что джинн — это спички? Он спросил:

— Предположим, меня ударили по голове?

Здоровенный скрэллинг широко ухмыльнулся.

— Этот поганник мог попортить тебе память, удалить кусками, но он не смог бы заставить тебя говорить в таком загибасто-ругательном тоне, какой звучал, когда мы тебя вызволяли. Кстати, я вижу, что сейчас ты от него избавился. Как тебе удалось это сделать за тридцать с небольшим часов?

Парк сдался. Этот человек может и просто подвыпивший индеец с замашками конспиратора, но у него имеется компромат на Аллистера. Он объяснил:

— Я нашел записи некоторых моих проповедей и проигрывал их снова и снова.

— Боже, ну ты и крут! Джо Ноггл изрядно лажанулся, когда выбрал твой разум на замену епископу. Кто ты такой, по-истинному? Или, может быть, я должен спросить, кем ты был?

Парк безмятежно пыхнул трубкой.

— Я готов обменяться информацией, но не отдавать ее.

Когда Каллахан согласился рассказать Парку все, что тот захочет знать, Парк рассказал свою историю. Каллахан задумался, потом сказал:

— Я не мозгознатец, но, говорят, существует теория, что каждый раз, когда история мира зависит от того или иного выбора, появляются два мира, один из которых может получиться, если монета выпала одной стороной, и второй, который возникает после иного решением.

— Который из них *настоящий*?

— Этого я тебе сказать не могу. Но поговаривали, что, используя силу своей мыслиты, Ноггл может обменивать разумы, и я не

сомневаюсь, что имелся в виду обмен с одним из этих возможных миров.

Потом он рассказал Парку об усилиях епископа по эманципации скрэллингов, вопреки сопротивлению правящей Алмазной партии. Эта партия опиралась главным образом на сквайрарию – организованных сельских сквайров – запада и юга, но еще она контролировала Нью-Белфаст через местного босса, Ивора Максвенсона. Если на следующей сессии национального Тинга* пройдет поправка Скоглунда к конституции Бретвальдата, а это, если Рубиновая партия победит Алмазную на предстоящих выборах, казалось весьма вероятным, то сквайрархия может восстать. Независимые нации скрэллингов запада и юга угрожали вторжением для защиты угнетаемого меньшинства. (Для Парка это звучало знакомо, за исключением того, что, если принять им прочитанное и услышанное за чистую монету, меньшинству действительно было за что бороться). «Алмазы» не возражают против войны, потому что в этом случае выборы, на которых они должны проиграть, будут отменены...

– Ты не слушаешь, тан Парк. Или я должен говорить «Святый Скоглунд»?

– Славненькая штучка, – сказал Парк, кивнув в сторону симпатичной блондинки на пляже.

Каллахан захихикал.

– Какова формулировка! От соблюдающего строгое безбрачие!

– *Что?*

– Ты ведь один из столпов церкви, а?

– О господи!

Об этом Парк и не подумал. Кельтская христианская церковь, несмотря на свои либертарианские традиции, в одной области оставалась нетерпимой – в отношении к сексу.

– Как бы то ни было, – сказал Каллахан, – что нам с тобой делать? Рано или поздно, но ты вызовешь недоверие.

Парк нашупал в кармане гаечный ключ.

– Я хочу вернуться *обратно*. В моем мире идет краху вся моя карьера.

– Разве что парень, управляющий твоим телом, знает, что делать.

– Шансов мало.

Парк мог представить, как Френчко или Берт лихорадочно звонят ему домой, чтобы узнать, почему он не появляется; невразумительные ответы, которые они получат от ошеломленного оби-

* Тинг (англ. Thing) – древнескандинавское и германское народное собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области.

тателя его тела; копы, упаковывающие кричащее тело на заднее сиденье, чтобы отвезти его в психушку; заголовок: «ПРОКУРОР ЧОКНУЛСЯ».

– Значит, меня вытащили сюда из-за грязных политических игр, да? Я вернусь, а пока покажу вам *настоящую* политику!

Каллахан продолжил:

– Единственный человек, который может тебя поменять, это Джозеф Ноггл, а он сейчас в своем собственном дурдоме.

– А?

– Его нашли, когда он бродил, совершенно съехав с катушек. Хорошо, что ты не заметил против него очернение, в суде они тут же обернули бы все против тебя.

– Может быть, именно это они и хотели сделать.

– Это мысль! Вот почему они так хотели, чтобы ты отправился с ними в логово. Не сомневаюсь, что за тобой станут следить, чтобы зацепить по какому-нибудь мелкому обвинению; неважно, виновен ты будешь или нет. Как только они доберутся до тебя, ты тут же отправишься в «гостиницу» Ноггла. Замечательный способ избавиться от неудобного епископа – не надо ни ствола, ни ножа!

КОГДА КАЛЛАХАН уехал вместе с другим краснокожим, Парк поискал девушку. Она тоже ушла. День был жаркий, а вода манила. Раз уж в Винланде, чтобы поплавать, не требуется купальный костюм, почему бы не попробовать?

Парк вернулся к раздевалке и взял напрокат шкафчик. Он сложил одежду и посмотрел на себя в ближайшее зеркало. Епископ, если и упражняется, подумал Парк, глядя на талию, то слишком мало. *Это* он скоро исправит.

Нет оправдания человеку, так себя запустившему.

Он вышел, из-за своей белой кожи чувствуя себя среди этих бронзовых людей вроде как слишком голым, но ничего такого не показывая на хорошо тренированном лице. Некоторые на него удивленно посмотрели. Может быть, их удивила его белизна; а может быть, им показалось, что узнали епископа. Он нырнул и поплыл от берега. Он плавал, как дельфин, но одышка вскоре напомнила ему, что тело епископа не соответствует стандартам Аллистера Парка. Он позволил себе от души выругаться, благо некому было подслушать, и поплыл обратно.

Когда он, капая водой, вышел на песок, к нему подскочили полицейские и громогласно объявили:

– Ты! Ты задержан!

– За что?

– Бесстыдное обнажение!
– Но посмотрите на них! – запротестовал Парк, показывая на других купальщиков.

– Там все нормально! Давай, двигай!

Парк пошел, необходимость придумать наилучший способ избежать неприятностей заставила его позабыть о гневе. Если судьями окажутся люди Максвенсона, и Максвенсон разоблачит его... Парк оделся под орлиным взором приглядывающего за ним полицейского и возблагодарил звезды, что у него хватило предвидения надеть обычную одежду.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРИКАЗАЛ:

– Сообщи книгодержцу свое имя и адрес.

– Аллистер Парк, Ислейф-стрит 125, Нью-Белфаст.

Клерк заполнил бланк; коп добавил несколько строк. Парк и коп вошли и присели, дожидаясь своей очереди. Парк внимательно наблюдал за ходом юридических процедур в этом маленьком суде.

– Тан Парк! – объявил клерк и передал бланк судье.

Полицейский вышел вперед и что-то прошептал судье. Судья сказал:

– Женщины, будьте любезны, покиньте зал суда!

Женщины, их было только три, вышли.

– Аллистер Парк, – сказал судья, – замечено твое бесстыдное обнажение. Что ты скажешь в свое оправдание?

– Я не понимаю, ваша честь... То есть, ваше рвение, – сказал Парк. – Я не сделал ничего такого, чего не делали бы на пляже другие.

Судья нахмурился.

– Нагиб Вудсон заявил, что ты самым шокирующим образом выставил напоказ... – судья выглядел смущенным. – Ты самым шокирующим образом выставил свой... – он понизил голос. – Свой пупок, – шепнул он и покраснел.

– Это считается неприличным?

– Не пытайся казаться смешным. Здесь не место для шуточек. Еще раз спрашиваю, что ты скажешь в свое оправдание?

Парк секунду колебался.

– Признаете ли вы просьбу *non vult**?

– Что это? Латынь? Мы не используем латынь.

* Non Vult (лат., полностью «Non Vult Contendere») ответ «не оспариваю» ответчиком, который признает проступок, но не считает себя виновным.

– Ну, тогда... Прошу учесть, что я совершил проступок без злого умысла и уповаю на милость суда.

– О, ты про взывание к добной воле. Обычно это не используется в суде по нравонарушениям, но я не вижу оснований для отказа. Какое у тебя оправдание?

– Видите ли, ваша честь, я прожил много лет в Дакотии, и, видимо, растерял некоторые из цивилизованных привычек. Но я быстро их восстановлю. Если потребуется моя характеристика, ее сможет предоставить мой друг Ивор Максвенсон.

Брови судьи поднялись, как крылья ястреба, расправляющиеся для взлета.

– Ты знаешь тана Максвенсона?

– Ну конечно.

– Хрррмф. Ладно. Его нет в городе. Но... хм... если это так, то, я уверен, ты добрый бургер. Настоящим я приговариваю тебя к десяти суткам тюрьмы, исполнение откладывается до тех пор, пока я проверяю твои действия. Рассчитываю на твое хорошее поведение. Ты свободен.

ЭРИК ДАНИДИН, как добрый танов тан – слуга тана – держал свое любопытство при себе. Это стало по-настоящему героическим занятием, когда его отправили покупать бутылку растворимой краски для волос, фальшивые усы и обманные очки с простыми плоскими стеклами.

Не оставалось никаких сомнений: босс изменился. Он повысил зарплату Данидина, и, за исключением редких вспышек гнева, относился к нему очень внимательно. Странный акцент почти исчез, но этот трудный, непредсказуемый человек не был тем епископом, которого Данидин знал...

Замаскировавшись, Парк представился агенту по найму жилья, явившись по адресу Ислейф-стрит, 125. Он сказал:

– Помнишь меня? Я был здесь сегодня утром и спрашивал о комнате.

Агент сказал, что, конечно же, он его помнит: он никогда не забывает лица. Парк снял небольшую двухкомнатную квартиру, назвавшись Аллистером Парком. Позже вечером Парк заселился, взяв с собой несколько книг, папку с гравюрами и пару чемоданов с одеждой. Возвращаясь в дом епископа, он обнаружил на обочине еще одну машину с несколькими крепкими, внимательно наблюдавшими за входом, мужчинами. Не рискуя связываться с враждебно настроенной властью, он вернулся в свою новую квартиру и взялся за чтение. Ближе к полуночи он заскочил в маленькую кафешку вы-

пить чашечку кофе. Через пятнадцать минут он назвал официантку «сладким пирожком». Приманкой послужили гравюры.

ДАНИДИН ВЫГЛЯНУЛ в окно дома епископа и объявил:

– Святый, тут две колесницы и пять нагибов. Дватая колесница только что нарисовалась. Мужчины в ней выглядят так, словно сожрали своих матерей, и без соли.

Парк задумался. Надо как-то выкручиваться. Он разобрался, какова в Винландском Бретвальдате практика применения ордеров на обыск, в вопросах незаконного проникновения и тому подобном, и был вполне уверен, что детективы не станут вторгаться в его дом. Законы Винланда обеспечивали то, что Парк счел непрактично преувеличенной святостью неприкословенности жилища, но сейчас его это только радовало. Однако едва он шагнет за порог, на него налетит вся стая, обрушив обвинения в вождении в нетрезвом виде, в заговоре с целью уклонения от уплаты налога на табак, и во всем остальном, что только можно придумать.

Он позвонил в «нагибную ветвь», иными словами – в отделение полиции, и заговорил фальцетом:

– Это нагибы? Слава Патрику и Бригитте*! Я Кэролайн Чизхолм, живу на Мерсия, 79, здесь по коридорам бегает голый безумец с топором! Уверена, он уже убил моего бедного мужа, разбрзгал его мозги по всему коридору, а я заперлась в своей комнате и боюсь, что он может вломиться в любой момент!

Парк громко затопал по полу и продолжил:

– Аaaaa! Монстр пытается выломать дверь! Умоляю, поторопитесь! Он кричит, что порубит меня на мелкие кусочки и скормит своей кошке!.. Да, Мерсия, 79. Аaaaa! Спасите!

Он повесил трубку и вернулся к окну. Через пять минут, как он и ожидал, раздались сирены полицейских колесниц, и из-за угла выскочили три машины, остановившиеся перед номером 79 в соседнем квартале. Из них, как апельсины из лопнувшего бумажного пакета, вывалились копы в смешных фуражках, поскакавшие вверх по ступенькам подъезда, размахивая пистолетами и веревками, которых хватило бы, чтобы управиться с Гаргантюа. Пятеро из полицейских, наблюдавших за домом, тоже выбрались из автомобилей и побежали туда же.

* Бригитта Шведская (швед. Birgitta; 1303-23.07.1373) – католическая святая, основательница ордена бригитток, покровительница Европы.

Аллистер Парк зажег свою трубу, быстро вышел из парадной, повернулся в противоположную от суматохи сторону и скрылся за углом.

ДОКТОРУ ЭДВИ Борупу Парк представился как епископ Ско-глунд. Главой Психофизического института был маленький, лысый человек с кривыми зубами, с натянутой, якобы сердечной улыбкой.

Парк улыбнулся в ответ.

– Твои работы, доктор Боруп, великолепны!

Выдав еще несколько расплывчатых комплиментов, он приступил к делу.

– Я так понимаю, что бедный доктор Ноггл теперь один из твоих пациентов?

– Ммм... Да, преподобный Святый. Так и есть. Э... Работая так страстно, он, похоже, дошел до мозгового срыва.

Парк вздохнул.

– Господь всемилостивый призрит за ним, будем на то надеяться. Смогу ли я его увидеть? Я немного его знал до этих его неприятностей. Как-то он сказал мне, что когда будет готов к духовному наставлению, то хотел бы получить его от меня.

– Ну... Э... Не уверен, что это уместно... В его состоянии...

– О, не возражайте, доктор Боруп, я уверен, что разговор о божественном пойдет ему на пользу...

ОСТРОНОСНЫЙ СЕДОЙ мужчина – Джозеф Ноггл, мрачно сидящий в палате, едва удосужился поднять взгляд, когда вошел Парк.

– Ну, друг мой, – сказал Парк, – что с тобой здесь делают?

– Ничего, – сказал мужчина. Его голос нервно подрагивал. – В этом-то и проблема. Каждый день я другой человек в другой лечебнице. Каждый день мне говорят, что два дня назад я рассвирепел и попытался кому-то разбить нос. Я не был по носу *никого*. Почему, во имя Господа, ничего не делают? Конечно, я понимаю, что я сумасшедший. Я готов сотрудничать, если станут делать хоть что-то.

– Так, так, – сказал Парк. – Господь всемилостивый зрит за всеми нами. Кстати, кем ты был до того, как начались твои неприятности?

– Я учил пению.

Парк пробормотал про себя несколько «загибастых хейти». Если сейчас в его теле учитель пения, или кто-то иной, равно некомпетентный в его работе...

Он зажег трубку и заговорил успокаивающим тоном и перескакивая с темы на тему с этим человеком, который хотя и не находился в приятном настроении, но был слишком благодарен за компанию,

чтобы отказываться от общения. Наконец, случилось то, чего Парк ждал. Пришел хриплый санитар измерить температуру пациента и сказать Парку, что его время вышло.

Парк крутился поблизости под разными предлогами, пока санитар не закончил. Потом он прошел за санитаром и придержал его за руку.

- Что такое, Святой? – спросил санитар.
- Ты постоянный помощник бедного Ноггla?
- Да.

– Есть ли у тебя родственники или близкие люди среди духовенства?

- Да, моя тетя Тира монахиня в аббатстве Новый Линдисфарн.
- Хочешь, чтобы она там преуспевала?
- Ну... Пожалуй, что да. Она всегда была очень добра ко мне.
- Прекрасно. Вот что надо делать. Ты сможешь выходить отсюда или посыпать кого-нибудь, чтобы каждое утро до полудня телефонировать мне о состоянии Ноггла?

Санитар решил, что сможет.

– Прекрасно, – воскликнул Парк. – И ничего хорошего не получится, если кто-нибудь узнает, что ты это делаешь, понимаешь?

Тут Парк сообразил, что на свет вылезли его манеры государственного обвинителя и благостно улыбнулся.

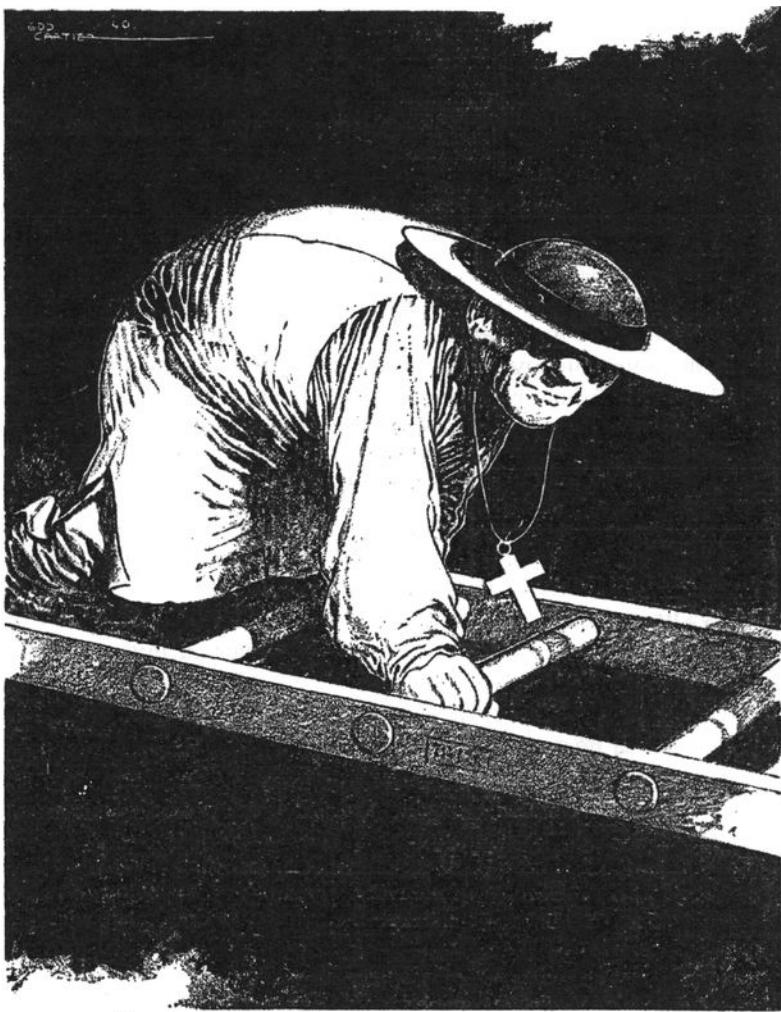
– Господь благословит тебя, сын мой.

ПАРК ПОЗВОНИЛ Данидину; попросил его узнать имя жильца квартиры на верхнем этаже соседнего многоквартирного дома, и подготовить одну лестницу, тридцать футов веревки и один кирпич. Он велел перезвонить, когда Данидин узнает имя нужного жильца.

– Но Святый, зачем, во имя Патрика, тебе кирпич...

Парк, похояхтавая, рассказал, что он задумал. Когда он вышел на Мерсия-стрит из народоколесницы, он не отправился к своему собственному дому. Он вошел в подъезд соседнего дома и сказал, что пришел навестить миссис Фиггис. Его одежды священника свидетельствовали о его праве и полномочиях. Когда лифтер выпустил его на верхнем этаже, он просто забрался на крышу и свистнул Обезьяна. Данидин, руководствуясь указаниями Парка, привязал кирпич к концу веревки, забросил его на крышу дома к Парку и установил лестницу для преодоления десятифутового промежутка. После этого Парк просто слез на свою собственную крышу, не замеченный сторожевыми псами, крутящимися перед его домом.

Как только он вошел, зазвонил телефон. Благостный голос на другом конце провода сказал:

*It wasn't a comfortable way to move about, but
the local cops didn't seem to know the method—*

– Святый, это Кули. Каждый раз, когда я звонил, твой человек отвечал, что тебя нет или что тебя нельзя беспокоить!

– Все верно, – сказал Парк. – Так и было.

– Да? В любом случае, мы все воздаем хвалу Господу за то, что ты освобожден.

– Это прекрасно.

— Это, безусловно, замечательный случай. Его любовь бдит за нами...

— Что у тебя на уме, Кули? — сказал Парк, изо всех сил подавляя желание нетерпеливо рыкнуть.

— Ох... Э... Ну, я имел в виду, ты же прочтешь обычную проповедь в следующее воскресенье?

Парк быстро думал. Если он сумеет произнести проповедь и не напортачит, это собьет с толку людей, пытающихся доказать, что епископ чокнутый.

— Конечно, прочту. Откуда ты звонишь?

— Откуда... Э... из ризницы.

Какой-то чертов помощник, подумал Парк.

— Но, Святый, не придешь ли ты сегодня вечером? Я намереваюсь собирать некоторых прихожан в часовне на домный благодарственный молебен, с пением гимнов...

— Боюсь, что нет, — сказал Парк. — Во всяком случае, передай им мою любовь. А, вот и в дверь звонят. Пока.

Он вошел в библиотеку, бормоча себе под нос. Данидин спросил:

— Что такое, Святый?

— Нужно подготовить чертову проповедь, — сказал Парк, получив определенное удовольствие от выражения ужаса на лице его тановата.

К счастью, епископ любил порядок. Нашлись рукописи всех его проповедей за последние пять лет, и фонографические записи нескольких (на намагниченной проволоке). Нашлось также много информации о порядке и процедурах кельтской христианской службы. Парк приступил к составлению проповеди из фрагментов и параграфов, прочитанных епископом в течение прошлого года. Он снова и снова прокручивал катушки с проволокой, изучая интонации епископа. Парк очень хотел, чтобы у него имелся хоть какой-то способ узнать, как жестикулировал епископ.

На следующий день он все еще работал над проповедью, когда услышал далекий дверной звонок. Он не обратил внимания, доверившись Данидину, который отваживал посетителей, но тут появился Обезьян и объявил, что его дожидается пара нагибов.

Парк вскочил.

— Ты их впустил?

— Нет, Святый, я подумал...

— Хороший мальчик! Я займусь ими.

БОЛЬШИЙ ИЗ ДВУХ копов обезоруживающе улыбнулся.

— Можем ли войти, Святый, чтобы воспользоваться твоим проволокоговорителем?

— Нет, — сказал Парк. — Извините.

Нагиб нахмурился.

— В таком случае мы все равно войдем по подозрению в незаконном обладании дудкой.

Он сунул ногу в дверную щель.

Дудкой, как узнал Парк, называли пистолет. Он развернулся и с силой топнул по носку ботинка, а когда коп отдернул ногу, захлопнул дверь. Снаружи несколько секунд раздавались «загибастые хейти», потом в дверь заколотили кулаками.

— Получите сначала ордер! — крикнул Парк.

Шум утих. Парк позвал Данидина и велел ему запереть другие входы. В скором времени нагибы ушли. Выводы Парка, основанные на изучении законов Винланда, о том, что без ордера они не станут вламываться, оказались верными. Тем не менее, они могли вернуться, а «найти» незаконное оружие в доме совсем несложно, независимо от того, имелось ли оно там раньше или нет.

Поэтому Парк собрал чемодан, поднялся на крышу соседнего дома и спустился вниз на лифте. Лифтер посмотрел на него запоминающим взглядом. Оказавшись на улице, Парк убедился, что на него никто не смотрит, и нацепил усы и очки. Он натянул берет, пряча волосы, и направился к дому, снимаемому Аллистером Парком. Оттуда он связался с Данидина и велел ему обзвонить редакторов всех поддерживающих епископа газет и предупредить их, что ожидается попытка подставить епископа. Он сказал Данидину, чтобы он впустил репортеров, когда они придут и чем больше их будет, тем лучше. Желательно, чтобы в каждой комнате находился хотя бы один. Теперь, подумал Парк, пусть этот, с поплющенной ногой, только попробует засунуть пистолет в один из ящиков моего бюро, дабы они смогли «найти» его и развоняться.

Он провел ночь в съемной квартире, а на следующий день, оформив проповедь, посетил свою церковь. Он нашел там какого-то функционера и сказал ему, что он, Аллистер Парк, собирается венчаться в храме святого Колумбана*, и не мог бы сей функционер (некий Т. Морган), оказаться настолько любезным, чтобы показать ему церковь? Т. Морган с удовольствием согласился; обычно это делал доктор Кули, но его сегодня днем не было. Парк внимательно

* Колумбан (лат. Columbanus; ок. 540-23.11.615) – ирландский монах, просветитель, церковный поэт, проповедник-миссионер в странах Западной Европы.

смотрел через свои очки-обманки, запоминая местную географию. Он хотел бы перенести проповедь на следующую неделю, а в это воскресенье посетить службу как Аллистер Парк, чтобы посмотреть, как все делается. Но теперь было уже слишком поздно. Ход его мыслей нарушил Морган:

— А вот, тан Парк, и доктор Кули! Не желаешь с ним познакомиться?

— Упс, — сказал Парк. — Простите, я должен увидеться с одним человеком. Большое спасибо.

Прежде чем изумленно посмотревший священник успел что-нибудь сказать, Парк как можно быстрее направился к дверям, едва не срываясь на бег. Пухлый, розовощекий молодой человек в пенсне, которого Парк заметил краешком глаза, видимо, и был Кули. Парк не сбирался подвергать свою довольно хилую маскировку такому испытанию, как проверка на собственном помощнике.

Он позвонил в дом епископа. Люди в обеденном зале удивленно оборачивались на взрыв хохота, преодолевший преграду в виде стекла телефонной кабинки, когда Данидин описал двух несчастных копов, пытавшихся подложить пистолет в его дом под носом у дюжины враждебно настроенных многоопытных репортеров. Обезьян добавил:

— Я... Я, ваше святство, осмелился по своему разумению узнать, что двое из этих репортеров живут поблизости. Если нагибы попробуют еще раз, а эти журналисты будут дома, мы сможем перетефонитъ им.

— Ты быстро учишься, старина, — сказал Парк. — Пожалуй, я могу вернуться домой.

БЫЛА СУББОТА, когда Данидин ответил на звонок из Психофизического института. Он поднял взгляд вверх, откуда слышались звуки серии беспорядочных хлопков, словно по ступенькам лестницы вниз тащили стволы деревьев.

— Да, — сказал он, — Я его позову.

Пока он, задыхаясь, поднимался наверх, хлопки сменились чем-то вроде быстрой приглушенной барабанной дроби. Если что еще и потребовалось, чтобы окончательно убедить Данидина в радикальных переменах, случившихся с разумом его хозяина, так это установка и регулярное использование горизонтального бруса и боксерской груши в пустующей комнате.

Парк, в пропитанных потом шортах, повернулся и посмотрел в дверь своими светлыми глазами. Старый добрый Обезьян. Парк, относившийся к подчиненным весьма предупредительно, никогда не говорил Данидину, на кого он, по мнению Парка, походит.

— Человек из Психофизического института, — объявил Данидин. Санитар сообщил, что, для разнообразия, Джозеф Ноггл претендует на имя Джозефа Ноггла.

Парк схватил берет и быстро приехал на своем «пароходе».

Боруп спросил:

— Но, уважаемый, многоуважаемый Святый, почему ты... Э... Смотришь только этого пациента? Здесь много господ, которым было бы полезно твое духовное руководство.

Глупый любитель, подумал Парк. Если он не желает, чтобы я узнал, почему он предпочитает держать Ноггла взаперти, отчего бы ему не сказать, что Ноггл склонен к насилию или что-то вроде того? Так же он выдает всю свою игру. Но вслух Парк высказал несколько гладких и благочестивых оправданий и отправился к своему человеку.

Оригинальный Ноггл был быстрым и нервным. Ему понадобилось не больше минуты, чтобы понять, кто такой Парк-Скоглунд.

— Послушай меня, — сказал он, — послушай. Мне нужно выбраться. Мне нужно достать мои книги и заметки. Если я не выйду сейчас, пока я в собственном теле, я не смогу остановить эту чертову карусель еще шесть дней!

— Ты имеешь в виду, сын мой, что ты занимаешь свое собственное тело каждые шесть дней? А что в остальное время?

— Остальное время я кручуясь в колесе, меняя одно за другим тела других людей моего колеса. И разумы этих других людей также перемещаются вслед за мной. Так что в каждом из шести тел каждые шесть дней проживает по очереди каждый из наших шести разумов.

— Понимаю, — мягко улыбнулся Парк. — И что это за колесо, о котором ты говоришь?

— Я называю его моим колесом «Если бы». Каждый из пяти других мужчин на нем — это те люди, кем я, скорее всего, мог бы стать, если бы определенные события произошли по-другому. Например, человек, в чьем теле вчера обитал мой разум, был человеком, которым я, скорее всего, стал бы, если бы король Эгберт упал с лошади в 1781 году.

Парк не стал отвлекаться на расспросы о короле Эгберте или о печальных последствиях его неискушенности в верховой езде. Он мягко спросил:

— Как вообще началось твое колесо?

— Это случилось, когда я пытался остановить твое! Закон сохранения душевного импульса, знаешь ли. Я проявил беспечность, и импульс твоего колеса перешел на мое. Вот с тех пор я на нем и кручуясь. Послушай, как бы тебя ни звали, мне нужно убираться от-

сюда, иначе мне никогда не остановиться. Сегодня утром я приказал им выпустить меня, но мне только и ответили, что посмотрят завтра. А завтра мое тело займет какой-нибудь другой со-колесник, и скажут, что я снова безумен. Боруп все равно, если сможет, постарается меня не отпустить, ему нравится перехваченная у меня работа. Но ты должен использовать свой епископское влияние...

— О как, — сказал Парк бархатным голосом, — значит, мне следует использовать свое влияние, да? Еще один вопрос. Мы все связаны с колесами? И сколько таких возможных миров?

— Да, мы все связаны с колесами. Обычно на колесах четырнадцать мест — столько на твоем, — хотя бывает и по-другому. Количество миров бесконечно, или почти бесконечно, так что шансы на то, что кто-то с моего колеса будет жить в том же мире, что и любой человек с твоего, довольно малы. Но все это маловесно. Весомость в том, чтобы вытащить меня...

— Ах, да, вот это маловесно, не так ли? Но предположим, сначала ты расскажешь мне, зачем вообще закрутил мое колесо?

— Просто занимался средствоизысканием ментального контроля над колесами.

— Ты лжешь, — мягко сказал Парк.

— А, значит, я лгу, да? Ну, тогда выкладывай свои собственные резоны.

— Мне жаль, что ты занял такую позицию, сын мой. Как я могу тебе помочь, если ты не доверяешь мне и Богу?

— Да ладно, не паясничай. Ты не епископ, и ты это знаешь.

— Да, но я был священнослужителем в моем бывшем существовании. — Парк прямо-таки сочился святостью. — В этом нет ничего странного, не так ли? Поскольку я был человеком, которым мог бы, скорее всего, стать епископ, если бы король Освиу выбрал римлян, а арабы проиграли бы битву при Туре.

— Ты блюдешь профессиональный обет хранить в тайне конфиденциальную информацию?

Парк выглядел шокированным.

— А как иначе! Конечно же!

— Хорошо. Я, знаешь ли, своего рода спортсмен. Около месяца назад я сильно прогорел, поставив на нее на ту лошадь, и я... э... одолжил немного денег из фондов института. Конечно, я собирался все вернуть, по-честному расплатиться. Но мне пришлось сделать несколько маленьких... э... поправок в некоторых книгах, потому что в противном случае тот, кто не понимал обстоятельств, мог высосать из них неправильные выводы. Ивор Максвенсон как-то узнал об этом и пригрозил засадить меня в тюрьму, если я не вос-

пользуюсь своими ментальными силами, чтобы крутануть твоё колесо на полоборота, а потом его остановить. Когда в теле епископа окажется чужой разум, легко будет доказать, что епископ тронулся и в любом случае его влияние сойдет на нет. Но, как ты знаешь, все пошло совсем не так. Похоже, над тобой нет никакой опеки. Поэтому тебе придется что-то сделать, чтобы вытащить меня.

Парк наклонился вперед, и взгляд светлых глаз епископа вперился в Ноггla. Парк сурово сказал:

– Знаешь, Ноггл, я восхищаюсь тобой. Для парня, который оградил свою больницу, а потом, чтобы выпутаться, запустил круговорот разумов четырнадцати человек, разрушая тем самым их жизни и, возможно, сводя некоторых с ума, а некоторых толкая на самоубийство, у тебя больше наглости, чем у амбарной крысы. Ты сидишь и говоришь мне, одной из своих жертв, что я должен вытащить тебя. Будь проклята твоя паршивая мелкая душонка! Если у тебя когда-нибудь и получится выбраться отсюда, будь уверен, я устрою такую травлю, что ты решишь, что на тебя обрушили гору!

Ноггл слегка побледнел.

– Выходит... Выходит ты не был церковником в своем собственном мире?

– Черт возьми, нет! Я занимался тем, что сажал в тюрьгу подобных тебе гнид. И я подумаю, что смогу сделать это и здесь, зная то, что ты так любезно мне только что рассказал.

Ноггл, когда до него дошло, сглотнул.

– Но ты пообещал...

Парк неприятно рассмеялся.

– Конечно, пообещал. Я никогда не позволял таким мелочам, как нарушенное обещание жулику, тревожить мой сон.

– Но ты же хочешь вернуться, правда? А я единственный, кто может отправить тебя обратно, и тебе придется вытащить меня отсюда, прежде чем я что-то смогу сделать...

– Есть такое, – задумчиво сказал Парк. – Но я не знаю. Может, мне здесь понравится, когда я попривыкну. А захочу позабавиться – стану приходить сюда каждый шестой день и показывать тебе, как ржут лошади.

– Ты... ты дьявол!

Парк снова засмеялся.

– Спасибо. Ты рассчитывал, что в теле Скоглунда окажется какой-нибудь бедный недоумок, не так ли? Ну, так вот, ты еще узнаешь, как ты ошибся.

Парк встал.

— Я позволю тебе оставаться здесь еще на некоторое время, побывать чокнутым призом доктора Борупа. Может, когда поумеришь спесь, мы сможем поговорить о делах. А пока можешь создать совместный клуб с теми пятью другими парнями на твоем колесе. Вы могли бы оставлять друг другу записки. Пока, доктор Свенгали*!

Десять минут спустя Парк, с мягкой епископальной улыбкой на лице, входил в офис Борупа. Он задал Борупу, не напирая ни на что конкретно, много вопросов о правилах, связанных с заключением и освобождением пациентов.

— Нет, — твердо сказал Эдви Боруп. — Мы смогли бы... мmm... освободить пациента, и передать его на твоё попечение, только если бы он был здравомыслен большую часть времени. Те же, кто большую часть времени ненормален, как бедный доктор Ноггл, должны оставаться здесь.

Все оказалось очень определенно. Но Парк знал многих, рассуждавших так же определенно, пока на них не начиналось давление из соответствующих инстанций.

ЧЕМ МЕНЬШЕ оставалось до воскресной службы, тем холоднее становились ноги Аллистера Парка. Для такого агрессивного и уверенного в себе человека как он, это было своеобразным ощущением. Но когда он задумывался обо всех мелочах — как опускаться на колени и снова вставать, поворачиваться то в одну, то в другую сторону... Он позвонил Кули в собор. У него, он сказал, легкая простуда, и не сможет ли Кули управиться со всем, кроме проповеди?

— Конечно, Святый, конечно. Господь, я надеюсь, позаботится о том, чтобы ты скоро полностью восстановился. Я произнесу за тебя особую молитву...

Пришло время, решил Парк, посвятить Обезьяна в свою тайну. Он рассказал ему все, отчего глаза Данидина неизмеримо округлились.

— Теперь, старина, — бодро закончил Парк, — если ты захочешь вернуть своего хозяина в его собственное тело, тебе придется мне помочь. Например, эта чертова проповедь. Я прочту ее, а ты по-правляй мое произношение и движения.

В воскресенье Парк вернулся в дом епископа после полудня. С проповедью он справился достаточно легко, но потом ему пришлось приветствовать сотни людей, которых он не знал, так, как будто они были старыми друзьями. И ему пришлось отвечать на

* Свенгали — зловещий гипнотизер, герой романа «Трильби» Джорджа дю Морье, сильный человек, подчиняющий своей воле другого и открывающий в нем скрытые таланты.

десятки вопросов о своем отсутствии. Он решил, что заслужил выпивку.

— Хайболл? — спросил Данидин. — Что это?

Парк объяснил. Данидин выглядел изрядно потрясенным.

— Но тан Па... Я имею в виду... Святый, разве такое холодное питье не повредит твоим внутренностям?

— Не беспокойся о моих потрохах! Я... Это еще кто?

Данидин ответил на звонок в дверь и сообщил, что это Т. Фиггис, желающий увидеть епископа. Парк велел впустить. В этом имени было что-то знакомое. Сам человек оказался высоким, угловатым и насупленным. Как только Данидин вышел, он наклонился вперед и драматично прошипел:

— Теперь я тебя достал, епископ Скоглунд! Что ты собираешься с этим делать?

— Что я собираюсь делать — с чем?

— С моей женой!

— А что с твоей женой?

— Ты прекрасно знаешь! Ты поднялся в мою квартиру в прошлый вторник, когда меня не было, и спустился оттуда в среду.

— Не неси вздора, — сказал Парк. — Я никогда в жизни не был в твоей квартире и никогда не встречал твою жену.

— Да неужели? Не пытайся обмануть меня, ты, волк в одежде священника! У меня есть свидетели. Богом клянусь, я разберусь с тобой, соблазнитель!

— Ах, вот в чем дело! — Парк усмехнулся и объяснил трюк с лестницей и веревкой.

— Думаешь, я в это поверю? — фыркнул Фиггис. — Не будь ты священником, я бы бросил тебе вызов, вырезал бы твою печень и съел ее. В любом случае, я могу сделать так, что тебе станет жарко...

— Постой, постой, — прервал Парк, — Прояви благородство. Я уверен, что мы сможем прийти к взаимопониманию...

— Пытаешься подкупить меня, а?

— Я бы так не стал говорить.

— Ты что, считаешь, что можешь купить мою честь, а?! Ладно, что ты предлагаешь?

Парк вздохнул.

— Я так и думал. Еще один чертов шантажист. Убирайся, вошь!

— Но разве ты не собирался...

Парк вскочил, развернул Фиггиса и толкнул к двери.

— Вон, я сказал! Если ты думаешь, что можешь пойти и раздусть свой маленький скандал, давай, иди. И тогда поймешь, что ты не единственный, кто кое-что знает о делишках других.

Фиггис пытался извернуться. Парк пинком принудил его повиноваться, а финальным тычком отправил бежать, спотыкаясь, вниз по ступенькам подъезда.

Данидин с ужасом смотрел на грозное существо, каким после случившейся метаморфозы стал его хозяин.

— Святый, ты действительно знаешь что-то, что может заставить его замолчать?

— Нет. Но, исходя из моего опыта, у большинства мужчин его возраста имеется нечто, что они предпочли бы скрыть. В любом случае, с шантажистами надо говорить с позиции силы, иначе они не отстанут от тебя до закрытия ада. Конечно, сын мой, мы, — подмигнул Парк, — станем надеяться, что наш добрый Господь покажет нашему брату все безрассудство его греховных намерений, не так ли?

ПАРК СКОРО узнал, что быть епископом означает гораздо большее, чем часовые выступления в соборе по воскресениям. Но своими епископскими делами он старался заниматься по большей части дома, а остальное передал Кули. Он пока не чувствовал, что его перевоплощение в другого человека достаточно хорошо, чтобы выдержать дотошную проверку со стороны целого роя подчиненных епископа.

Пока он планировал следующие шаги, случай неожиданно открыл для него дорогу. Во вторник вечером двадцать шестого апреля Парк только расположился в квартире на Ислейф-стрит, как в дверь позвонил молодой человек. Потребовалось не больше шести секунд, чтобы определить в молодом человеке юриста-новичка, начиナющего политическую карьеру работой на участке.

— Нет, — сказал Парк, — я не подпишу ваше прошение о выдвижении тана Хаммара, потому что я его не знаю. Я только что переехал сюда из Дакотии. Но я бы хотел прийти в клуб и познакомиться с ребятами.

Молодой человек просиял.

— Почему бы и нет? Завтра вечером состоится собрание работников участка, а избиратели всегда рады...

НА СТЕНАХ КЛУБА висели реплики щитов и оружия викингов, в комнате клубился табачный дым.

— Кто это? — спросил Парк у своего юриста-новичка.

Он спрашивал про краснолицего мужчину, на которого некоторые явно обращали пристальное внимание.

— Это Тригви Дарлинг, паразит Браца.

Парк уловил неприязненную нотку, и добавил этот факт в новую карточку своей мысленной картотеки. Брац был деятелем Алмазной партии из западной провинции, лидером сквайрархии. В местной несколько наивной культуре джентльмену приходилось демонстрировать свое материальное положение, поддерживая стаю бесполезных друзей или джентльменов-заместителей. Наименование «паразит» оказалось более чем точным, но эти прихвостни принимали его, вовсе не считая унизительным.

В дымке нарисовалась неприятно знакомая угловатая фигура. Ладонь Парка на краю стола непроизвольно сжалась в кулак.

– Хо, Морроу, – сказал Фиггис и посмотрел на Парка. – Мы не встречались?

– Может, и встречались, – сказал Парк. – Приходилось жить в Дакотии?

Морроу, молодой юрист, представил Парка – как Парка. Парк горячо надеялся, что его маскировка окажется достаточно надежной. Фиггиса это удовлетворило, но он продолжал недоуменно поглядывать на Парка.

– Могу поклясться... – начал он.

Но как раз тогда и объявили о начале собрания. Несмотря на то, что оно заставило бы многих людей захотеть покончить с собой от скуки, Парк наслаждался взаимодействием личностей, быстрым фехтованием парламентскими правилами в схватке между различными фракциями. Эти правила, происходившие от древнего исландского тинга, а не от английского парламента, отличались от тех, к которым он привык. Но смысл был тот же. Местные депутаты хотели организовать пикник для избирателей хайда (округа). Хорошо сплоченное меньшинство во главе с паразитом Дарлингом хотело сэкономить деньги и отложить их в резервный фонд.

Парк подождал, пока вопрос не будет вынесен на голосование и щелкнул пальцами, привлекая внимание председателя. Председатель, древний старик, дал ему слово.

– Друзья мои, – сказал Парк, поднимаясь на ноги, – конечно, я не знаю, смогу ли сказать что-то толковое, будучи всего лишь новым переселенцем из дебрей Дакотии. Но я всегда голосовал за Алмазов, как и мой отец, как и его отец до него, и так далее, вплоть до того, когда вообще появилась Алмазная партия. Поэтому я думаю, что могу претендовать на членство в партии, не менее продолжительное, чем у некоторых, живущих в Нью-Белфасте три месяца в году, а остальное время проводящих, поддерживая денежную репутацию определенных почетных деревенских танов.

Парк с удовольствием увидел, как у Дарлинга дернулось лицо, окрасившееся в цвет томата, и услышал несколько смешков.

— Хотя, — продолжал он, — при виде здоровой кожи деревенского жителя, я невольно начинаю завидовать такому человеку, — послышалось еще больше смешков. — Сейчас мне кажется, что...

Двадцать минут спустя после голосования пикник был утвержден: Парк стал председателем (поскольку он, похоже, оказался единственным человеком, пожелавшим взять на себя ответственность), а Тригви Дарлинг, за чей счет Парк, отпусковший в его сторону язвительные реплики, приобрел раздувшуюся, как пузырь, популярность, превратился из ярко-красного в пурпурного.

После собрания Парк оказался в группе людей, включавшей председателя и Фиггиса. Фиггис что-то рассказывал о негодяе Скоглунде, когда заметил Парка. Он усмехнулся своей слегка потусторонней ухмылкой.

— Теперь я понял, почему порещал, что встречал тебя! Ты напоминаешь мне епископа!

— Знаешь его?

— Встречал однажды. Скажи, Датт, — обратился он к старику-председателю, — на когда назначен твой уход?

— На следующее собрание, — прошмакал старик. — А вот и наш наследный принц, хех, хех!

Подошел Дарлинг, чье лицо вновь приобрело его обычный томатный цвет.

— Ты знаешь тана Парка?

— Я достаточно хорошо узнал его, — прорычал Дарлинг, выглядевший так, словно обнаружил таракана в своем мороженом. — Мне кажется, тан Датт, что в числе прочих обязанностей председатель должен пресекать попытки выступающего насмехаться и переходить на личности.

— Ты всегда можешь потребовать это в качестве личной привилегии, хех, хех.

Дарлинг пробурчал нечто, что нельзя было назвать вполне членораздельной речью. Фиггис пробормотал:

— Он знает, что парни посмеются над ним, если он попробует это сделать.

— Вот как? — сказал Дарлинг. — Посмотрим, что они скажут, когда я стану председателем.

Вскоре он убрался.

ЗАНЯВШИСЬ НОВЫМ делом, Парк не терял времени. Узнав, что Ивор Максвенсон должен вернуться в Нью-Белфаст на следу-

ющий день, он, как Аллистер Парк, отправился в адвокатскую контору, которую этот босс использовал в качестве своего плацдарма. Босс уже был там, но в приемной толпились просители. Парк, вместо того, чтобы терять утро, ожидая свою очередь, подкупил офисного боя и тот рассказал, когда и где Максвенсон поедает свой обед. Затем Парк отправился в ближайшую публичную библиотеку – кино в этом мире не было изобретено – и спокойно просидел там до часа пополудни.

К сожалению, Ивор Максвенсон не появился в указанном ресторане, хотя Парк растянул обед из единственного тунца на полчаса. Парк проклял лживого офисного боя. Обычно он неодобрительно относился к взяткам, но по-настоящему возмущался, когда его взятка не давала результата. Поэтому Парк пошел более сложным путем. Ближайший нагиб сообщил ему месторасположение пяти самых дорогих ресторанов района, и в третьем Парк нашел нужного человека. Парк узнал его по фотографиям, которые изучил перед началом поисков – большой, симпатичный тип с холодными голубыми глазами и ранней сединой.

Парк промаршировал прямо к нему.

– Хо, тан Максвенсон. Узнаешь меня?

Максвенсон долю секунды выглядел озадаченным, но тут же мягко сказал:

– Конечно, я всенепременно узнал тебя. Тебя зовут... эээ...

– Аллистер Парк, председатель комиссии по развлечениям Десятого Хайда, – отбарабанил Парк. – Мы с тобой встречались совсем недавно, как раз перед твоим отъездом.

– Конечно, всенепременно. Я бы узнал тебя где угодно... Да, кстати, судья Видольф с пляжа Бригитты телефонировал мне сегодня утром, хотел узнать, не знаю я ли тебя. Я сказал, что пerezвоню, – он пожал руку Парка. – Давай, садись. Конечно, всенепременно, любой добрый партийный работник – мой друг. Что затевается в Десятом Хайде?

Парк рассказал о пикнике. Максвенсон присвистнул.

– В субботу, тридцатого? Это уже послезавтра.

– Я справлюсь, – заверил Парк. – Может, подскажешь, где мне подцепить несколько непьющих барменов?

– Конечно, всенепременно.

Почтительно направляемый Парком, босс дал ему всю необходимую информацию. Встречу Максвенсон закончил быстрым и энергичным рукопожатием, практикуемым людьми, которым приходится пожимать тысячи рук, и которые не хотят нажить судорогу кисти. Он пригласил Парка снова прийти и повидаться с ним.

— Особенno после того, как тот парень, Дарлинг, станет председательствовать в вашем комитете.

Парк ушел, слегка про себя улыбаясь. Он понимал, какое произвел впечатление, и мог предположить, как на него станет реагировать босс. Босс был бы рад заполучить в организацию энергичного и напористого работника; однако хотел держать такого работника под пристальным наблюдением, чтобы увидеть, не покушается ли тот на его власть.

Парк поздравил себя с тем, что попал в мир, в котором политические установки имеют узнаваемое сходство с его собственными. В абсолютной монархии, к примеру, ему понадобилось бы чертовски много времени, чтобы изучить все хитросплетение интриг, необходимых, чтобы стать фаворитом короля. Как то было при...

НАГИБЫ ПЛЯЖА Бригитты стояли на безопасном удалении от толпы, собравшейся на пикник. Несмотря на то, что сами они были против Максвенсона, судьи его поддерживали, так что они могли поделать, даже если этот пикник нарушал правила поведения на пляже? Поскольку сокомитетчики Парка уже слишком увлеклись пивом, чтобы заниматься чем-нибудь еще, Парк, одетый только в пару теннисных туфель и дурацкий ремень, служивший в Винланде купальным костюмом, носился как угорелый, управляя всем весельем. Казалось, что все хорошо проводили время — партийные деятели, влиятельные избиратели и их семьи — в общем, все, кроме мрачных приспешников Дарлинга, скучковавшихся в стороне.

Рядом с этой кучкой группа «антидарлингцев» сочиняла песенку:

*Триг Дарлинг, стервец, несущий вздор;
Триг Дарлинг, красный, как помидор;
Трига Дарлинга никто не любит здесь.
Бросьте Тригви в море, смойте с него спесь!
Бросай-кидай Трига,
Кидай-швыряй Трига,
Смывайте с Тригви спесь!*

Парк поспешил их угомонить. Все шло хорошо, и он не хотел драки, пока, во всяком случае. Но его усилия пропали втуне и появилась следующая строфа:

*Триг Дарлинг, у него брюхо как горшок,
Триг Дарлинг, злобный, как бегемот...*

Как раз в этот момент мощный удар отправил голову Аллистера Парка на столкновение с *Sequoia sempervirens**.

Он, пошатываясь, сделал несколько шагов, стряхнул слезы и оказался перед надвигающимся на него Тригви Дарлингом с поднятыми кулаками.

— Эй, — сказал Парк, — это не...

Они и сам поднял руки со сжатыми кулаками. Но Дарлинг, вместо того, чтобы попытаться снова ударить, пристально глядел на него секунды три, а затем плонул.

Парк посмотрел на каплю слюны, растекающуюся по его груди. Смотрели и все остальные. Один из друзей Дарлинга спросил:

— Считать это вызовом, Триг?

— Да! — рявкнул паразит.

Парк не врубался, что происходит, пока не подошли его собственные сторонники. Его и Дарлинга подталкивали друг к другу, пока их голые торсы не оказались на расстоянии фута. Кто-то позвал нагибов, те расположились рядом с парой. Еще кто-то притащил длинный кожаный ремень и тут же обвязал им талии обоих мужчин так, что они не смогли бы отодвинуться друг от друга на большее расстояние. Дарлинг, с ничего не выражавшим красным лицом схватил левой рукой Парка за правое запястье и протянул собственное правое предплечье, явно ожидая, что Парк сделает то же самое.

Лишь после того, как мужчинам в правые руки сунули по большому ножу, Парк понял, что участвует в дуэли.

Каким-то образом в своих штудиях он упустил этот винландский обычай.

Парк страшно боялся, что во время схватки его усы могут отклеиться. Один из нагибов вышел вперед и сказал:

— Вы знаете правила: не пинаться, не кусаться, не царапаться. Штраф за нарушение — один неблокируемый удар. Готовы?

— Да, — сказал Дарлинг.

— Да, — сказал Парк, с большей уверенностью, чем чувствовал.

— Начали, — сказал полицейский.

Парк почувствовал, как мышцы соперника мгновенно словно взорвались. Оказывается, у Дарлинга под слоем жира их хватало. Если бы у Парка имелось побольше времени, чтобы натренировать тело епископа... Дарлинг вырвал запястье из хватки Парка, завел свою ногу за ногу Парка, и молниеносно ударил кулаком.

* *Sequoia sempervirens* (лат.) — Секвойя вечнозеленая или мамонтово дерево, один из самых высоких видов деревьев на Земле.

Park found himself staring up into a furious face—and at a sudden end to the duel!

Получилось слишком успешно. Ноги Парка подкосились, он тяжело рухнул на спину, утянув Дарлинга за собой и тот, промахнувшись, по рукояти всадил свой нож в песок. Когда Дарлинг выдернул нож, чтобы ударить снова, Парк чудом снова поймал его за запястье. Рывок, и Дарлинг скатился с него на песок. Через секунду они, тяжело дыша и напрягаясь изо всех сил, превратились в клубок переплетенных конечностей.

Парк, с песком в глазах и колотящимся сердцем, вывернулся и освободил свою руку с ножом. Но когда он ударил Дарлинга, паразит странным вихляющим движением левой руки парировал и поймал руку Парка на излом. Парк, преодолевая боль, встал на колени, подтянув и Дарлинга. Они стояли на коленях лицом друг к другу, ремень по-прежнему связывал их. Дарлинг снова освободил вооруженную руку, взмахнул, словно собираясь ткнуть в спину, а затем повернул руку для удара сверху. Парк, пытающийся уследить за мечущимся лезвием, почувствовал, как будто в его левой руке что-то взорвалось. В нее воткнулся нож Дарлинга, достав острием до кости. Дарлинг попытался выдернуть лезвие еще до того, как рана начала кровоточить. С первого раза ему это не удалось, так как Парк внезапно наклонился вперед. Чтобы удержаться и не завалиться назад, Дарлинг разжал левую руку, удерживающую правое запястье Парка и Парк ударил его ножом. Дарлинг заблокировал удар предплечьем и Парку показалось, что его запястье треснуло. Он разыграл свой последний импровизированный трюк: выпустил нож, поймал его другой рукой и быстро ткнул снизу вверх. К его удивлению, Дарлингу не удалось заблокировать удар – лезвие скользнуло под ребра паразита по рукоятку. Парк, по чьей руке бежала теплая кровь, повернул нож и резанул живот...

Тригви Дарлинг лежал на спине с разинутым ртом и песком в незрячих глазах. Зрители с восхищенным ужасом смотрели на десятидюймовую рану. Парк, которого слегка потряхивало, стоял, пока ему перевязывали руку. Нагибы сосредоточенно вносили в бланк основную информацию о покойнике, вписав в последнюю пустую строчку: «Убит в честном поединке с Аллистером Парком, Ислейф-стрит 125, Н.Б.».

Потом люди пожимали ему руку, хлопали по голой спине и бормотали поздравления. «Он сам нарывался...», «...все равно он нам никогда не нравился, мы терпели его только из-за Браца...», «Ты станешь лучшим председателем...»

Парк отнял руку от верхней губы. С одной стороны ус слегка отошел, но быстро его прижав, Парк все исправил. Постепенно он начал осознавать, что эта дуэль вовсе не испортила пикник, а на против, сделала его ошеломляюще успешным.

ВЕСТИ ДВОЙНУЮ жизнь – это, в лучшем случае, напряженно. А особенно это трудно, когда обе личности – довольно известные люди. Однако это удавалось Аллистеру Парку, решительно настроенному не позволять ничему его останавливать в его стремлении поставить Джозефа Ноггла в такое положение, что тому ничего не

останется, кроме как заставить сделать колесо «Если бы» Парка еще полоборота. Может быть, еще не поздно реабилитировать себя, даже если дело Антонини развалилось.

Его следующим шагом стала обработка Ивора Максвенсона, председателя бургского комитета от Алмазной партии Нью-Белфаста. Это оказалось достаточно легко, так как председатель комитета хайда в силу занимаемой должности становился членом бургского комитета.

Они обедали в одном из маленьких, но дорогих ресторанов, к которым Максвенсон питал слабость. Председатель бургского комитета сказал:

– Нужно вытащить Айлаафа, вот и все. Тупым нагибам следовало подумать получше, прежде чем сразу его хватать.

Парк посмотрел на потолок.

– Даже если бы это была дочь Пенды*?

– Даже если бы это была дочь Пенды.

– В конце концов, разращение десятилетки...

– Знаю-знаю, – нетерпеливо прервал Максвенсон. – Я знаю, что он грязный ублюдок. Но что я могу поделать? У него в кулаке двадцать шестой хайд, так что мне приходится вошкаться с ним. Особенно с учетом того, что через три месяца выборы в Тинг. Все шатко, даже если епископ Скоглунд не станет высовываться. У меня имелся маленький план, как утихомирить нашего дорогого епископа; план не сработал, но, видимо, епископ все же так напугался, что помалкивает о праватах скреллингов. А тут сбор Тинга в следующем месяце... Если пройдет эта дурацкая изменка про равные правата, она расколет партию.

– А если нет? – спросил Парк.

– Все будет хорошо.

– Как насчет дакотов и прочих?

Максвенсон пожал плечами.

– Лет пятьдесят никаких неприятностей не ожидается. Они много болтают, но я никогда не видел скреллинга, способного встать и что-то сделать. А если они и попробуют воевать? Нью-Белфаст далеко от границы, а выборы будут отменены. Может, к тому времени, как все закончится, люди станут более здравомыслящими.

У Парка на этот счет были свои мысли. Его изыскания рассказали ему кое-что о неготовности страны. Между Нью-Белфастом и независимыми скреллингами сотни миль, а в случае морской

* Пенда (др.-англ. Penda; погиб 15 ноября 655) – король англо-саксонских королевств Мерсии (626-655) и Уэссекса (645-648).

атаки Винланд мог рассчитывать на помощь дружественного нортумбрийского флота, одного из крупнейших в мире. Поэтому в Нью-Белфасте постоянно большая часть денег вливалась в улучшение гавани и субсидирование торгового флота, а меньшая шла на военные цели... Однако если нортумбрийский флот будет парализован угрозой со стороны флота Кордовского эмирата, а скрэллинги перекроют внутренние районы Винланда...

Максвенсон тем временем говорил:

—...можешь представить себе, что моя младшая дочь хочет выйти замуж за *школьного учителя*? Совершенно безумная идея... А мой мальчик собрал в доме кучу друзей-музыкантов, по крайней мере, так он их называет. Они будут играть на своих флюгельгорнах, орать и прыгать всю ночь.

— Почему бы не отправиться ко мне? — спросил Парк с безразличием многоопытного рыбака, забрасывающего удочку с нацепленной на крючок приманкой.

— Конечно, всенепременно. С удовольствием. Мне надо разобраться с тремя назначениями, Тинг приближается... Но к черту все!

ВНЕ ВСЯКИХ сомнений, Ивор Максвенсон был хорошим компаньоном, пусть даже с достойными осуждения моральными ценностями. Парк, прозондировав почву, в конце концов, предложил позвать кого-нибудь в их компанию. Голубые глаза председателя блеснули, старый боевой жеребец еще не прочь был немного поразвлечься. Парк позвонил своей маленькой подруге-официантке. Да, у нее есть подружка, просто *умирающая* от желания познакомиться с крупными политическими шишками...

Многие жители Нью-Белфаста обыкновенно говорили об Иворе Максвенсоне так:

— Может быть, он и змий-мошенник, но, по крайней мере, его семейная жизнь безупречна.

Максвенсон до боли в зубах поощрял распространение этой легенды, как бы непрочна ни была ее основа. А часом позже жителям до боли обидно было бы увидеть перемазанного помадой босса с прыгающей на его коленях подружкой подруги Парка. Одежды на подружке подруги оставалось столько, что это не шокировало бы винландцев разве только на пляже.

— Душновато, правда? — сказал Парк и встал открыть окно.

Ничего не подозревающий Максвенсон слишком хорошо проводил время, чтобы заметить, как Парк высунул руку из окна и коротко ею взмахнул.

Через пять минут задребезжал дверной звонок. К тому времени, как Максвенсон очнулся от счастливого оцепенения, Парк впустил маленького морщинистого человечка, который показал на подружку подруги и вскричал:

— Фледа!

— Освальд! — умирающей птицей вскрикнула девушка.

— Сэр! — закричал Данидин на босса. — Что тытворишь с моей женой? Что тытворишь с моей женой?

— О, — рыдала Фледа, — я не хотела тебе изменять! Правда, не хотела! Я все время думала только о тебе, пока не стало слишком поздно...

— А? — бормотал Максвенсон. — Слишком поздно? Измена? Твоя жена?

— Да, змий, негодяй, ублюдок, это моя жена! Ты ответишь за это, босс Максвенсон! Погоди, пока я...

— Эй, друг, идем сюда! — воскликнул Парк, хватая Данидина за руку и вытаскивая его в вестибюль.

Минут десять потеющий босс слышал то громче, то тише звущие голоса Парка и Данидина, успокаивающий голос первого и звенящий от ярости второго. Наконец, хлопнула входная дверь.

Парк вернулся и сказал:

— Я заставил его пообещать, что он не станет бросаться обвинениями или обращаться к газетчикам, пока мы не обсудим все заново. Я знаю, кто он, и, *полагаю*, смогу надавить на него через компанию, в которой он работает. Но не уверен, что это сработает. Он злой как черт и не верит, что это была просто невинная встреча.

С изрядно потрясенного босса слетела вся невозмутимость.

— Ты должен остановить его, Ал! Такая история может поднять адский шум. Если сможешь, ты получишь все, что в моих силах.

— Как насчет места секретаря в бургском комитете? — живо спросил Парк.

— Всепременно, конечно! Для Этельбальда я найду что-нибудь еще. Только пусть этот держит рот на замке!

— Ладно-ладно, старина. А сейчас тебе лучше побыстрее вернуться домой.

Через несколько минут после ухода Максвенсона в дверном проеме появилось уродливое лицо Эрика Данидина.

— Все чисто, Свя... то есть, тан Парк?

— Заходи, дружище. Четкая работа! Ты тоже хорошо справилась, Фледа. Девочки, вы обе прекрасно справились. А теперь... — Парк начал вкручивать штопор в другую пробку, — у нас начнется *настоящая* вечеринка!

— **ЧЕРТ ПОБЕРИ**, Данидин, — сказал Парк, — когда я говорю поставить твой завтрак на стол и садиться есть, я говорю серьезно!

— Но Святый, такого не бывает, чтобы танов тан ел за одним столом со своим хозяином...

— К черту то, что бывает, а что нет. Я ожидаю от тебя большего, чем торчать как столб и обращаться со мной, словно с Господом Всемогущим. Братец, у нас есть работа. А сейчас займись этой почтой.

Данидин вздохнул и сдался. Когда надо, Парк выбирал стиль поведения, который, как признавал Данидин, почти идеально имитировал епископа Скоглунда. Но если не присутствовал человек, на которого требовалось произвести такое впечатление, то верх брала вульгарная и доминирующая личность Парка.

Прочитав одно из писем Данидин нахмурился и сказал:

— Тан Каллахан хочет знать, почему ты не делаешь ничего, чтобы продавить изменку про глик-правата.

Парк мысленно перевел последнюю часть фразы: «поправка о равных правах».

— А зачем мне? Это не моя забота. Ладно, ответь ему, что я был слишком занят, но скоро этим займусь. Такая отговорка всегда срабатывает.

Данидин внезапно присвистнул.

— Родственники покойного Тригви Дарлинга подали против тебя иск на виру в сто пятьдесят тысяч крон.

— Что-что?! Дай глянуть... Что это все значит? Имеют ли они право подавать на меня в суд, если я убил его в порядке самообороны?

— О, Святый, конечно нет. За убийство человека в честном бою не последует никакого уголовного наказания. Но его наследники могут потребовать от тебя его двухгодичный заработок. Разве ты не знал об этом, когда принимал его вызов?

— Боже правый, нет! Что я могу с этим поделать?

— О боже ж мой! Слава Патрику, ты можешь попытаться доказать, что размер требуемой виры слишком велик, как оно и есть. Впрочем, точно я не знаю, в качестве паразита Дарлинг получал от Браца большое жалование.

— Я всегда могу вывести Аллистера Парка из обращения и стать просто епископом. И тогда пусть они попытаются стребовать!

ПОДРОБНО СЛЕДИТЬ за политической деятельностью Аллистера Парка в течение трех недель после того, как он поставил медовую ловушку на Максвенсона, было бы утомительно. Но, чтобы

его необыкновенный взлет к власти не казался невероятным, вспомните, что только в 1920-х годах в оригинальном мире Аллистера Парка некий Иосиф Виссарионович Джугашвили, более известный как Иосиф Сталин, открыл для себя, что на самом деле можно сделать, если ты исполнительный секретарь политкомитета. Поэтому неудивительно, Парк знал, что можно сделать на такой должности, а политики Винланда – нет. Они узнали. Среди прочего, секретарь составляет повестку дня заседаний. Он приводит предложения и ходатайства в «надлежащую» форму, так как предложение редко звучит с трибуны в удобопонятном виде. Он подсказывает председателю – номинальному руководителю организации – ход парламентской процедуры. Он является временным исполнительным директором, поэтому все назначения проходят через его руки, и у него имеются все записи. По должности он является членом всех комитетов. Поскольку комитет редко имеет четкое представление о том, что он хочет делать или как он хочет это делать, напористый секретарь обычно может руководить столькими комитетами, на сколько из них у него хватает времени. В то время как председатель не имеет права выступать на заседаниях, секретарь может не только говорить, но и выступать с заключительным словом. Он стучит молотком, призывая к порядку, когда кто-то пытается апеллировать с места...

По крайней мере, так это делается в *нашем* мире. В Винланде правила несколько отличались, но сходство было достаточным для цели Парка, которая по-прежнему заключалась в том, чтобы вернуться в старый добрый Нью-Йорк к своему судейству, если еще оставался шанс получить его.

Первого июня после заседания бургского комитета Парк столкнулся с Ивором Максвенсоном в офисе последнего. Парк намеревался прощупать босса насчет того, как бы ему заполучить Джозефа Ноггла. Но Максвенсон начал первым, резко спросив:

– С чего это ты заигрываешь с комитетчиками?

– Ты о чём? – вежливо поинтересовался Парк. – Я вижу их только на рутинных заседаниях.

– Разве? Мне говорили другое. И я выяснил, что та девица, которую ты для меня подцепил, вовсе не замужняя. Пытаешься подсидеть босса, ага? Так вот, тебе придется вернуться в свой хайд. Ты вызван на специальное собрание в пятницу вечером. Сегодня разошли всем извещенки и не ошибись! Это все.

– Меня устраивает, – усмехнулся Парк.

Председатель может потребовать проведения специального собрания, но рассыпает уведомления секретарь.

Когда наступил вечер пятницы, две трети мест в зале для заседаний комитета в Карлсфни-Холле оставались пустыми. Максвенсон, раздраженно расхаживал по залу, сверкая заледеневшими голубыми глазами. Парк, выпускавший огромные клубы дыма из самой большой трубы епископа, развалился в кресле, тайком поглядывая на часы. Если Максвенсон будет оставаться в дальнем конце зала, когда секундная стрелка коснется шестидесяти, Парк просто встанет и скажет: «В отсутствие председателя и иных должностных лиц, уполномоченных действовать в этом качестве, я, Аллистер Парк, действуя в качестве председателя, объявляю собрание открытым...»

Но Максвенсон, глянув на Парка, догадался об этом. Он бросил взгляд на свои собственные часы и, кинувшись к креслу, оказался в нем через полторы секунды.

Парка это не смутило. Он занял свое место и услышал рычание босса:

— Парк, ты разослал извещенки всем, как я тебе велел? Здесь едва набирается кворум.

— Абсолютно всем. Ничем не могу помочь, если они на почте заблудились.

Парк забыл добавить, что при должном сотрудничестве с почтовым клерком, иногда можно убедиться, что некоторые из уведомлений, пусть и проштемпелеванные надлежащим образом на момент их получения, случайно затерялись в почтовом отделении, и никто их не увидит до дня, следующего после дня собрания.

— Прошу собрание считать открытым, — рявкнул Максвенсон.

Ему совсем не нравился состав присутствующих — он не наблюдал ни одного из своих испытанных верных друзей, кроме Слиппи Этельбальда.

Он продолжил:

— Это специальное собрание, созванное ради благополучия комитета. В связи с этим чтение протокола проводиться не будет. Теперь собрание рассмотрит пункты повестки дня.

Максвенсон поймал взглядом Слиппи Этельбальда, готовившегося именно на этот случай. Прежде чем Этельбальд поднялся, вскочил другой комитетчик:

— Я предлагаю, чтобы мы рассмотрели соответствие председателя Максвенсона его нынешней должности.

— Вотировано.

— Я предлагаю на этом повестку дня закрыть.

— Вотировано.

Максвенсон сидел несколько секунд с открытым ртом. У него и раньше случалось немало бунтов, но ни один не развивался так скоординировано и с такой разрушительной скоростью. В конце концов, он пробормотал:

— Все за...

— Да! — проревела большая часть собравшихся.

Максвенсон пригладил пятерней волосы, потом расправил плечи. Он все еще не побежден, ни в коем случае. У него есть в запасе трюки...

— Собрание переходит к рассмотрению первого пункта повестки дня.

— Я ходатайствую об импичменте председателя Максвенсона!

— Вотировано!

И снова председатель сидел с открытым ртом. Парк сказал мягко:

— Ты утверждаешь предложение и отдаешь мне молоток.

— Но... — простонал Максвенсон.

— Никаких «но». Ходатайство об импичменте председателя са-моутверждается, и молоток передается секретарю. Давай, старина.

Час спустя измочаленный Ивор Максвенсон удалился. Парк мог бы и сам занять пост председателя, но он хитроумно предпочел остаться секретарем, а на всеобщее обозрение выставили престарелого Магнуса Датта.

МЭР ОФФА Гринфилд на все имел свое мнение, как и в этом случае. Он грохнул кулаком по столу, отчего затряслись все его подбородки.

— Нет! — закричал он. — Не знаю, что ты замышляешь, Аллистер Парк, но, клянусь правым ухом святого Галла, это что-то особенное! Свобода свободного народа...

— Погоди, погоди, сейчас мы говорим не о свободе свободного народа. Уверен, что по этому предмету у нас полное согласие. Это просто вопрос о личности Джозефа Ноггла...

— Я не допущу, чтобы мне диктовали! Я не стану подчиняться ничьим приказам!

— Кроме Ивора Максвенсона?

— Кроме Ив... Нет! Я сказал — ничьим! Иди, Аллистер Парк, со своими змеинymi трюками к кому-нибудь другому. От меня ты ничего не получишь, я не стану мешать Борупу руководить его Институтом. Разве только, — Гринфилд понизил голос до нормального уровня, — ты сможешь убедить Максвенсона поддержать тебя.

Преданность, похоже, являлась единственной добродетелью Гринфилда. Он намеревался оставаться с павшим боссом до самого

горького конца, несмотря даже на то, что почти все остальные верные сторонники Максвенсона покинули его, когда эффективность переворота Парка стала очевидной.

Но Гринфилд, в отличие от других членов бургского тинга, не избирался. Его назначил комитет Альтинга, национального законодательного органа. Так что Парк, несмотря на всю власть, которой он здесь обладал, не мог вытеснить Гринфилда на предстоящих выборах, просто выставив соперника-кандидата. Он смог бы сделать это, только получив достаточное влияние, и Парк поставил себе задачу изучить, как этого добиться.

От Нью-Белфаста в Альтинг избрались шесть депутатов. Выдвижение кандидатур подразумевало выборы, а город был прочно повязан с Алмазной партией. Поэтому шесть избранных тингменов, как бы они не декларировали публично свою независимость, старались выполнять прихоти босса Нью-Белфаста.

Неоднократные попытки Йона Браца навязать свой контроль над Алмазной партией в Нью-Белфасте, засовывая в комитеты хайдов своих ставленников вроде покойного Тригви Дарлинга, вызвали некоторое недовольство. Парк решил, что он сможет довериться своим самым активным сторонникам и шестерке тингменов, чтобы они поддержали его в грандиозной двойной махинации: всем вместе кинуть «алмазов» и присоединиться к «рубинам». Удар получится не только по Брацу и его сквайрархии, но и по местным рубиновым политиканам из Нью-Белфаста. Однако поскольку они никогда ничего не добивались, кроме некоторого патронажа со стороны Альтинга в те периоды, когда у власти находилась «рубины», Парк решил, что лидеры Рубиновой партии пойдут на такие жертвы. Так оно и оказалось.

Но если тайну знают два десятка человек, ее редко удается долго сохранять. Утром девятого июня Парк открыл газету и обнаружил там отчет о вызывающей речи Йона Браца, в которой тот прямо заявил, что «таны Черокианской Марки Винланда будут защищать правата, унаследованные от своих героических предков, любыми средствами, и, более того, средства для такой защиты у них имеются и наготове!» Парк перевел это так: «если поправка Скоглунда будет принята коалицией «рубинов» и отковавшихся «алмазов» Нью-Белфаста, сквайрархия отделится».

Но это означало бы гражданскую войну, что, в свою очередь, означало бы перенос выборов. Что еще серьезнее, тингмены от Алмазной партии из отделяющихся провинций автоматически потеряют свои места, что даст «рубинам» явное большинство. Так как Рубиновая партия больше не будут нуждаться в поддержке инсур-

гентов Парка, вряд ли они будут склонны заключить сделку с ним, чтобы назначить мэра по его выбору.

Хотя лично Парк теоретически и верил в пользу поправки Ско-глунда, практически на данный момент и для него, и для лидеров «рубинов» было бы лучше отказаться от нее, несмотря на ворчание со стороны дакотов и чероки. Тем не менее, лидеры Рубиновой партии были тверды – огромный блок голосов скреллингов, который они получат, освободив аборигенов, стоил почти любого риска.

Что касается таких вопросов, как общечеловеческие права скреллингов или судьба несчастных винландцев, которые будут убиты или искалечены во время гражданской войны, то они вообще не принимались в расчет.

ПАРКУ, ОТСИЖИВАВШИМУСЯ с парой телохранителей в квартире на Ислейф-стрит, позвонил Данидин.

– Хо, Святый. Тан Каллахан пришел, чтобы увидеть тебя.

– Пришли его сюда. Предупреди его заранее, кто я... – Парк вспомнил про охранников, и внес изменения. – Предупреди его обо всем. Ты понял.

Господи, подумал он, все это только для того, чтобы заполучить Ноггла, по-прежнему запертого в Психофизическом институте! Возможно, проще было бы организовать частную армию, как у Браца, и взять штурмом эту крепость. Надо только сделать пару междугородних звонков для мобилизации «Сыновей викингов» – так Парк назвал своих штурмовиков. Кедрик, бретвальд Винланда, отказался от мобилизации армии, потому что, по его словам, такая акция посчиталась бы «провокационной». Может быть, он втайне отдавал предпочтение сквайрархии, чьим ставленником был; может быть, он был просто миролюбивым гражданином, считавшим, что все темы, связанные с солдатами, оружием и прочими ужасами слишком отвратительны для обсуждения; может быть, он действительно верил в то, что говорил...

Прибыл горделиво выглядевший Каллахан. Поскольку Максвенсон больше не был политическим боссом Нью-Белфаста, сахем открыто ходил по городу, не опасаясь попасть в полицейскую облаву и сесть под арест.

Он сказал Парку:

– То, что я собираюсь тебе рассказать, может стоить мне жизни, если узнает кто-то из моих товарищей-скреллингов. Дакоты на границе втайне собирают армию. Если винландцы сцепятся между собой, дакоты ударят, чтобы захватить северо-западные провинции.

Парк присвистнул.

— А чероки?

— Они пока мешкают, ждут, как все обернется. Если война покажется им выгодной, они и сами попробуют немного двинуть границы.

— И что тогда будут делать твои скрэллинги?

— Смотря по обстоятельствам. Если изменка Скоглунда не пройдет, они присоединятся к врагу. Если же пройдет, то, думаю, я смогу сдержать большинство из них.

— Зачем ты мне это говоришь, Каллахан?

Сахем усмехнулся своей широкой обезоруживающей ухмылкой.

— По двум причинам. Во-первых, мы с епископом дружили много лет и, где бы ни находилась его душа, я постараюсь остаться верным человеку с его обликом. А во-вторых, меня, в отличие от некоторых скрэллингов, не охмурили сказки о том, как прекрасно все устроят для нас дакоты, если мы поможем им свергнуть бледнолицых. Их государство еще менее демократичное, чем Бретвальдат. Я кое-что знаю о том, как они обращаются со своим народом. Так что, если ты поддержишь меня, я стану поддерживать тебя.

ПАРК ПРЕДПОЧЕЛ бы выступить на открытии Альтинга в роли епископа Скоглунда. Но, поскольку слишком многие знали его, как Аллистера Парка, он присутствовал на открытии со своими усами, крашенными волосами и в очках.

Атмосфера была наэлектризованной. Даже Парк, при всей его проницательности, не мог угнаться за происходящим. Риски оставались огромными, как бы он ни распорядился голосами своих инсургентов.

Парк держал их заперты — вместе с собой — в комнате комитета до последней минуты. Он еще и сам не знал, прикажет он им голосовать — за или против поправки.

Тикали часы на стене.

Появился бой с запиской для Парка. В ней говорилось, что «Сыновья викингов» получили сообщение о том, что поправка уже принята; они тут же мобилизовались и захватили город Олафсбург.

Кто и как отправил это ошибочное сообщение, не было никакой возможности выяснить. Но было уже слишком поздно, чтобы отступать. Парк поднял взгляд и сказал, очень серьезно: «Мы голосуем за поправку Скоглунда». Вот и все; его хорошо накрученным политическим винтикам этого хватило.

Прозвенел колокольчик, и они вывалились из комнаты. Парк занял свое место на галерее для посетителей. Пока сессия Альтинга открывалась с обычными формальностями, Парк не говорил ни-

чего, он только яростно размышлял. Председатель, спикер и капеллан бесконечно долго занимались своими подготовительными делами, словно опасаясь, что, покончив с ними, окажутся в хватке страшившей реальности, дожидавшейся их внимания.

Когда подошло время выдвигать первые предложения, люди Парка встали и перешли на сторону «рубинов». Наступила мертвая тишина. Потом «рубины» разразились триумфальными криками. Больше не было необходимости изворачиваться или деликатно обходить углы в борьбе за маргинальные голоса. Предложение за предложением проходили «на ура». Были смешены «алмазные» председатель и спикер, а их места заняли «рубины».

Через час дебаты были прекращены, несмотря на вопли «алмазов» и им сочувствующих про «политику затыкания рта» и «самоуправство».

Поправку вынесли на первое голосование. До требуемых двух третей ей не хватило одиннадцати голосов.

Парк написал записку и передал ее спикеру. Спикер передал записку председателю. Парк наблюдал, как маленькая белая бумажка дрейфовала по «рубиновой» стороне палаты. Затем встал лидер Рубиновой партии и торжественно объявил о временном приостановлении полномочий тингменов Адамсона, Ардузера, Бервульфа, Дала, Фессендана, Гилпатрика, Холмквиста... Он перечислил всех тингменов из областей-сепаратистов.

Большинство из них не стали ждать; они поднялись и вышли, предположительно, для того, чтобы успеть на аэроколесницы в свои родные провинции.

Во втором голосовании поправка была принята.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ заседания Альтинга Парк посмотрел на лидера «рубинов». Он сказал:

– Я слышал, что Кедрик до сих пор не отдал приказа о мобилизации. Говорят что-то вроде «Заблуждающиеся братья, идите с миром»*. Какова линия вашей партии по этому поводу?

Лидер Рубиновой партии, тощий и жесткий мужчина, выдул дым из носа.

– Мы будем сражаться. Если Кедрик не двинется, то найдутся способы. То же самое относится *и к тебе*, тан Парк.

* Отсылка к истории Гражданской войны в США (1861-1865 гг.) Перед войной многие считали, что штаты Юга имеют право выйти из Союза, и в газетах встречалась фраза «Заблуждающиеся сестры, идите с миром» (в английском слово «State» – «Штат» – женского рода).

Парк внезапно понял, что события поставили его в положение подозреваемого. Если он не хочет, чтобы его и его «винтики» проклиниали, называя «медноголовыми»* (или эквивалентным финляндским словечком), ему придется кричать громче «рубинов», ратуя за единство, требуя покончить с сепаратистами и так далее.

Ладно, справиться с этим он мог вполне успешно.

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ пораженные охранники Психофизического института обнаружили, что в их крепость вторгся отряд нагибов в форме с размахивающим ордером на обыск с пресловутым Аллистером Парком во главе.

Поводом стало обвинение в нарушении правил пожарной безопасности в здании, почти полностью выполненным из плитки, стекла и железобетона.

– Но, но, но! – заикался доктор Эдви Боруп.

Парк просто извлек еще один ордер, на этот раз на арест Джозефа Ноггла.

– Но, но, ты не можешь посадить одного из моих пациентов! Это... Это незаконно! Я позвоню мэру Гринфилду!

– Вперед, – ухмыльнулся Парк. – Но не удивляйся, если будет занято.

Он принял меры предосторожности, обеспечив, чтобы в это время все линии к мэрии оказались заняты.

– Привет, Ноггл, – сказал Парк.

– Хо. Ты кто такой? Вроде бы я встречал тебя... дай-ка подумать...

Парк заговорил со скоростью пулемета:

– Я Аллистер Парк. Ты сообразишь, где встречал меня, достаточно скоро, но не стоит говорить об этом. Я рад, что мои расчеты оказались правильными. Можешь сегодня закрутить колесо для одного человека? Прямо сейчас?

– Думаю, что смогу. Ох, сейчас я понял, кто ты...

– Я же сказал – никаких комментариев. Иди с нами, брат, и делай, что тебе скажут.

Следующий шаг последовал, когда Парк вошел рука об руку с Ногглом во внушительное административное здание. Положение Парка, как влиятельного босса, позволило им пройти через охранников и служителей, охранявших офис бретвальда на верхнем этаже.

Бретвальд, сидящий за столом, взглянул на Парка.

* Медноголовый (англ. copperhead) – предатель, тайный сторонник южан среди северян в эпоху Гражданской войны.

— О! Хо, тан Парк. Если ты собираешься докучать мне приказом о мобилизации, ты зря тратишь время. Кто... Где я? Что со мной случилось? Помогите! Помогите!

Влетели охранники с оружием наготове. Парк скорбно посмотрел на них.

— У нашего уважаемого бретвальда, похоже, случился психический припадок, — сказал он.

Охранники оттеснили обоих посетителей и принялись спрашивать Кедрика, в чем дело. Они смогли от него добиться только выкриков:

— Помогите! Отойдите от меня! Выпустите меня! Я не знаю, о ком вы! Меня зовут не Кедрик! Меня зовут О'Шонесси!

Его увели. Охранники держали Парка и Ноггла до тех пор, пока исполняющий обязанности бретвальда не приказал их отпустить.

— **КЛЯНУСЬ МЕДНЫМИ** вратами ада! — вскричал Парк. — И это все?

— Да, — сказал новый военный министр. — Дуглас был человеком Браца; поэтому, прежде уйти, он позаботился о том, чтобы армия была как можно более беззубой.

Парк мрачно усмехнулся.

— Военный министр саботирует...

— Что делает?

— Неважно. Он открывает ад, если хочешь услышать более знакомое выражение. Открывает ад, угробив армию для блага своей партии, при том, что вот-вот с гиканьем налетят дакоты. Впрочем, для меня это неудивительно. Сколько мы сможем мобилизовать?

— Около двадцати тысяч человек в бургах, но вооружить мы сможем только половину из них. Большая часть наших скорострельных дудок и военных колесниц повреждена, а на их починку уйдет не меньше месяца.

— Как насчет скрэллингов?

Министр покал плечами.

— Мы сможем мобилизовать их, но вооружать их нечем.

— В любом случае, организуй их мобилизацию.

— Хорошо, раз ты так говоришь. А не стоит ли тебе получить военную должность? Так выглядело бы солиднее.

— Ладно. Сделай меня своим помощником.

— Разве тебе не нужно звание?

— Ни за что на свете! Твои генералы объявили забастовку, и даже если они этого не сделают, мне придется подчиняться военным уставам.

АРМИЯ НЕ ВПЕЧАТЛЯЛА, даже когда ее разнородные подразделения собирались там, что могло бы называться Питтсбургом, если бы не носило прекрасного наименования Гугенвик. Кадровых военных было мало, и они не впечатляли; ополченцев было больше, но впечатляли они еще меньше; собравшиеся скреплники походили на бойцов меньше всех. Они стояли с глупыми улыбками на плоских кирпичного цвета лицах, болтали и почесывались. Парк с отвращением подумал, что ведь это потомки благородных краснокожих и геройских викингов! Полувековой мир способствовал процветанию Винланда, но на военном деле сказался не лучшим образом.

Транспорт состоял из огромного числа народоколесниц и грузоколесниц (автобусов и грузовиков). На поле было только шесть военных колесниц – своеобразных паровых бронированных автомобилей с компрессором и парой пневматических пулеметов. Еще имелась одна портативная установка, производящая жидкий воздух для снаряжения снарядов и пневматических бомб.

Отсталость винландской химии по сравнению с физикой породила любопытную ситуацию. Единственными применяемыми на практике боевыми взрывчатыми веществами стали довольно низкосортный черный порох и углеродно-жидкостно-кислородная смесь*. Поскольку первый, учитывая дым, неравномерное горение и нагар в стволе, был менее пригоден в качестве метательного взрывчатого вещества, чем сжатый воздух, и менее эффективен в качестве детонатора, чем взрывчатка на основе жидкого воздуха, то использование пороха в военных целях в основном ограничивалось наземными минами. А жидкий кислород, хотя и является столь же мощным, как и тринитротолуол, необходимо было производить на месте, так как не имелось возможности предотвратить его испарение. Поэтому его было очень неудобно использовать в мобильных военных действиях.

Парк зашел в палатку разведки и спросил военного министра:

– Каковы наши шансы, как ты думаешь?

Министр посмотрел на него.

– Против сквойров примерно равные. Против дакотов один к пяти. Против и тех, и других – шансов нет.

* Имеется в виду оксиликвит – бризантное взрывчатое вещество, получаемое пропиткой жидким кислородом горючих пористых материалов (уголь, торф, мох, солома, древесина).

Он взял пригоршню депеш, рассказывающих об успехах «Сыновей викингов» в расширении своего влияния на юго-западе, что было неудивительно, учитывая, что единственная кадровая дивизия в этом районе формировалась из местного населения и перешла на сторону мятежников. Еще несколько депеш коротко информировали о наступлении мощной и быстро движущейся дакотской армии к западу от озера Янктонай, как здесь назывался Мичиган*. Последняя такая была отправлена в 18 часов 26 июня, то есть накануне.

— Что потом? — спросил Парк.

— Не знаю, — сказал министр. — Но вот сама эта депеша пришла из Первой дивизии. Там мало что сказано, но дата и место ее отправления говорит о многом. Она отправлена из города Эдгар, на южном конце озера Янктонай.

Парк посмотрел на карту и присвистнул.

— Но армия *не может* отступить на пятьдесят миль за один день!

— Штаб может, — сказал министр. — Они на колесницах.

Дальнейшие домыслы о судьбе Первой дивизии оказались ненужными. Одноглазый полковник Монтроз продиктовал для прессы следующее заявление: «Наша армия отразила мощные атаки дакотов в районе города Эдгар, нанеся врагу тяжелые потери. Уничтожены девять дакотских военных колесниц, а пять захвачены. В числе другой военной добычи двадцать шесть дудок-пулеметов. Сбиты две вражеские аэроколесницы...»

Парк подумал, что у этого Монтроза хорошее воображение — качество, которого, к сожалению, не хватает большинству офицеров. Наверное, мы вместе с ним сможем что-нибудь сделать... Если только продержимся достаточно долго...

Министр отвлек Парка от этих размышлений.

— Похоже, они нас сделали. У нас для войны ничего нет. Даже мозгов. Генерал Хиггинс — простой легкомысленный солдат для парадов, в жизни не ожидавший, что ему придется в кого-нибудь стрелять. Как и я. Есть идеи?

— Все еще думаю, брат, — сказал Парк, изучая карту. — Знаешь ли, я тоже не солдат, всего лишь тингмен. Если я и смогу тебе помочь, так только политически.

— Ну, если мы не сможем победить в сражении, то политика, похоже, единственный оставшийся способ.

* Мичиган (англ. Lake Michigan) — пресноводное озеро в США, второе по объему и третье по площади из североамериканских Великих озер.

— Возможно, — Парк все еще смотрел на карту. — У меня появилась мысль. Давай-ка пойдем к Хиггинсу.

ГЕНЕРАЛ ХИГГИНС, к счастью для идеи Парка, был не просто легкомысленным, но и позитивно беспечным. Он сидел в своей палатке перед бутылкой пива в расстегнутом кителе — воплощение безмятежности посреди беспокойства и смятения.

— Входите, таны, входите, — сказал он. — Выпейте пивка. Пффф. Есть идеи? Будь я проклят, если знаю, куда крутить дальше. Ни артиллерии, ни аэроколесниц, что уж тут говорить о настоящих солдатах. Пффф. Полагаете, что если сейчас начать фортификационные работы в Нью-Белфасте, то он окажется укреплен достаточно, чтобы выдержать, когда нас там припрут? Никто ничего не знает, пффф. Предполагается, что у меня должен быть штаб, но половина из них где-то потерялась или удрала, чтобы присоединиться к мятежникам. Будь я проклят, если знаю, что делать дальше.

Парк думал, что из генерала Хиггина получился бы великолепный генерал Армии Спасения*. Но было не то время, чтобы обсуждать личности. Он озвучил свой план.

— Боже милостивый! — сказал Хиггинс. — Звучит очень рискованно... Нужен полковник Каллахан.

Прибыл слегка пошатывающийся сахем и заполнил собой весь дверной проем палатки.

— Я кому-то тут нужен?

С некоторым запозданием он вспомнил, что надо отдать честь.

Хиггинс рявкнул:

— Полковник Каллахан, ты знаишь, что надел китель *шиворот-навыворот*?

Каллахан глянул вниз.

— Ха! Так оно и есть. Сэр.

— Форма очень важна. Очень. Нет, не переодевайся здесь. А еще ты пьян.

— Как и... — Каллахан вовремя проглотил слова, могущие стать ужасным нарушением субординации. — Пожалуй, я немножко выпил. Сэр.

— Это очень важно, очень. Ты только подумай. Следовало бы тебя расстрелять.

Каллахан ухмыльнулся.

— И что бы тогда сделал мой полк?

* Армия Спасения (англ. The Salvation Army) — международная христианская и благотворительная организация.

- Не знаю. Что бы они сделали?
- Угадайте с трех попыток, сэр. *Раз!*
- Разбежались бы, наверное.
- В точку! С первого раза, сэр. Поздравляю.
- Не поздравляй меня, дурак! У министра есть план.
- План, правда? Хо, тан Парк, я тебя не заметил. Как тебе нравится наша армия?

Парк сказал:

- Думаю, это самая богом проклятая орава, какую я когда-либо в своей жизни видел. Это галопирующий кошмар.
- Ой, да ладно, – сказал Хиггинс. – Некоторые из моих бравых парней слегка зеленоваты, но все не так уж плохо.

Вошел очень молодой капитан, щелкнул каблуками так, что раздалось бы эхо – если бы в палатке для эха нашлось место – и сказал:

- Сэр, служебная рота, двадцатый полк, третья дивизия бастует.
- Что? – сказал генерал. – Почему?
- Нет продовольствия, сэр. Грузоколесницы прибыли пустыми.
- Пусть их всех расстреляют. Нет, расстреляйте каждого десятого. Нет, подожди минутку. Прибыли пустыми, говоришь? Значит, кто-то украл еду, чтобы продать местным бакалейщикам. Возьмите взвод и очистите все магазины в Гугенвике. Заплатите долговыми расписками от имени тинга.

Вмешался министр:

- Ты же знаешь, что Альтинг никогда не заплатит.
- Я-то знаю! Ха-ха. А теперь давайте займемся вашим планом.

ВСЕ НАЗВАНИЯ были разными; Аллистер Парк даже не пытался запомнить десятки маленьких городов, через которые они катились. Но волнистые просторы южной Индианы были довольно однообразны, с нарезанными, как на шахматной доске, квадратами полей со случайными рощами и попадавшимися время от времени извивающимися змеями линиями тополей, тянувшимися вдоль ручьев. Винландцы не открыли для себя красоты рекламных щитов, и это, по мнению Парка, было здорово. Не будучи бизнесменом, он не намеревался привносить в Винланд эту очаровательную особенность собственной цивилизации. Хватало и того, что винландцы имели дьявольски неприятное обыкновение окутывать пейзаж дымом от неисправных горелок в их колесницах.

Нарастающий свист и сокрушительный взрыв позади заставили Парка подпрыгнуть на сиденье своей колесницы. На склоне холма поднимался гриб из дыма и пыли. Аэроколесница, сбросившая бомбу, медленно разворачивалась. Во всей колонне застучали пнев-

матические орудия, но без видимого эффекта. Наверху заурчала пара их собственных машин, прогнавших бомбардировщик.

Эти самолеты с паровой турбиной были неприятно малошумными. С другой стороны, вес двигателей не позволял им нести ни тяжелых бомб, ни запасов топлива, поэтому они не считались серьезным оружием. Они шуршали в небесах с достоинством величественной дамы, со скоростью, редко превышающей 150 миль в час, а сражения между ними проходили с той же осмотрительной неспешностью, что и дуэли между парусными кораблями, выстроившимися в линии.

Они оказались на берегах Огайо* (здесь называвшейся Окийо, оба наименования происходили от одного и того же ирокезского слова, означавшего «большая река») там, где, как донесли аэроколесницы, находилась армия мятежников. Аэроколесница мятежников – переоборудованный транспортный самолет – прилетела на разведку, и ее сбили. С другой стороны реки слабо послышались вопли мятежников и стук пневматических орудий, стрелявших по целям, находящимся далеко за пределами досягаемости. Парк догадался, что дисциплина в войске Браца ничуть не лучше, чем в его собственном.

Такая сцена, захоти они, обеспечила бы бесконечную бездельную кампанию. Каждая сторона могла попытаться переправить своих людей через реку, в надежде, что не встретит ответных действий другой стороны. Или же занять оборонительную позицию, довольствуясь охраной всех вероятных переправ. Такая война прекрасно подошла бы генералу Хиггинсу, сведя к минимуму шанс того, что большая часть солдат его опереточной армии молниеносно ринутся в тыл, как только попадут под обстрел.

На самом деле, это было бы разумной тактикой, если бы они могли рассчитывать на то, что мятежники останутся на южном берегу Окийо в этом районе, а не двинутся на восток в сторону Гуггенвица, и не существуй опасность того, что дакоты в любой момент могут оказаться в их тылу.

Военный министр вернулся в Нью-Белфаст, оставив Парка самым высокопоставленным гражданским лицом в армии Хиггинса. У него хватило здравого смысла держаться как можно дальше, учитывая традиционную неприязнь солдат к вмешивающемуся в их дела политикану.

* Огайо (англ. Ohio River) – река на востоке США, левый и самый полноводный приток Миссисипи.

ГЕНЕРАЛ ЭТЕЛИНГ, командующий армией мятежников, получил сообщение с запросом, не сможет ли он встретиться для переговоров с гражданским представителем армии генерала Хиггинса. Генерал Этелинг, одетый в военный китель поверх фермерского комбинезона, дернул свой длинный ус и сказал, что нет, а если Хиггинс хочет переговоры, то может прийти и сам. В ответ сообщили, что это очень высокопоставленный гражданский; на самом деле его должность выше, чем у самого Хиггинса. Устроит ли генерала остров посреди Окийо? Этелинг дернул ус и решил, что устроит.

Итак, на следующее утро генерал Этелинг, с чисто декоративным боевым топором, являвшимся элементом парадной офицерской формы Винланда, появился у острова. Вылезая из своей гребной лодки, он увидел, что лодка его партнера по переговорам отплывает от дальней стороны маленького острова. Он прошел через линию тополей и крикнул:

– Хо!

– Хо, – отозвался появившийся коренастый блондин.

– Тан, ты только один?

– Да.

– Ладно, будь я проклят! Вы, ребята, возвращайтесь, я крикну, когда вы мне понадобитесь. Итак, тан, кто ты такой?

– Я епископ Иб Скоглунд, генерал.

– *Что?* Не ты ли тот самый тип, который затеял всю эту дурь со всеми этими дурацкими разговорами о праватах для скрэллингов?

Епископ вздохнул.

– Я делал только то, во что верил, прямо перед взором Господа. Но теперь нам грозит большая опасность. Дакоты несутся по нашей прекрасной земле, как встарь орды мадианитянские^{*}! Не станет ли мудрым решением забыть о наших мелких разногласиях перед лицом такой опасности?

– Ты говоришь, что вторглись эти паршивые краснокожие? Хм, я впервые об этом слышу. У тебя есть доказательства?

Парк достал кучу бумаг: депеши, копию газеты «Эдгар Дейли Тайдингс» и прочие.

Наконец, убедившись в истинности слов епископа, генерал сказал:

– Будь я чертовски проклят! Прошу прощения, Святый, я забыл, что ты проповедник.

* Мадианитяне – полукучевой народ, упоминаемый в Библии и Коране.

The Dakotian came forward to the flag
of truce, resplendent in war-bonnet.

— Все в правоте, сын мой. Бывают моменты, когда даже у такого священника, как я, вздымаются страсти, и все, что я могу сделать, так это постараться воздержаться от того, чтобы самому воскликнуть «черт побери».

— Ну, такая правота тебе подобает. Но что хочет от меня старый пень Хиггинс? У меня, знаешь ли, есть приказы.

— Знаю, сын мой. Но разве ты не видишь волю Божью в этих событиях? Когда мы, дети Его, пали до того, что оскверняем землю Винланда кровью братьев наших, Он наказывает нас бичом вторжения. Давайте объединимся, чтобы отбросить язычников, пока не поздно! У генерала Хиггинса есть план совместных действий. Если вы примете этот план, генерал Хиггинс докажет свою добрую волю, позволив вам беспрепятственно пересечь Окийо.

— Что это за план? Всегда считал, что у старого пня не хватит мозгов, чтобы спланировать танец в сарае, не говоря уже о кампании.

— Я не могу рассказать тебе обо всех деталях, они в этом пакете. Но я знаю, что генерал призывает вашу армию встать на пути захватчиков, а когда вы вступаете с ними в бой, наша армия атакует их левый фланг. Если мы проиграем, наша, можно сказать, семейная разборка закончится Содомом и Гоморрой. Если же мы победим, то, несомненно, сможем урегулировать нашу ссору без дальнейшего кровопролития. Ты, генерал, станешь великим человеком в глазах народа и добрым христианином в глазах Господа.

— Ладно, думаю, что, может быть, ты и прав. У меня еще есть остаток дня, чтобы изучить эти планы...

Они пожали друг другу руки; генерал неуклюже отсалютовал и отправился на свою сторону острова звать лодку. Поэтому он не увидел, как епископ спешно надевает свои усы и очки.

Когда на следующее утро мятежники генерала Этелинга перевелись через реку, они не нашли никаких следов сил Хиггинса, кроме обычного мусора, остающегося после военного лагеря. Следуя указаниям, они направились в сторону Эдгара.

ГЕНЕРАЛ ХИГГИНС, понукаемый Аллистером Парком, отправил свою армию на север. Люди в пыльной рабочей одежде перевешивались через заборы, глазея на них.

Парк спросил одного дюжего молодца с явной примесью крови скрэллингов, слышал ли он о вторжении.

— Знамо дело, — сказал он. — Впрочь, думкаю, они не будут лютовать. Так-та мы и не дергаемся.

На предложение стать добровольцем молодец громко расхохотался.

— Мне идти и подстрелиться, чтоб какой другой фитиль сидал на своей заднице и разбогатействовал? Не, тан, не я. Ежели эдгарские ребята скальпы потеряют, то это по ихним заслугам, за то, что нам верную цену не давали.

По мере того, как армия все больше и больше приближалась к Эдгару, настроения гражданского населения становились все более тревожными. На подходах к реке Пьянкишоу (здесь так назывался Уабаш*) постоянно встречались припаркованные у обочины колесницы, забитые всевозможным скарбом. Однако после прохода армейских частей многие меняли направление и ехали вслед за армией обратно на север, к своим домам. Парк подавлял искушение объяснить этим людям, какие они идиоты, но это вряд ли было бы правильной политикой. Их армия и так была не слишком уверена в своих силах.

Армия Хиггинса расположилась на южном берегу Пьянкишоу. Всем, находящимся в передовых порядках, приказали выкрасить руки и лица в коричневый цвет. Настоящих скреллингов держали подальше.

Парк занял наблюдательный пост, откуда открывался вид на основные переправы через реку. Он едва устроился, когда с другой стороны моста раздался мурлыкающий гул. Появилась вражеская военная колесница. Все ее десять шин завизжали в унисон, когда, проскочив мост, она тормознула у дорожного заграждения. Со всех сторон застучали пневматические орудия. Передняя башня крутилась туда-сюда, стрекотал пулемет. Потом мощный взрыв потряс землю и мост, колесница взлетела на воздух, опрокинулась на бок и упала в воду, наполовину затонув. Вынырнули несколько человек и поплыли к дальнему берегу, пули выбивали брызги вокруг их голов.

Выше по реке Парк увидел надувную лодку, выходящую с северного берега. Она, толкаемая шестами, шла с малой скоростью, потом исчезла из виду. Через несколько минут она вновь появилась, дрейфуя вниз по течению. Медленно проплыв мимо Парка, лодка остановилась у разрушенной береговой опоры моста. Вода постепенно затекала через пулевые отверстия, пока над водой не остался только один угол. Чуть ниже поверхности лениво колыхались руки и лица.

Стрельба постепенно стихла. Парк мог представить себе, как дакоты смотрят в полевые бинокли, изучают ситуацию и планируют свой следующий шаг. Если их репутация не слишком раздута, можно ожидать чего-то разрушительного.

Он спустился со своего насеста и вернулся в штаб, где нашел Руфуса Каллахана, в кои-то веки трезвого.

* Уабаш (англ. Wabash River) – река в восточной части США. Самый крупный правый приток реки Огайо.

Десять минут спустя эта парочка, перед которой шел армейский волынщик, обнаружилась на восточной части моста. Парк нес белый флаг, а волынщик визжал сигнал «переговоры» на своем инструменте. Никто в них не стал стрелять, и они двинулись через мост, карабкаясь по покореженным балкам. Каллахан тормознул.

— Я боюсь высоты, — вцепившись в какую-то железяку, сказал он сквозь зубы.

Парк вытащил свой пневматический пистолет.

— Меня ты будешь бояться еще больше, — прорычал он.

Огромный мужчина, в конце концов, двинулся дальше.

Когда они добрались до дальнего конца моста, из кустов выскочил солдат-скроллинг с винтовкой наготове. Он что-то протрешал им на dakotском. Каллахан ответил на том же языке, и солдат повел их.

Когда дорога повернула и река пропала из виду, Парк увидел десятки военных колесниц, стоявших на обочинах. У некоторых были открыты башенки, и оттуда высовывались краснокожие, курящие или жующие бутерброды. Имелись и другие транспортные средства, разнообразные служебные автомобили, а еще кавалерия, вооруженная пиками и короткими карабинами. У одной из военных колесниц они останавливались. Их конвой прокричал приветствие, от которого, наверное, задребезжали все его кости. Вылез офицер, одетый в обычную dakotsкую форму горчичного цвета, с головным убором из перьев; такие уборы носили воины индейцев-сиу. После новых переговоров Парка и Каллахана пригласили внутрь.

Там было тесновато. Парк обжег тыльную сторону ладони о паровую трубу и выдал целый каскад ругательств, вызвав восхищенные улыбки на красно-коричневых лицах экипажа. Все вокруг покрывала угольная копоть.

Инженер открыл дроссельную заслонку, и заработал поршневой двигатель. Что снаружи, Парк видеть не мог. После остановки они выбрали и перешли в другую военную колесницу, очень большую. Внутри этой здоровенной машины находилось несколько dakotsких офицеров в головных уборах из красно-белого-черных перьев. Толстяк с маленькой серебряной боевой палицей на поясе, был представлен Парку и Каллахану как генерал Ташунканитко, губернатор Оглалы и главнокомандующий нынешней экспедицией.

— Ну? — резко сказал он высоким металлическим голосом.

Каллахан, как всегда, небрежно козырнул — в процессе создавалось тревожащее впечатление, что он едва не воткнул палец себе в нос, — и сказал:

— Я являюсь командующим Скроллингской дивизией...

— Чего?

— Скреплингской дивизии. Альтинг приказал нам подавить мятеож «алмазов» на юго-западе Винланда. У них большая армия, и они, если их не остановить, скорее всего, захватят весь Винланд. Остановить их мы не сможем, а с другой стороны, мы не можем позволить им захватить весь юг, пока вы захватываете весь север Винланда. Мой командир смиренно полагает, что вряд ли будет правильным, если две армии людей одной расы станут биться друг с другом, пока их общий враг захватывает весь Винланд, что обязательно сделает армия Браца, если мы не объединимся против него.

Генерал Ташунканитко что-то проскрипал одному из своих людей, тот что-то прогромыхал в ответ. Генерал сказал:

— Лазутчики говорили, что ваши люди похожи на скреплингов, но мы не могли подобраться достаточно близко, чтобы в этом убедиться и не повернули в их рассказни. Что вы предлагаете?

— Мой командир не будет пытаться вытеснить дакотов из района к западу от Пьянкишоу, если вы поможете ему в борьбе с мятеожниками.

— Это предложение подтверждено вашим тингом?

— Нет. Но, так как в настоящее время наша армия является единственной реальной силой под их командованием, у них не найдется способа подкрепить их возражения. Чтобы доказать нашу добрую волю, мы, если вы согласны, позволим вам пересечь Пьянкишоу без боя.

Генерал думал несколько секунд, потом сказал:

— Это предложение надо передать моему правительству.

— Нет времени, сэр. Мятеожники уже движутся от Окийо на север. В любом случае, если мы заключаем перемирие, невзирая на мнение тинга, вы должны быть готовы сделать то же самое. После того, как мы вместе разгромим армию Браца, мы, я уверен, сможем найти какое-нибудь работоспособное соглашение между нашими армиями.

Ташунканитко снова задумался.

— Я пойду на это. У тебя есть разработанный план?

— Да, сэр. Он со мной...

Когда на следующий день дакоты переправились через Пьянкишоу, не было никаких признаков того, что переправу удерживала большая армия якобы краснокожих.

НАД ВОЛНИСТЫМИ равнинами Индианы разносилось дребезжание пневматических винтовок и треск пневматических и мицнометных бомб. Генерал Хиггинс сказал Парку:

— Мы только что получили сообщение от генерала Этелинга; он говорит, что на него сильно давят, и пришло время нам совершить фланговую атаку на дакотов. А этот генерал Тэш... Таш... Генерал Бешеная Лошадь хочет знать, почему мы не атакуем фланг мятежников. Говорит, что он все еще сдерживает их, но они превосходят его по количеству как двойка к разу, а у его механики много поломок. Говорит, что если сейчас мы ударим по мятежникам, они побегут.

— Мы хотим, чтобы не выиграла ни одна из сторон, — сказал Парк.
— Думаю, пора начинать.

С изрядной неразберихой — хотя, возможно, и меньшей, чем того можно было ожидать — армия Нью-Белфаста развернулась. Она растянулась на пять миль под прямым углом к линии соприкосновения армий дакотов и мятежников. Правое крыло было сильнее, так как оно должно было встретить более сильное сопротивление со стороны закаленных профессионалов Ташунканитко, чем со стороны вооруженных фермеров Этелинга.

Парк втиснулся в смотровую башню штабной колесницы рядом с Хиггинсом. Они двигались медленно, чтобы не обогнать пехоту, подпрыгивая и раскачиваясь, когда огромные резиновые колеса в форме пончиков переваливали через стены и заборы. Они проломились через фермерский двор, и местность сразу же заполнилась разбегающимися свиньями и цыплятами. Парк мельком увидел потрясающую кулаком фигуру в комбинезоне. Он не смог удержаться от смеха — конечно, жаль было живность фермера, но было нечто сверхдеревенское в возмущении человека по поводу его мелкого частного горя, когда на соседней улице идет кровопролитный бой.

Впереди стали появляться люди; всадники, перепрыгивающие заборы и канавы, рассеивая разведчиков, перебегавших от деревьев к забору и стрелявших по невидимым целям. После каждого выстрела они бешено работали рычагами насосов своих винтовок, сжимая воздух для следующего. Один из разведчиков был не дальше сотни ярдов, когда увидел наступающие колесницы. Он тупо смотрел на них, пока передний пулеметчик штабной колесницы не выпустил очередь. Осколки гравия разлетелись у ног разведчика. Он подпрыгнул и ударился в бегство. Другие тоже побежали, когда увидели, что из пыли вырываются колесницы. Некоторые, не успевшие вовремя заметить колесницы, обернулись к линии наступающих и подняли руки.

Им встречались мечущиеся в разные стороны большие группы краснокожих сискаженными лицами. Каждый раз кто-то поворачивал первым, а за ним поворачивали все остальные. Группа теряла

свою форму и предназначение, разваливаясь на составляющие ее человеческие атомы. Кто-то останавливался, кто-то продолжал бежать сломя голову.

Потом они оказались на наполовину вспаханном поле. Брошенный паровой трактор с плугом стоял посреди бурых борозд. С другой стороны поля появилась приземистая вражеская колесница. Парк почувствовал, как работа двигателя ускоряется по мере того, как обе машины с грохотом двигались навстречу друг другу. Пули шлепали по куполу. С некоторым удовлетворением он увидел, как генерал вздрагивает, когда пули попадали по стеклу и рядом.

Колесницы шли прямо лоб в лоб. Парк крепко ухватился за скобу. Другая колесница внезапно остановилась, быстро подалась назад и попыталась зайти к ним сбоку. Их собственная с ревом прыгнула вперед. Ее таранный выступ воткнулся в борт другой машины с ужасным грохотом. Они дали задний ход, и Парк увидел, как из раны в другой машине вытекает смазочное масло, но она все еще ползла, хоть и медленно. Его собственный механический носорог снова нанес удар. На этот раз другая машина задрала колеса и опрокинулась.

Внезапно закончилось сражение с дакотами. Они дерзко напали на противника, вдвое превосходящего их по численности, затем упорно сражались два дня. Их колесницы были повреждены, лошади голодны, а пехота выбилась из сил, накачивая пневматические винтовки. А как раз тогда, когда победа казалась близкой, на их фланг обрушились неизвестные. Неудивительно, что, оказавшись в окружении, генерал Ташунканитко и его офицеры прорвались по паре слезинок.

Мятежники генерала Этelinga сражались не лучше, скорее много хуже. Скреплингский полк с дикой яростью кинулся на винландскую деревенщину, чтобы сделать то, о чем скреплинги мечтали много поколений — оскальпировать бледнолицых. Имея довольно смутное представление об этом древнем ритуале, они, как правило, совершали ошибку, пытаясь вместо аккуратного двухдюймового кружка на макушке содрать кожу со всей головы. Когда они начинали было практиковать это на пленных, их пришлось сдерживать, отпугивая пулеметным огнем одной из колесниц Хиггинса.

ПОЕЗД, ВОЗВРАЩАЮЩИЙСЯ в Нью-Белфаст, останавливался на каждом перекрестке, чтобы люди могли прийти к нему и восторженно повопить. Они довольно тепло принимали Аллистера Парка; они приветствовали Руфуса Каллахана; они вопили во славу епископа Скоглунда. Опережая поезд, бежали рассказы, как Парк

и генерал Хиггинс придумали план-западню, в которую попали и мятежная и дакотская армии; как отважный епископ уговорил Этелинга; как Этелинг вероломно подстрелил отважного епископа; как Каллахан переплыл Окийо с епископом Скоглундом на спине... Ходили слухи, что городской политикан Аллистер Парк имел какое-то отношение к этим событиям, но вы-то понимаете, что не стоит верить ничему хорошему про этих политиканов. Хотя, поскольку он помощник военного министра, можно и похлопать ему из вежливости...

Парк не думал, что разумно показываться в одной и той же аудитории и как Парк, и как епископ, поэтому всем сообщалось, что его святство восстанавливается.

Когда они прикатили в Нью-Белфаст, Парк почувствовал давленность, настигавшую его в такие моменты. Что дальше? К этому времени нагибы Парка уже должны были вернуть Ноггла в психушку Эдви Борупа. Это должно было произойти так или иначе, именно поэтому Парк до последнего не пытался забрать Ноггла себе. Вращение колеса «Если бы» – дело тонкое и лучше в него не вмешивать людей с ордерами. Парку пришлось бы иметь наблюдателя, способного заставить Ноггла остановить колесо, когда будет достигнута нужная точка.

Впрочем, сейчас не должно возникнуть препятствий. Если Парку не хватит его нынешней власти и положения, чтобы завладеть Ногглом, то их у него окажется достаточно после выборов, которые все-таки должны были состояться в запланированные сроки. Для начала он заставит Ноггла остановить колесо бедного старины Кедрика. Потом Каллахан или кто еще будет стоять над Ногглом с пистолетом в руках, пока тот прокручивает колесо Парка еще на полоборота. А потом, возможно, Ногглу разрешат остановить его собственную карусель.

В первые три дня после возвращения он был слишком занят, чтобы уделять внимание этому плану. Кажется, все ньюбелфастцы написали ему или позвонили ему, или явились с визитом в один из его двух домов. Хотя из Обезьяна получился паршивый секретарь, Парк не осмеливался нанимать другого до тех пор, пока ему приходится поддерживать существование двойной личности.

Но в том, другом мире, через неделю должен начаться суд над Антонини. А наследники и правопреемники Тригви Дарлинга уже назначили дату слушаний по их иску о возмещении ущерба. И, насколько Парк знал историю, то, вероятно, должен был последовать

период «реконструкции»* мятежных территорий, в чем он совершенно не хотел участвовать.

Эдви Боруп во второй раз пережил вторжение в его святилище, осуществляемое под предводительством Аллистера Парка, сопровождаемого множеством суровых официальных лиц, в том числе и Руфусом Каллаханом. Если Боруп не смирится, ему придется уйти в отставку. Если они и раньше не допустили бегства его ценнего пациента Ноггla, то и на этот раз ему вряд ли удастся сбежать.

— Хо, Ноггл, — сказал Парк. — Чувствуешь себя лучше?

— Нет, — огрызнулся Ноггл. — Но раз уж ты подцепил меня, полагаю, мне придется делать то, что ты скажешь.

— Хорошо. По крайней мере, ты честен. Сначала ты остановишь колесо бретвальда Кедрика. Приведите его, парни.

— Но я не рискну останавливать колесо без моих записей. В прошлый раз ты обещал...

— Все в порядке, мы притащили всю твою чертову библиотеку.

Не было ничего особенного. Ноггл уставился на беспокойно дергающегося бретвальда, период цикла которого, к счастью, был в два раза больше его собственного и поэтому оба они находились в своих собственных телах одновременно. Потом он сказал:

— Уфф. Он получил изрядный психический импульс, но я только что его погасил. Теперь с ним будет все в порядке. Что дальше?

Парк велел всем, кроме Каллахана, выйти на улицу. Потом объяснил, что Ноггл должен прокрутить колесо Парка еще на полоборота.

— Но, — возразил Ноггл, — это займет семь дней. А что будет с твоим телом в это время?

— Оно будет храниться здесь, как и твое. Когда полцикл за кончится, ты остановишь мое колесо, а потом мы позволим тебе остановить твое, когда пожелаешь. Я позабочился о том, чтобы ты оставался здесь, пока не сделаешь все правильно с моим колесом, неважно, поправишь ты свое собственное или нет.

Ноггл вздохнул.

— И Максвенсон рассчитывал получить какого-нибудь простодушного идеалиста, вроде епископа! Как так получилось, что ты действуешь совершенно не так, как он, хотя по законам колеса вы начинали, имея примерно одинаковую натуру и характер?

Парк пожал плечами.

* Намек на «реконструкцию Юга» – период в истории США после окончания Гражданской войны, в который происходила реинтеграция проигравших в войне южных штатов в состав США и отмена рабовладельческой системы на всей территории страны.

– Наверное, потому, что в моей карьере мне приходилось драться на каждом шагу, в то время как он, можно сказать, более-менее рожден для своей работы. Мы не такие уж и разные; его избыточная энергия ушла в крестовый поход за социальную справедливость, а моя – в политику. Но и у меня где-то завалялась парочка-другая идеалов. Хотел бы я как-нибудь встретиться с епископом Скоглундом, думаю, он мне понравился бы.

– Боюсь, это невозможно, – сказал Ноггл. – Даже отправлять тебя обратно рискованно. Я не знаю, что может случиться, если твое тело умерло, пока в нем жил чужой разум. Ты можешь очутиться в другом мире, а не в своем. Или вообще нигде.

– Я рискну. Готов?

– Да.

Доктор Джозеф Ноггл уставился на Парка.

– Эй, тан Парк, – раздался голос из дверного проема. – Тип по имени Данидин хочет тебя видеть. Говорит, что-то важное.

– Скажи ему, что я занят... Нет, давай его сюда.

Появился запыхавшийся Обезьян.

– Ты уже ушел? Ты изменился? Слава Бригитте! Ты... Я имею в виду его святство... Что я хочу сказать – Альтинг подписал договор с дакотами и чероки, и там, среди прочего, учрежден Международный суд для всех скрэллингов континента, и епископ выбран одним из судей! Я порешил, что ты должен о сем узнать, прежде чем что-нибудь сделаешь.

– Так-так-так, – сказал Парк. – Интересно, но не думаю, что это что-то меняет.

Заговорил Каллахан:

– Я так думаю, что из тебя получился бы лучший судья, Аллистер, чем он. Он отличный парень, но он поверит, что все остальные такие же борцы за права, как и он. Ему будут постоянно вешать шерсть на уши.

Парк задумался. В конце концов, зачем он пошел на все эти хлопоты, зачем помог перевернуть вверх дном сложившийся порядок на половине континента? Только затем, чтобы возобновить карьеру государственного обвинителя, которая, как он надеялся, когда-нибудь приведет его на судейскую скамью? А тут судейство подносят ему на блюдечке.

– Я останусь, – решил он.

– Но, – возразил Ноггл, – как насчет других тринадцати на твоем колесе? Ты собираешься оставить их в чужом для них месте?

Парк усмехнулся.

— Если они похожи на меня, то эти ребята легко приспособятся. Они, наверное, уже начали новую карьеру. Если мы передвинем их всех еще раз, это только добавит им неприятностей. Идем, Руфус.

ПОХОРОНЫ АЛЛИСТЕРА Парка, помощника военного министра, собрали тысячи людей. Некоторые из них были политиками, работавшими с Парком, некоторые пришли потусоваться. Некоторые пришли, потому что им нравился этот человек.

В притворе собора епископ Скоглунд ждал, когда закончится эта адская местная музыка, чтобы потом он смог выйти и прочитать самую шикарную похоронную проповедь, какую когда-либо слышали в Нью-Белфасте. Не каждому человеку дано провести эту трогательную церемонию для своего собственного бренного тела, и епископ намеревался устроить для своего альтер этого хорошие проводы.

В некотором смысле он сожалел, что расстается с Аллистером Парком. У Аллистера было гораздо больше общего с его естественной, подлинной сущностью, чем у епископа. Но он не мог вечно поддерживать обе личности, а когда на одной стороне должность судьи, на другой же —иск о взыскании причиненного ущерба, не возникало особых вопросов, кого из них принести в жертву. Игра в благочестие со временем могла стать естественной. Судейская должность могла дать ему повод уйти в отставку с епископской. К счастью, кельтская христианская церковь либерально относилась к людям, желающим покинуть церковь. Конечно, ему все равно пришлось бы быть осторожным с подружками и тому подобным. Возможно, даже стоит подумать о женитьбе...

— Какого черта... Чего тебе надо, сын мой? — сказал епископ, глядя на неприятное лицо Фиггиса.

— Ты знаешь, чего, старый козел! Что ты собираешься делать с моей женой?

— Но, друг мой, видимо, ты повелся на чудовищный обман!

— Клянусь, я...

— Пожалуйста, не кричи в доме Божьем! Говорю тебе — виновным был не кто иной, как покойный Аллистер Парк, да отпустит Господь ему грехи. Он выдавал себя за меня. Ты же знаешь, мы очень похожи. Аллистер Парк исповедовался мне на своем смертном одре два дня назад. Без сомнения, до безвременного конца его довели излишества. Тем не менее, при всех его человеческих слабостях, он был человеком многих хороших качеств. Ты простишь его, правда?

— Но... но...

— Пожалуйста, ради меня. Ты же не станешь плохо говорить о мертвых, не так ли?

— О, черт. Прошу прощения, епископ. Я так мыслю, что так и в самом деле будет правильно, вот и все. Прощай. Извини.

Музыка подходила к концу. Епископ встал, расправил одеяния и величественно вышел. Он лишь надеялся, что этот пьяный олух Каллахан не забудется и не расхохочется...

Гроб, заваленный цветами, имел, как и все гробы в Винланде, форму дракара викингов. А еще он был заполнен сосновыми досками. Некоторые всхлипывали. Даже Каллахан, стоящий в первом ряду, был соответственно торжественным.

— Друзья, мы собрались здесь, чтобы отдать последнюю дань ушедшему от нас...

The Wheels of If (Unknown Fantasy Fiction, October 1940), nep.
Борис Толстиков.

ASTOUNDING

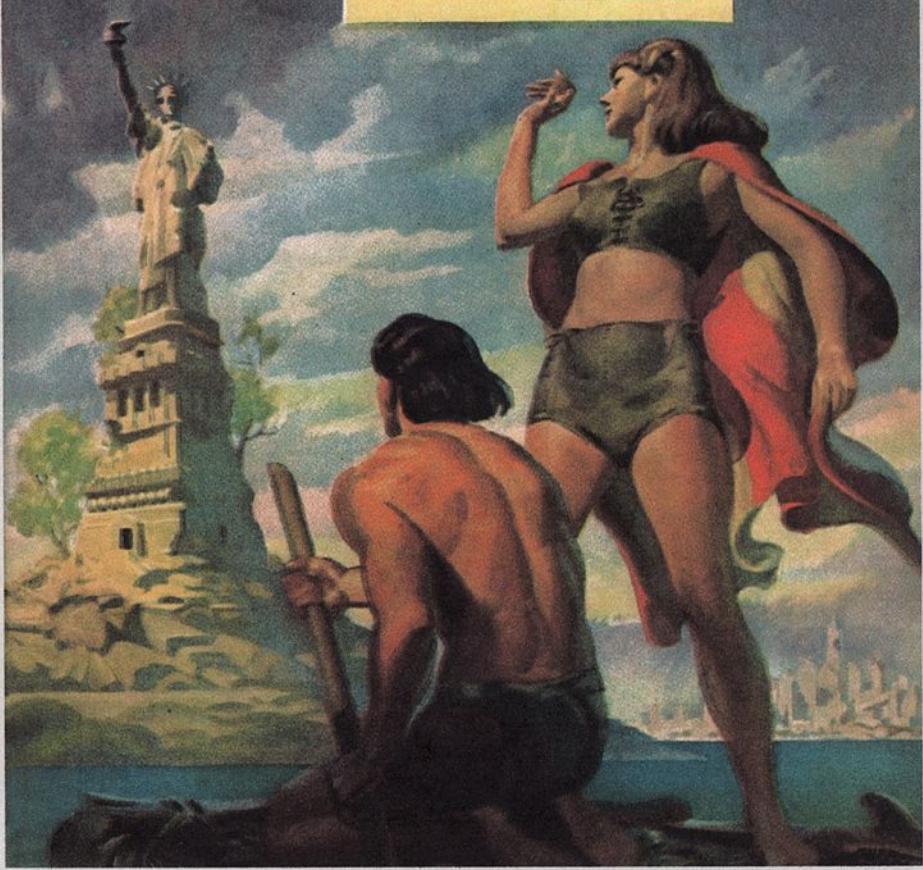
SCIENCE-FICTION
A STREET & SMITH PUBLICATION

MAGIC CITY

By NELSON S. BOND

20¢

FEB • 1941

ЛУЧШИЕ ПЛАНЫ

НА РАЗРУШИТЕЛЯ МИРА Рассел Ф.Р. Хеджес не походил. На самом деле он был почти раздражающе безобидно выглядящим человеком, толстячком лет сорока пяти, одетым в хорошо пошитый костюм из голубой саржи, со свисающими над очками в стальной оправе темными волосами, тронутыми сединой и явно нуждающимися в стрижке.

О глупости попыток судить о людях по их внешности свидетельствовали поколения психологов и таких вот людей. Привычка к такой форме суждения, однако, укоренилась в человеческих представлениях. Возможно, именно поэтому Координатор Рональд К. М. Блосс недооценил Хеджеса. А когда начальник Бюро стандартов велит главному исполнительному директору великого Североамериканского континента поступать так-то и так-то, а «так-то» означает проведение законопроекта, предназначенного для того, чтобы в руках упомянутого начальника по имени Хеджес оказались дела континента, естественная реакция Координатора — нажать на кнопку звонка и приказать убрать зарвавшегося подчиненного.

Но Блоссу стало любопытно. Он спросил, задержав палец над кнопкой:

— И как, мой дорогой Хеджес, вы предполагаете уничтожить мир?

Хеджес дружелюбно улыбнулся. Он, подозревая о наличии диктофонов, говорил едва слышным шепотом:

— Просто, мой дорогой Блосс, — он был оскорбительно фамильярен; люди обычно обращались к Координатору «Ваша Эффективность». — Вспомните мои исследования о природе Времени. Процесс прыжка в будущее, вульгарно называемый ванвинклингом*, является общеизвестным уже на протяжении нескольких десятилетий и является любимым занятием тех, кто недоволен существующим миром и надеется найти лучший в будущем.

— Я все это знаю, — раздраженно сказал Блосс.

— Успокойтесь, мой дорогой Блосс. Находясь в положении, когда в своих объяснениях я могу быть столь многословным, сколь мне нравится, я намерен потакать этим своим прихотям. Как я уже собирался сказать, проблема прыжков назад до сих пор не разрешена. Она включает в себя очевидный парадокс. Если я вернусь в прошлое и убью собственного дедушку, что со мной будет? Очень просто сказать, что убить его не получится, так как случится не-

* Ванвинклинг — по имени «Рип ван Винкль» (англ. Rip Van Winkle) — героя одноименного фантастического рассказа В. Ирвинга. Рип ван Винкль проспал 20 лет в Каатсильских горах.

THE BEST-LAID SCHEME

By L. Sprague de Camp

Marvelous what ructions a man with a time-traveler could cause! The schemes he could work up! The way he could trip over himself!

Illustrated by Edd Cartier

что, мешающее выполнению моего замысла. Однако кто сможет обеспечить крах моего замысла, если я и в самом деле вернусь во времена своего дедушки и найду его? Конечно, если я убью его, то, очевидно, нарушится вся последующая история. Последующая

история — жесткая ткань, и, несомненно, постараётся сохранить свой первоначальный рисунок. Тем не менее, позволю себе усомниться в том, что ей это вообще удастся. На самом деле, любое мое действие в минувшие времена, затрагивающее других, порождает череду событий, которые, в конечном счете, выведут последующую историю из ее нормального русла. Кто-то женится или не женится на женщине, которую он в противном случае выбрал бы, и великий государственный деятель рождается или не рождается в зависимости от обстоятельств. Итак, все, что мне нужно сделать, так это отправиться достаточно далеко назад, совершить несколько достаточно значимых действий, и, вуаля! Вы и все остальные жители континента перестаете быть; вернее, вы перестаете быть теми, кем вы сейчас являетесь. Понимаете, мой дорогой Блосс?

Блосс решил, что понимает очень хорошо. Он нажал на кнопку.

Хеджес видел, что делает Блосс. Начальник Бюро стандартов посмотрел на свои часы. Это были большие наручные часы, со множеством кнопок и рычажков по всему ободку. Его пальцы переместились на один из них.

— Ага, — сказал он, — похоже, требуется демонстрация.

И исчез.

Когда через три секунды ворвались охранники, они нашли только выглядящего встревоженным координатора. Его не особенно обеспокоило исчезновение Хеджеса — ему уже приходилось видеть, как такое случалось с людьми, когда они ванвинклились, но его заинтересовало, не существует ли какого-то, пусть мизерного шанса на то, что человек и на самом деле прыгнул назад, а не вперед.

Он послал за Винсентом М.С. Коллингвудом, главой КБР — Континального Бюро Расследований.

Коллингвуд вытащил связку бумаг из своего портфеля.

— Ха! — сказал он. — Вот документы на Рассела Ф. Р. Хеджеса. Наш штатный психолог считает его «проницательным, амбициозным, находчивым и настойчивым под обманчиво мягкой внешностью»,

— Коллингвуд устремил на шефа немигающий взгляд блестящих глаз. — Таких, Ваша Эффективность, я называю злонамеренными!

— Не знаю, — сказал Блосс. — Может, я слупил, что так разволнился; может, он блефовал и просто ванвинклился.

— Ха! — крякнул Коллингвуд. — Но так ли это? Если бы это был обычный ванвинклинг, он застрял бы в будущем без возможности вернуться. Нет, я уверен, что за этим кроется подлый заговор.

Блосс начал:

— Я...

Он замер с открытым ртом. Белый Дом тряхнуло безмолвное и недвижимое землетрясение — если такое вообще возможно представить.

Блосс уставился на стену за Коллингвудом.

- Картина, — сказал он. — Картина позади тебя.
Коллингвуд хмуро обернулся к пустой стене.
- Я не вижу никакой картины.
- Вот именно! Секунду назад она была там. И на тебе *другой* галстук.
- Ха! Вот оно. Это *и есть* злонамеренность! Он вернулся в прошлое и что-то — неважно что — сделал, изменив последующую историю. Ха!
- Перестань все время говорить «ха», — недовольно сказал Блосс.
- Я хочу, чтобы ты что-нибудь *сделал*.
- Ха, вам не нужно беспокоиться насчет того, чтобы я что-нибудь сделал, Ваша Эффективность. Делать что-нибудь — именно то, чем я занимаюсь.
- Ну, и что же ты придумал?
- Ну... э... Пока не знаю. Но не беспокойтесь!
- Но я *беспокоюсь*. Можешь ты, по крайней мере, отправить кого-то из своих людей следить за Хеджесом?
- Конечно, Ваша Эффективность, — вскричал Коллингвуд. — Именно это я и планировал, ха! Я поставлю следить за ним де Витта. Он самый крутой из наших. Кроме того, у него искусственный глаз.
- Какое это имеет отношение к нему?
- Ха! Вам это знание не понравится!

ХЕДЖЕС ПОЯВИЛСЯ в кресле, недавно освобожденном Коллингвудом. Блосс подпрыгнул.

- Ах, мой дорогой Блосс, — сказал Хеджес. — Демонстрация была убедительной, я полагаю?
- Э.. ну да, — осторожно сказал Блосс. — Чего ты хочешь от меня?
- Я уже сказал. Провести законопроект, дающий мне, как начальнику Бюро стандартов, полномочия, которые я перечислил.
- Ладно. Но потребуется время, чтобы его подготовить и принять.
- Я знаю. Я не тороплюсь. Я продолжу выполнять свои обычные обязанности. Вы, конечно, не станете пытаться сделать нечто опрометчивое, вроде моего ареста — или нападения на меня. Если вы это сделаете, я вернусь в прошлое и займусь, в частности, вашими собственными предками. Про них я уже все выяснил и уверен, что смогу их отыскать. Доброго дня, Ваша Эффективность.

Блосс смотрел, как Хеджес уходит более традиционным путем. Координатор подумал о том, чтобы приказать Коллингвуду избавиться от Хеджеса любым выбранным им способом. Но колебался. Он был сторонником законности, а убийство неудобных граждан без соблюдения надлежащей правовой процедуры в Северной Америке 2365 года считалось очень серьезным преступлением. Кроме

того, приближались выборы, а оппоненты Координатора обязательно раскопают все его грехи и ими воспользуются.

Теперь появилась еще более веская причина для сохранения не-прикосновенности Хеджеса: если бы кабээрвец напал на Хеджа с пистолетом или дубинкой, но не добился бы успеха с первой попытки, то Хеджес исчез бы в прошлом и, ради мести, сделал бы что-то действительно радикальное для изменения ткани истории. Может быть, Блосс обнаружит, что он больше не Координатор – или вовсе он больше не Блосс. Поскольку Блосс был сильно к себе привязан, мысль о таком разделении казалась болезненной.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Винсент М.С. Коллингвуд вызвал своего самого крутого оперативника, Мендеза С. Д. де Витта. Этот де Витт был в немилости из-за того, что убил человека; он заявлял, что сделал это по необходимости, предотвращая побег; другие его опровергали. Никакого наказания де Витт не понес, но ему дали понять, что для возвращения благосклонности Департамента ему придется сделать что-то серьезное. Он был крупным мужчиной с короткими торчащими черными волосами. Никто не подозревал, что у него искусственный глаз, который он использовал в своей работе. Он тщательно культивировал неряшливость в одежде и своих манерах.

– Этот Хеджес, – возбужденно объявил Коллингвуд, – подлый негодяй. Он угрожает не только основам нашего правительства и ткани нашего общества, но и самому нашему существованию.

– Так, – сказал Мендез де Витт.

– Его нужно остановить! Наша славная земля не может терпеть такую гадюку на ее груди.

– Так.

– Ты выбран для...

Зазвонил телефон, и Коллингвуд выслушал Блосса. Блосс сказал ему, что ни при каких обстоятельствах Р.Ф.Р. Хеджес не должен подвергаться нападению, убийству, похищению или иному насилию.

Коллингвуд продолжил:

– Ты выбран для опасной задачи по разоблачению этой зловещей силы. Но в процессе достижении твоей цели Хеджес ни в коем случае не должен быть атакован, убит, похищен или иным образом подвергнут насилию. Понимаешь?

– Так, – сказал де Витт. – Чего же мне творить, показывать ему свой язык?

– Ха! Ты смешной, как инвалидное кресло, де Витт. Нет, сначала ты пойдешь работать в Бюро стандартов, где сможешь присматривать за ним. Ты узнаешь, откуда он получает свою способность путешествовать во времени, и можно ли без особого риска лишить Хеджеса этой способности.

– Это все?

— Это все. Удачи, мой мальчик.

— Когда-нибудь, — сказал де Витт, — до парня дойдет, что он слишком часто называл другого парня «моим мальчиком». Покедова.

Мендез С. Д. де Витт имел несколько искусственных глаз, ни один из которых не был тем, чем казался. Пристроившись за лабораторным столом в здании Бюро стандартов он, с помощью паяльника и пинцета, ловко собирая механизм для еще одной оптической обманки. Этот аппарат должен был излучать парализующий луч. Механизм предполагалось установить в оболочку из метилметакрилата* позже; де Витт не хотел, чтобы другие техники Бюро стандартов узнали о его глазах.

Один из этих техников чихнул. Он провел пальцем по основанию своего смесителя, а когда поднял палец, на нем оказалось небольшое пятно желтого порошка. Техник высыпал этот порошок в пламя горелки и принюхался.

— Кто, — спросил он, — рассыпал в лаборатории порошковую серу?

Де Витт мог бы ему ответить. Он также мог бы добавить, что сера была радиоактивной.

По пути в свой кабинет Рассел Ф.Р. Хеджес промаршировал через лабораторию. Он кивал и улыбался техникам, приговаривая:

— Ах, мой дорогой Хатчинсон! Ах, мой дорогой Джонс!

Когда он проходил мимо де Витта, одарив последнего новичка в своей лаборатории подозрительным взглядом, де Витт уставился на запястье Хеджеса. Он плотно зажмурил свой здоровый глаз — правый, — затем моргнул несколько раз.

Потом он опять занялся новым искусственным глазом.

Вернувшись домой, де Витт сразу вытащил свой фальшивый глаз. Оболочка развинчивалась на две части, а внутри находился аккуратный маленький рентгеновский фотоаппарат, полный экспонированной миллиметровой пленки. Де Витт проявил пленку и напечатал с увеличением серию фотографий. Это были рентгеновские снимки руки Хеджа и замечательных наручных часов, которые он носил на запястье. На фотографиях видны были только черно-белые силуэты, созданные благодаря излучению радиоактивной серы, рассыпанной де Виттом. На каждом фото внутренняя часть часов отображалась путаницей из катушек и зубчатых колес, и само по себе одно фото было бы бесполезно. Но де Витт, сравнивая несколько фотографий, сделанных под разными углами, составил хорошее представление о работе устройства. Это и была машина для путешествий во времени Хеджеса. На циферблате имелись диски, похожие на счетчики пробега в автомобиле, считывающие годы и

* Метилметакрилат — сложный метиловый эфир метакриловой кислоты, используется при производстве полимеров, в частности, плексигласа для контактных линз.

дни года. Хеджесу достаточно было переставить цифры вперед или назад.

Де Витт тут же приступил к дублированию машины. Это заняло у него три недели. К концу этого времени Коллингвуд стал довольно нетерпеливым.

Де Витт объяснил:

— Видите ли, шеф, я просто хочу прогнать этого парня из его собственного времени. Потом я его зафиксирую, чтобы он не смог *ничего* сделать.

— Но, де Витт, разве ты не помнишь, что Его Эффективность вел даже не прикасаться...

— Так, я знаю. Но это касается только того, как поступать с ним сейчас. Его Эффективность не говорил же о том, что я могу сделать с Хеджесом пятьсот лет назад, верно?

— Хм. Да. Я понимаю, к чему ты клонишь. Конечно, я верю в необходимость выполнения приказов Его Эффективности, но при борьбе с такой злонамеренной силой, как эта...

ДЕ ВИТТ закончил свой дубликат часов. Он пристегнул их на запястье и повернулся диск настройки.

Ничего не случилось, хотя циферблат показывал 2360 – пять лет назад. Человек из КБР тихо выругался и повернулся диски снова, потом еще. Ничего не происходило, пока он не достиг 2298. И тогда раздалось *вuuuuши*, а комната размылась в бешеном движении.

Де Витт оказался в пустом воздухе на высоте в двенадцать футах над пустым участком, на поверхность которого он и упал – *иilep!*

Он кое-как поднялся, и его озарило – он вернулся в прошлое в тот момент, когда еще не был построен пансионат, в котором жил. Слава богу, он не пробовал провернуть этот трюк в небоскребе, или на месте, где прежде стояло другое здание. Де Витт спросил себя, что бы случилось, окажись он там же, где и стальная двутавровая балка. Возможно, случился бы адский взрыв.

Потом он спросил себя, почему гаджет не заработал, пока он не вернулся на тридцать семь лет назад. Ему тридцать шесть, наверное, так оно и работает: ты не можешь занимать свой участок времени более одного раза. Нельзя, чтобы два Мендеза С. Д. де Витта шныряли туда-сюда одновременно.

Чтобы проверить, он изменил направление и медленно повернулся диск. Ничего не происходило, пока он опять не установил 2365. Тут же снова последовал *вuuuuши*, а его пансионат собрался, как в фильме о взрыве, запущенном задом наперед.

Потом де Витт закончил свой парализатор. Результат несколько разочаровывал. Парализатор работал, но только на расстоянии метра или даже меньшем. И нужно целиться точно в шею жертвы.

Но он вложил парализатор в футляр, имеющий форму глаза, вставил в левую глазницу и без предупреждения вошел к Хеджесу.

— Ах, мой дорогой де Витт — сказал, улыбаясь, Хеджес.

— Окей, проехали. Полагаю, приятель, ты знаешь, кто я.

— Из КБР, приятель? Я это подозревал. Чего ты хочешь?

— Ты пойдешь со мной, понял?

— Неужели?

Хеджес поднял брови и прикоснулся к наручным часам. Он исчез.

Как и Мендез де Витт.

Было чертовски забавно сидеть там, крутить диск настройки и смотреть на тень Хеджеса на другой стороне стола. Поскольку де Витт всего на секунду или две отставал в погоне за Хеджесом, он мог удерживать беглеца в поле зрения. Когда Хеджес ускорился, сильные и подвижные пальцы де Витта быстрее закрутили диск; когда Хедж на секунду исчез, де Витт быстро сменил направление вращения и обнаружил Хеджеса, двигающегося в другую сторону. Когда Хедж остановился, де Витт тоже остановился.

Человек из КБР улыбнулся Хеджу.

— Ха, попался?

— Не совсем, — сказал Хеджес.

Он вынул из кармана ручную гранату и начал вытаскивать чеку. Де Витт просто сидел, придерживая диск настройки. Хеджес сунул гранату обратно в карман.

Де Витт засмеялся.

— Ха, решил, что бросишь эту штуку и улепетнешь, да? Я могу смыться так же быстро, как и ты.

Хеджес снова взялся за свои часы времени. Он крутил диски взад и вперед, а де Витт следовал за ним. В следующий раз, когда Хеджес остановился, в комнате появился третий мужчина — напуганный старик.

Хеджес посмотрел на него, и у него дернулся большой палец.

— Один из моих предков. Я узнал его по фотографии.

— Ты чертов дурак, — сказал де Витт. — Если бы он тоже сидел на этом стуле, то вы оба превратились бы в кровавую кашу.

— Пожалуй, ты прав, де Витт. Здесь немного тесновато, тебе не кажется?

И Хеджес снова крутанул диск.

На этот раз де Витт потерял его. Он вернулся к тому времени, когда видел Хеджеса в последний раз, и стал осторожно двигаться туда-сюда. Наконец он увидел, как Хеджес вскакивает со стула и бежит к двери. Де Витт тщательно настроился, и ухитрился остановиться как раз в тот момент, когда Хеджес добрался до двери.

Де Витт побежал за ним. Ему приходилось отслеживать Хеджеса не только в трех пространственных измерениях, но и во времени.

Хотя бегал он получше Хеджеса, тот, когда де Витт догнал свою жертву, закрутил циферблат на запястье и начал тускнеть.

Де Витт совершил почти невозможный подвиг, одновременно догоняя Хеджеса и вращая свой диск. Они выскочили из здания Бюро стандартов. Де Витт понимал, что если однажды он упустит свою цель, то никогда ее не найдет.

Они оба остановились. Хеджес замедлился во времени до такой степени, что де Витт мог видеть автомобили, мчащиеся мимо задом наперед. Несколько проехали прямо через них.

— Берегись! — закричал де Витт, когда Хеджес чуть не остановил свое путешествие во времени в точке, где пересекались пространственно-временной трек и здоровенный грузовик.

Крика не получилось — путешествуя по времени можно передвигаться и в пространстве, но беззвучно. Однако Хеджес заметил опасность и снова ускорился.

Наконец Хеджес отказался от перемещения во времени, поскольку оно имеет только одно измерение и, перемещаясь по нему взад-вперед достаточно далеко всегда можно найти человека. Он снова побежал в физическом пространстве, а де Витт следом за ним. Они бежали по Пенсильвания-авеню. Де Витт мельком глянул на часы. 1959 год. Хеджес, подумал он, должно быть, приготовил гранату, чтобы выполнить свою угрозу — отправиться в прошлое и взорвать несколько невинных прохожих. Де Витт, несмотря на свою крутость, был в шоке. Он потянулся за своим пистолетом, хотя и надеялся, что его не придется использовать.

Хеджес задыхался. Он столкнулся с пешеходом, и де Витт почувствовал какое-то содрогание в своей психике.

Хеджес столкнулся с другим пешеходом. Пистолет исчез из рук де Витта, а вместо него появился зонтик. Де Витт понял, что произошло: столкновение с пешеходом, само по себе тривиальное, стало первым звеном в цепи событий, изменивших историю.

Они приближались к кольцевому перекрестку. Посередине кольца имелся круглый небольшой парк с декоративным фонтаном, вокруг которого сидели люди. Де Витт понял намерение Хеджеса, когда тот вытащил свою бомбу. Так как у Хеджеса не получилось сбежать, он решил изменить историю прямо здесь.

Де Витт увернулся от пары автомобилей, и с рвущимися от напряжения легкими, догнал Хеджеса. Ручкой зонтика он зацепил лодыжку Хеджеса. Тормоза завизжали, и Хеджес упал перед машиной. Де Витт прыгнул на него. Снова появилось это жуткое ощущение психотрясения. Де Витт знал, что, пока они борются, они оба еще и меняются. Люди смотрели на них, и это зрелище оставалось в их личных историях...

Хеджес выдернул чеку из гранаты, а де Витт вспомнил про свой парализующий глаз. Он моргнул своим настоящим глазом, и на-

целил фальшивый на шею Хеджеса. Граната упала на асфальт. Де Витт схватил ее, бросил в фонтан и закричал: «Ложись!», но люди только недоумевающе смотрели на него. Затем бомба взорвалась, выбросив фонтан воды и статую Тритона высоко в воздухе.

Ощущение психотрясения стало почти невыносимым. Де Витт в ужасе почувствовал, что у него растет борода.

Разлетающиеся куски бетона слегка поранили несколько человек, но тяжелый бетонный бордюр фонтана задержал все осколки гранаты.

Появилась полицейская машина. В этот миг де Витт стал сознавать многое, чего не успел заметить – стаинного вида автомобили; цветастые одежды людей (цветастые по сравнению с мрачными черно-белыми одеяниями его времени)…

Хедж лежал на асфальте и тупо смотрел на него. Де Витт наклонился, зажал часы Хеджеса пальцами левой руки, а пальцами правой рукой взялся за свои собственные. Он повернул оба настроечных диска.

Они по-прежнему находились в парке на кольцевом перекрестке. Но сейчас было раннее утро, и прохожих почти не наблюдалось. Фонтан изливался из другого Тритона, на вид совсем нового. Де Витт попытался отправить их вперед на год, и это ему удалось.

Эффект паралича спал с Хеджеса, он подполз к бордюру фонтана и сел на него, обхватив голову руками.

Де Витт остро посмотрел на него.

– Скажи, – сказал он, – что ты не тот парень.

– Ты тоже не тот.

В этом не было сомнений – де Витт стал на шесть дюймов выше, и у него появилась ужасная борода. Его волосы казались отвратительно длинными. Смешиваясь с памятью о карьере в качестве кабээровца, к нему пришли другие воспоминания – о беспечной жизни на мизерный доход, посвященной друзьям сомнительной репутацией и написанию изрядного количества приторных сентиментальных стишков.

– Не знаю, зачем я это сделал, – сказал Хеджес. – Я не амбициозен. Все, чего я хочу – так это тихой спокойной жизни в деревне.

– Это потому, что ты уже не тот человек, – сказал де Витт. – Я тоже. Я чертов поэт.

Он посмотрел на цветочную клумбу вокруг фонтана и начал сочинять:

*Лютик смотрит на желтую свежую розу.
И может быть, любит ее, как люблю я тебя, мою грезу...
Но пчела не летит к ним обоим сразу.
И любовь лютика принесет им только...*

— Что рифмуется со «сразу»?
— «Заразу», — ответил Хеджес. — И ты собираешься все время заниматься подобным?

— Возможно.

— Это ужасно. Но разве ты не собирался арестовать меня или что-то в этом роде?

— Н-нет. Я больше не полицейский, — де Витт запустил пятерню в свои длинные волосы. — Думаю, я просто останусь здесь и стану поэтом.

— Меня и в самом деле следовало бы арестовать.

— Тогда тебе придется вернуться назад... — или вперед? — в свое время и сдаться. Мне ты не нужен.

Хеджес вздохнул.

— «Лучшие планы мышей и людей...»* — изменяя историю, ведущую к нашему времени, мы, конечно, изменили свою собственную историю и прошлое. Думаю, что и мне это время понравится. Я взял с собой кучу денег, они точно пригодятся. Я куплю маленький домик в деревне и стану выращивать цветы, а ты сможешь писать о них стихи и стать известным поэтом.

— Рассел!

— Мендеz!

И, став друзьями на всю жизнь, они пожали друг другу руки.

БЕСШУМНОЕ НЕПОДВИЖНОЕ землетрясение заставило Координатора Блосса и Винсента М.С. Коллингвуда вскочить на ноги. Они в ужасе смотрели друг на друга, пока тревожное ощущение не исчезло.

— Ты изменился, — сказал Блосс.

— Как и вы, Ваша Эффективность.

— Но не очень.

— Слава богу, нет! Полагаю, Хеджес причинил весь вред, какой только смог. Что это?

На столе исполнительного директора появилась пара часов времени и записка, написанная карандашом. В записке было сказано:

Его Эффективности, Координатору Северной Америки, или Винсенту М.С. Коллингвуду, директору КБР.

Мы решили остаться здесь, в 1960 году. Мы постараемся не нарушать пространственно-временные структуры больше, чем это

* Цитата из стихотворения Роберта Бернса «К полевой мыши, разоренной моим плугом» (англ. To A Mouse, on Turning Her Up in Her Nest, with the Plough): «Лучшие планы мышей и людей/Часто идут вкривь и вкось». Оригинальный текст: «The best laid schemes o' mice an' men/Gang aft agley».

необходимо, до конца нашей жизни. Часы времени, отправленные вам, являются средством транспортировки этой записи. Мы советуем вам уничтожить их.

Если хотите посмотреть, как я устроился, поищите поэта конца двадцатого века с моим именем. С уважением.

МЕНДЕЗ С. Д. ДЕ ВИТТ

Блосс вытащил том энциклопедии со статьями от «Дамба» до «Ежи».

— Вот, — объявил он. — Да, он стал довольно известным поэтом. Женился в 1964 году, детей не было. Умер в 1980 году. Там даже упоминается его друг Хеджес. Держу пари, что на прошлой неделе этой статьи не было в энциклопедии. Что ты сделал с этими часами?

Коллингвуд, вытаращив глаза, смотрел на пустой стол.

— Ничего... Они подпрыгнули и исчезли. Это самое злонамеренное, что я когда-либо видел!

— Вовсе нет, — сказал Координатор. — Хеджес и де Витт потревожили историю между своим временем и нашим до такой степени, что Хеджес в нашем времени никогда не совершал никакого путешествия в прошлое. Поэтому этих часов никогда не существовало.

— Получается — часы никогда не существовали... Но они были на столе минуту назад... Но они перенесли Хеджеса в прошлое, чтобы он смог сделать невозможным то, что он сделал, чтобы позволить ему вернуться в прошлое, чтобы сделать невозможным то, что он сделал...

Блосс вытащил бутылку и пару стаканов.

— Мой дорогой Коллингвуд, — сказал он, — не своди себя с ума, пытаясь разрешить парадоксы путешествий во времени. Часы исчезли, и я так считаю, что это к лучшему. Выпьем.

Коллингвуд поднял свой стакан.

— Очень мудрые слова, Ваша Эффективность!

*The Best-Laid Scheme (Astounding Science-Fiction, February 1941),
пер. Борис Толстиков.*

ARTHUR J. BURKS • NAT SCHACHNER • R. Z. GALLUN

20¢

REG. U. S. PAT. OFFICE

APRIL, 1938

ASTOUNDING

SCIENCE-FICTION

"THREE THOUSAND YEARS!"
By THOMAS CALVERT McCLARY

ГИПЕРПЕЛОЗИЯ

— **МЫ ВСЕ** наслышаны о блестящих успехах в искусстве и науке, но, если знать всю историю этих достижений, можно обнаружить, что и некоторые из неудач были по-настоящему интересны.

Говорил Пэт Вайс. Пиво кончилось, и Карл Вандеркук отправился за добавкой. Пэт, подтянувшись к себе в уголок все чипсы, попавшиеся ему на глаза, сидел, развалившись, и выпускал огромные клубы дыма.

— Это значит, — сказал я, — что у тебя на подходе история. Окей, выкладывай. Покер может подождать.

— Только не перебивай сам себя посереди рассказа со словами «Это мне напомнило...», и не перескакивай на другую историю, а в середине ее — на следующую, и так далее, — вставил Ганнибал Снайдер.

Пэт сердито глянул на Ганнибала.

— Послушай, придурак, рассказывая последние три истории, я ни разу не отвлекался. Если можешь рассказать получше, давай, начинай. Слышал когда-нибудь о Дж. Романе Оливейре? — тут же добавил он, не давая, как я заметил, возможности Ганнибалу принять его предложение.

Пэт продолжал:

— Карл много говорит о своем новом гаджете, и нет сомнений, что благодаря этой штуке станет знаменитым, если он когда-нибудь ее закончит. А Карл обычно заканчивает то, что собирается сделать. Мой друг Оливейра тоже закончил то, что собирался сделать, и должен был стать знаменитым, но не получилось. С научной точки зрения его работа оказалась успешной и заслуживала самой высокой похвалы, но с человеческой точки зрения она обернулась провалом. Вот почему сейчас он всего лишь руководитель небольшого колледжа в Техасе. Он до сих пор делает хорошие работы и публикует статьи в журналах, но у него имеются все основания подозревать, что заслуживал он большего. Кстати, на днях получил от него письмо — похоже, теперь он стал гордым дедом. Это мне напомнило о моем дедушке...

— Эй! — рявкнул Ганнибал.

Пэт сказал:

— А? А, понятно. Извини. Я больше не буду.

Он продолжил:

"All I can hear," snapped the doctor, "is hair scratching on the stethoscope diaphragm."

HYPERPILOSITY

by

L. Sprague de Camp

— Я впервые познакомился с Дж. Романом, когда был простым студентом Медицинского центра, а он был профессором вирусологии. «Дж» в его имени означает «Хесус», пишется как J-e-s-u-s, что в переводе означает «Иисус», отличное мексиканское имя. Но в

Штатах над ним так подшучивали, что он предпочитал называться «Романом».

Как вы помните, Великое Изменение, к которому эта история имеет отношение, началось зимой 1971 года после той ужасной эпидемии гриппа. Оливейра тоже загрипповал. Я пришел к нему, чтобы получить задание, и нашел его сидящим среди кучи подушек и одетым в жутчайшую розово-зеленую пижаму. Его жена читала ему на испанском.

— Слушай, Пэт, — сказал он, когда я пришел, — Я снаю, что ты достойный студент, но я желаю, чтоб тебя и весь проклятый классо вирусолог жарили в аду на самой горячей эсковороде. Скажи мне, чего ты хочешь, а потом уходи и дай мне спокойно умереть.

Я получил нужную информацию и собирался уходить, когда пришел его доктор, старый Фогарти, который читал лекции по пазухам. Он давно уже отказался от общей практики, но так боялся потерять хорошего вирусолога, что болезнью Оливейры занялся сам.

— Задержись, сынок, — сказал он мне, когда я собирался выйти с провожающей меня миссис Оливейра, — и узнай немного о практической медицине. Я всегда считал ошибкой, что у нас нет курса обучения врачей особенностям поведения с больными. А теперь посмотри, как я это делаю. Я улыбаюсь Оливейре, но я не веду себя так чертовски жизнерадостно, что он сочтет смерть желанным избавлением от моей компании. Это та ошибка, которую совершают некоторые молодые врачи. Заметь, что я действую быстро, и не боюсь, что мой пациент может развалиться на кусочки при малейшей встряске... — и так далее.

Веселье началось, когда он приложил воронку своего стетоскопа к груди Оливейры.

— Ни черта не слышу, — фыркнул он. — Точнее, слышу только как по мембране скребут кончики волос, которых у тебя уж очень много. Возможно, придется их сбрить. Но скажи, разве это нормально для мексиканца?

— Ты чертовски очень прав, — ответил страдалец. — Как и большинство уроженцев моей прекрасной Мексики, я в основном эндийского происхождения, а эндейцы принадлежат к монголоидам, и волос на теле у них мало. Все эти вылезли са последнюю неделю.

— Забавно... — сказал Фогарти.

Тут заговорил я:

— Я бы сказал, доктор Фогарти, это более чем забавно — я сам грипповал с месяц назад, и со мной происходило то же самое. Я всегда переживал, что похож на девчонку, потому что у меня на

груди не было волос, достойных упоминания, а теперь у меня там так наросло, что можно заплетать косички. Но я не увидел в этом ничего особенного...

Я не помню, что потом было сказано, потому что мы все заговорили сразу. Но когда все успокоились, оказалось, что мы ничего не сможем сделать без систематических исследований, и я пообещал Фогарти прийти к нему домой, чтобы он мог меня осмотреть.

Я пришел к нему на следующий день, но он не обнаружил ничего, кроме обилия волос. Конечно, он взял анализы всего, что только смог придумать. Я перестал носить нижнее белье, потому что там чесалось, да и волосы сохраняли достаточно тепла, чтобы сделать белье ненужным, даже в январском Нью-Йорке.

Потом, через неделю, когда Оливейра вернулся на занятия, он сказал мне, что Фогарти подхватил грипп. Оливейра осматривал грудную клетку старика и обнаружил, что у него на теле тоже с беспрецедентной скоростью начали расти волосы.

Тогдашняя моя подруга – не нынешняя супруга, с ней я еще не встретился – преодолела свое смущение настолько, чтобы спросить, не могу ли я объяснить, почему *она* стала волосатой. Я видел, что бедная девочка довольно сильно переживает; очевидно, что ее шансы подцепить хорошего человека сильно уменьшатся, если она покроется шерстью как медведь или горилла. Я не смог дать объяснений, только сказал, что, если это ее хоть как-то утешит, множество других людей страдают по той же причине.

Потом мы узнали, что Фогарти умер. Он был славным парнем, и мы о нем сожалели, но он жил полной жизнью, и нельзя сказать, что его жизнь прервалась, когда он пребывал в расцвете сил.

Оливейра пригласил меня в свой офис.

– Пэт, – сказал он, – прошлой осенью ты искал подработку, не так ли? Ну, так вот, мне нужен помощник. Мы собираемся расобраться с этими волосами. Ты в деле?

– Да.

Мы начали с изучения всех клинических случаев. У всех, болевших сейчас или уже переболевших гриппом, вырастали волосы. А зима оказалась суровой, и походило на то, что рано или поздно гриппом переболеют все.

Примерно тогда же у меня появилась блестящая идея. Я разыскал информацию обо всех косметических компаниях, производящих депиляторы, и вложил в их акции те небольшие деньги, которые у меня имелись. Позже я пожалел, но до этого момента я еще дойду.

Роман Оливейра был трудоголиком, и из-за того, что он заставлял проводить на работе столько часов, я невольно начал подумывать об увольнении. Но тот факт, что моя подруга настолько стеснялась своих волос, что больше не выходила на улицу, сэкономил мне немало времени.

Мы неустанно работали над нашими морскими свинками и крысами, но ничего не добились. Оливейра взял кучу бесшерстных собак чихуахуа и попытался, изучая их, разработать мазь, но ничего не получилось. Он даже достал пару восточноафриканских песчаных крыс – *Heterocephalus*, иначе их называют «голые землекопы» (надо сказать, чудовищные на вид твари), – но это тоже оказалось пустым номером.

Потом дошло до газет. Я заметил небольшую статью в «Нью-Йорк Таймс», на внутренней странице. Неделю спустя история заняла полную колонку на второй части первой страницы. Потом она оказалась на первой полосе. В основном там говорилось, что «Доктор Такой-то считает, что нацию обрушилась гиперпелозия* (шикарное словечко, а? жаль, не помню имя доктора, который его изобрел), – вызванная тем, этим или чем-то другим».

Наш обычный февральский бал пришлось отменить, потому что почти никто из студентов не смог уговорить своих девочек на него пойти. Посещаемость кинотеатров изрядно уменьшилась по той же причине. Найти там отличное место стало беспроблемным, даже если ты появлялся часам к восьми вечера. Я наткнулся на забавную заметку в газете о съемках фильма «Тарзан и люди-осьминоги». Съемки пришлось отменить, потому что актерам надо было бегать в набедренных повязках, а оказалось, что весь актерский состав требуется подстригать и брить каждые несколько дней, иначе станет заметна покрывающая их шерсть.

Забавно было и ездить в автобусе, наблюдая за тщательно кутавшимися людьми. Большинство из них почесывались, а те, кто был слишком хорошо воспитан, чтобы чесаться, просто ежились и выглядели несчастными.

* Гиперпелозия – «сверхволосатость», образовано от древнегреческого *hyper* (сверх) и латинского *pilosus* (волосы). Юмор в том, что для такой болезни давно уже существует название «Гипертрихоз» с тем же значением, но в нем обе части взяты из древнегреческого: *hyper* (сверх) + *trichos* (волосы). К тому же корректнее было бы писать свежеизобретенное слово через букву «и»: «Гиперпилозия».

Далее я прочитал, что число заявлений на выдачу свидетельств о браке так упало, что для этого дела хватило всего трех чиновников на весь Большой Нью-Йорк, включая Йонкерс, который только что включили в Бронкс*.

Я радостно наблюдал, как хорошо растут мои косметические акции и попытался уговорить моего соседа по комнате, Берта Кафкета, тоже их прикупить. Но он только загадочно улыбнулся и сказал, что у него другие планы. Берт был своего рода профессиональным пессимистом.

— Пэт, — сказал он, — может быть, вам с Оливейрой улыбнется удача, а может быть, и нет. Спорю, что нет. Если я выиграю, акции, которые я купил, будут отлично смотреться еще долго после того, как про твои депиляторы забудут.

Как вы понимаете, люди очень напрягались из-за этой чумы. Но когда потеплело, тогда-то и началось настоящее веселье. Сначала, одна за другой, прекратили свою деятельность четыре большие компании по производству нижнего белья. Две из них попали под внешнее управление, еще одна была полностью ликвидирована, а четвертая смогла прорваться, переключившись на изготовление скатертей и американских флагов. Рынок хлопка полностью рухнул, так как этот тип гриппа, провоцирующий рост волос, уже распространился по всему миру. Конгрессмены планировали разъехаться по домам пораньше, и, как обычно, к этому их призывали и консервативные газеты. Но теперь на Вашингтон давили производители хлопка, требующие, чтобы *правительство сделало хоть что-нибудь*, и конгрессмены не решились отправиться на каникулы. Правительство и само желало хоть что-то сделать, но, к сожалению, не имело ни малейшего представления, как это сделать.

Все это время Оливейра, с большей или меньшей моей помощью, работал днем и ночью над проблемой, но нам, похоже, везло не больше, чем правительству.

В доме, где я жил, радио невозможно было слушать из-за помех от больших и мощных электроножниц, которые установили все и которые постоянно работали.

Как говорится, не бывает худа без добра, и Берт Кафкет кое-какое добро получил. Он несколько лет ухаживал за девушкой, моделью из эксклюзивного ателье Жозефины Лион на Пятой авеню. Она хо-

* Бронкс (англ. The Bronx) — одно из пяти боро (районов) Нью-Йорка. Йонкерс (англ. Yonkers) — город в США, в юго-восточной части штата Нью-Йорк, рядом с Бронксом.

рошо зарабатывала и морочила Берту голову. Но теперь, когда вдруг оказалось, что, похоже, не осталось желающих покупать белье, ателье закрылось, и девушка была только счастлива стать законной супругой Берта. К счастью для женщин, на их лицах появлялось не слишком много волос, иначе только богу известно, что стало бы с человечеством. Мы с Бертом подбросили монетку, чтобы выяснить, кому из нас съезжать с квартиры, и я выиграл.

Конгресс, в конце концов, принял законопроект, устанавливающий вознаграждение в миллион долларов тому, кто найдет эффективное лекарство от гиперпелозии, а потом ушел на каникулы, оставив, как обычно, неутверженными кучу важных законопроектов.

Когда в июне стало по-настоящему жарко, все мужчины перестали носить рубашки, так как шерсть прикрывала их не хуже. Полицейские добились разрешения ходить в темно-синих теннисках и шортах, а не в своей обычной форме. Но довольно скоро они стали снимать рубашки и прятать их в карманы шорт. Вскоре и остальное мужское население Соединенных Штатов стало действовать так же. Заросшие люди не потеряли способности потеть, и попытка жарким днем пойти куда-нибудь в любой одежде могла закончиться потерей сознания от перегрева. Я до сих пор помню, как держался за гидрант на углу Третьей авеню и 60-ой улицы, стараясь не грохнуться в обморок, пот рекой тек из моих штанин, а дома, казалось, водили вокруг меня хоровод. После этого я проявил рассудительность и разделся, как и все остальные, до шорт.

В июле Наташа, горилла из зоопарка в Бронксе, сбежала из своей клетки, несколько часов бродила по парку, и никто на нее не обращал внимания. Все посетители зоопарка думали, что это просто необычайно уродливая представительница их собственного вида.

Если текстильный и швейный бизнес из-за волос изрядно пострадал, то рынок для шелка и вовсе исчез. Чулки стали просто причудливым предметом одежды предков, вроде треуголок и париков.

Этим летом ни Оливейра, ни я не брали отпуск, мы яростно работали над проблемой волос. Роман обещал поделиться наградой со мной, когда или если он ее выиграет.

Но летом у нас ничего не получилось. С началом занятий пришлось немного притормозить исследования, потому как у меня это был выпускной год, а Оливейре пришлось преподавать. Но мы старались изо всех сил.

Было забавно читать редакционные статьи в газетах. «Чикаго Трибьюн» даже заподозрила «заговор красных». Можете вообра-

зить, сколько времени потратили на свои работы карикатуристы «Нью-Йоркера» и «Эсквайра».

С падением цен на хлопок Юг на сей раз оказался в настоящей заднице. Помнится, в Конгрессе был внесен законопроект Харвица, требующий, чтобы каждого гражданина старше пяти лет подстригали как минимум раз в неделю. За законопроектом, конечно же, стояла группа южан. Когда он потерпел поражение, главным образом из-за аргумента о его неконституционности, появилось требование подстригать каждого при пересечении границ штата. Под это требование подводилась теория, что человеческий волос можно рассматривать как товар, и что пересечение границы с запасом шерсти, неважно, вашей собственной или чужой, является фактом торговли между штатами и попадает под контроль федерального правительства. Какое-то время казалось, что это пройдет, но южане, в конце концов, приняли суррогатный законопроект, обязывающий стричь всех федеральных служащих, а также курсантов военных и военно-морских академий.

Примерно тогда же, осенью 1971 года, круги, заинтересованные в хлопке и текстиле, развернули большую рекламную кампанию по продвижению стрижки. Кампания шла под слоганами вроде «Не будь волосатой обезьяной!» с фотографиями пары пловцов-мужчин – один волосатый, а другой стриженый, – и с фото симпатичной девушки, которая с отвращением отворачивалась от заросшего пловца, и прямо-таки набрасывалась на стриженного.

Не знаю, насколько успешной могла бы быть их кампания, но они перестарались. Они, как и все терпящие крах производители одежды, пытались настаивать на необходимости носить накрахмаленные рубашки не только на вечерние приемы, но и днем. Я никогда не думал, что многострадальные люди реально смогут восстать против тиранического правления Стиля, но это случилось. Окончательно с ним было покончено на инаугурации президента Пассаванта. Январь выдался необычайно теплым, и когда появились президент, вице-президент и все судьи Верховного суда, на них не было ни нитки выше талии и чертовски мало – ниже.

Мы становились нацией убежденных почти-что-нудистов, каждый рано или поздно приходил к этому. У человека, в отличие от сумчатых, нет естественных карманов, только это было единственным недостатком полного нудизма. Поэтому пришлось пойти на компромисс между волосатостью, необходимостью иметь что-то, где можно хранить авторучки, деньги и прочие мелочи, и нашими

традиционными представлениями о скромности. В результате появилась современная версия шотландского споррана*.

Зимой создались благоприятные условия для гриппа, и им переболели все, кто не подхватил грипп предыдущей зимой. Вскоре беволосый человек стал такой редкостью, что при встрече с ним невольно возникал вопрос, а не страдает ли бедняга от лишая.

В мае 1972 года у нас наконец-то начало что-то проклевываться. У Оливейры возникла блестящая идея, о которой нам обоим следовало подумать раньше – а именно, об исследовании эктогенных** младенцев. До того никто не обращал внимания, что волосы у них начинают расти чуть позже, чем у младенцев, родившихся нормальным путем. Не забывайте, эктогенез человека тогда только начался, да и сегодня производство детей из пробирок в крупных масштабах еще не практично, хотя когда-нибудь мы дойдем и до этого.

Так вот, Оливейра выяснил, что если эктогенные дети находились в реально жестком карантине, то волосы у них вообще не росли. Говоря про реально жесткий карантин, я имею в виду, что воздух, которым они дышали, нагревался до восьмиста градусов по Цельсию, а затем охлаждался до жидкого состояния и пропускался через серию центрифуг, промываясь дюжиной дезинфицирующих растворов. Их пища обрабатывалась аналогичным образом. Я не совсем понимаю, как бедные малютки выживали в такой адской санитарии, но они выживали и у них не росли волосы – до тех пор, пока они не начинали контактировать с другими людьми, или не получали укол с сывороткой из крови младенцев с волосами.

Оливейра выяснил, что причиной гиперпелозии была, как он и подозревал все это время, одна из проклятых самовоспроизводящихся белковых молекул. Как известно, белковую молекулу не разглядеть, и с ней мало что можно сделать с помощью химии, потому что после такого вмешательства она тут же перестанет быть белковой молекулой. Структура таких молекул уже неплохо изучена, но изучение шло медленно, множество выводов делалось из не вполне адекватных данных и иногда выводы были правильными, а иногда – нет.

Но чтобы добиться хорошего результата, применяя такой метод детального анализа материала, нужно иметь изрядное количество этого материала, а того, за которым мы охотились, не существовало

* Спорран (англ. sporran) – кожаная сумка мехом наружу.

** Эктогенный (англ. ectogenic, от др.греч. *ecto* (вне)+*genesis* (происхождение)) – здесь: существа, выращенные вне родительского организма.

в достойном упоминания количестве. Поэтому Оливейра изобрел свой метод выделения и подсчета молекул. Репутация, которую он приобрел благодаря своему методу, стала единственным неоспоримым достижением, полученным им от всей этой работы.

Применив его метод, мы обнаружили нечто определенно странное — количество вирусов у эктогенного ребенка оставалось неизменным и после заражения гиперпелозией. А этоказалось неправильным: мы знали, что после введения молекулы гиперпелозии на нем нарастало столько волос, что хватило бы на прекрасный матрас.

Однажды утром я обнаружил Оливейру, сидящего за своим столом и похожего на средневекового монаха, которому после сорокадневного поста только что было видение (кстати, попробуйте столько попоститься и у вас тоже точно так же будут видения, во множестве). Он сказал:

— Пэт, не покубай яхту на звою долю от этого меллинона. Их слишком дорого содержать.

— А? — ничего лучшего на это замечание я не смог придумать.

— Смотри сюда, — сказал он, встал и подошел к доске, покрытой нарисованными мелом схемами белковых молекул. — Имеются три разновидности белка: альфа, бета и гамма. Альфа у нас не наблюдалось уже тысячи лет. Обрати внимание, что единственное различие между альфа и бета состоит в том, что эти атомы азота, — он показал на схеме, — присоединены вон к той чепочке, а не к ей. Смотри дальше — из энергетических соотношений, записанных ниже, следует, что если ввести одну бета в набор из множества альф, то все альфы скоро привратятся в бета. Дальше, мы знаем, что внутри нас постоянно собираются всевозможные белковые молекулы; большинство из них нестабильны и снова распадаются, или инертны и безвредны, или лишены способности к самовозпроизведению — так или иначе, они ни на что ни влияют. Но, поскольку они такие большие и сложные, то всевозможных форм, которые они могут принимать, очень много и, вполне возможно, изредка появляется какой-нибудь новый вид белка с возможностями самовозпроизведения, то есть вирус. Наверное, именно так и начались вирусы различных болезней — что-то подтолкнуло обычную белковую молекулу, которая как раз завершилась, и присоединило атомы азота к неправильным чепочкам. Моя идея заключается вот в чем. Альфа-белок, который я реконструировал, исходя из того, что мы знаем о его потомках: бета- и гамма-белках, — когда-то существовал в человеческом организме как безвредная и инертная молекула белка. Затем в один прекрасный день во время формирования та-

кого белка что-то случилось – и *presto!* Появился бета-белок. Но бета не безвреден: он быстро препродуцируется и подавляет рост волос на большей части наших тел. Так что скоро все представители нашего вида, которые в то время были довольно-таки волосаты, подцепили этот вирус и потеряли свою шерсть. Более того, это один из тех вирусов, который передаются ембриону, поэтому у новорожденных тоже нет волос. Ну, наши предки немного подрожали от холода, а потом, чтобы согреться, научились укрывать себя шкурами животных и научились сохранять огонь. И вот так началась чивилизация! Только подумай – не случить одной оригинальной молекулы бета-белка и мы, наверное, сегодня все были бы всего лишь кем-то вроде горриллы или чимпанзе, обыкновенной человекообразной обезьяной. Я высчитал, что произошло еще одно изменение в форме молекулы, бета изменилась на гамма, а гамма, как и альфа – безвредная и инертная штучка. И вот – человечество вернулись к тому, с чего начало. Наша задача, состоит в том, чтобы найти способ превратить гаммы обратно в беты. Иначе говоря, теперь, когда мы внезапно излечились от болезни, которая на протяжении тысячелетий сопровождала все человечество, мы желаем снова ей заболеть. И я вижу, как это можно зделать.

Я не смог вытащить из него больше никаких подробностей, а он стал работать еще упорнее. Через несколько недель Оливейра объявил, что готов поставить эксперимент на себе. Его метод состоял из приема комбинации нескольких лекарств – одно из них, насколько я помню, было распространенным лекарством от лошадиного сапа – и воздействия высокочастотного электромагнитного излучения.

Меня эта идея не очень воодушевила, потому что Оливейра мне нравился, а чудовищная доза, которую он собирался принять, выглядела достаточной, чтобы убить целый полк. Но он перенапролом.

Так и есть, это средство едва его не убило. Однако через три дня он более или менее вернулся к нормальной жизни и завопил от радости, когда обнаружил, что волосы на конечностях и теле быстро выпадают. Через пару недель у него осталось не больше волос, чем можно было бы ожидать от профессора вирусологии из Мексики.

Но потом случился настоящий сюрприз, и он оказался неприятным!

Мы ожидали, что на нас обрушится известность, и соответственно подготовились. Помню, как созерцал Оливейру целую минуту, а потом успокоил его, уверяя, что он подстриг усы идеально симметрично и уговорил повязать мой новый галстук.

Результатом нашего эпохального заявления стали два звонка от скучающих репортеров и несколько телефонных интервью с научными редакторами. Не пришло ни одного фотографа! Нас упомянули в научном разделе «Нью-Йорк Таймс», но всего лишь дюжиной строк – газета просто сообщила, что профессор Оливейра и его помощник (безымянный) – нашли причину гиперпелозии и лекарство от нее; не добавив ни слова о возможных последствиях открытия.

Контракты с Медицинским центром запрещали использовать наше открытие в коммерческих целях, но мы ожидали, что многие другие быстро займутся этим, как только метод будет обнародован. Но этого не произошло. На самом деле, эффекта от нашей работы было не больше, чем если бы мы смогли установить корреляцию между температурой среды и громкостью воплей лягушки-быка.

Неделю спустя мы с Оливейрой поговорили об открытии с начальником отдела, Уилоком. Оливейра хотел, чтобы тот использовал свое влияние для создания клиники по удалению волос. Но Уилок не видел в этом смысла.

– Мы получили несколько запросов, – признался он, – но нет никакого ажиотажа. Помните, что творилось, когда Циммерман изобрел лекарство от рака? Так вот, сейчас ничего подобного не происходит. На самом деле я... э... сомневаюсь, что сам захотел бы проходить ваш курс лечения, доктор Оливейра, пусть он и стопроцентно надежен. Я нисколько не склонен преуменьшать значимость той замечательной работы, которую вы проделали. Но... – здесь он запустил пальцы в волосы на своей груди. Они были великолепны: шелковистые, белые, длиной более шести дюймов и густые. – Понимаете, мне нравится эта шубка, а мысль о голой коже заставляет меня несколько стесняться. К тому же шерсть намного выгоднее, чем одежда. И... э... при всей моей скромности, должен сказать, что она неплохо выглядит. В семье всегда надо мной подсмеивалась из-за небрежной одежды, но теперь моя очередь смеяться – никто из них не может похвастаться такой шубой, как моя!

Тут мы с Оливейрой немного подзависли. Мы решили узнать мнение знакомых и некоторым из них написали письма с вопросом, что они думают об идее пройти курс лечения по методу Оливейры. Некоторые сообщили, что готовы, если на такое решится достаточно много других, но большинство отвечало в том же духе, что и доктор Уилок – они привыкли к своим волосам и не видели никакой веской причины для возвращения к прежней голокожести.

– Итак, Пэт, – сказал мне Оливейра, – похоже, большой злавы это открытие нам не принесет. Но мы все еще можем немножко урвать

от фортуны. Помнишь о награде в меллион долларов? Я послал заявку, как только оправился после лечения, и в любой день мы можем получить извещение от правительства.

Получили. Я был у него дома, мы болтали о том, о сем, когда миссис Оливейра вбежала с письмом, восклицая:

— *Abre la!** Открой иго, Роман!

Он открыл письмо, не торопясь достал лист бумаги и прочитал. Потом нахмурился и перечитал письмо. Потом положил лист, очень аккуратно вытащил из пачки сигарету, взял ее не тем концом и попытался поджечь фильтр. Потом сказал ровным голосом:

— Я снова зглушил, Пэт. Я и подумать не мог, что предложение о вознаграждении действует ограниченное время. Похоже, какой-то хитрый *sarammabiche*** в Конгрессе постановил, что срок истекает первого мая. Вспомни, я отправил заявку девятнадцатого числа, а получили они его двадцать первого, на три недели позже!

Я посмотрел на Оливейру, а он посмотрел на меня, а потом на свою жену, а она посмотрела на него, а потом, не сказав ни слова, подошла к шкафчику и достала две большие бутылки текилы и три стакана.

Оливейра расставил три стула вокруг маленького столика и со вздохом устроился на одном из них.

— Пэт, — сказал он, — может, у меня и нет мелионна долларов, но у меня есть кое-что более ченное — женщина, которая знает, что нужно в такие времена!

И такова история Великого Изменения изнутри — во всяком случае, один из ее аспектов. И если мы сегодня говорим о кинозвезде, что она платиновая блондинка, мы имеем в виду не только волосы на ее голове, но и прекрасную серебристую шубку, укутывающую ее сверху донизу.

Еще об одном инциденте. Через несколько дней Берт Кафкет пригласил меня к себе на ужин. После того, как я рассказал ему и его жене о наших с Оливейрой проблемах, он спросил, что сталоось с купленными мною акциями производителя депиляторов.

— Я заметил, что эти акции вернулись на тот уровень, с которого они стартовали перед Изменением, — добавил он.

— Нечего рассказывать, — ответил я. — Примерно в то время, когда они начали спускаться с достигнутого пика, я был слишком занят, работая на Романа, чтобы уделять им много внимания. Когда я нако-

* Открой (исп.)

** Сукин сын (исп.)

нец-то спохватился, то смог скинуть, получив прибыль в несколько центов на акцию. Кстати, как у тебя с акциями тех компаний, на которые ты так загадочно намекал в прошлом году?

— Может ты, когда заходил, заметил мою новую машину? — спросил с улыбкой Берт. — Это они. Точнее, это она, у меня были акции только одной компании, «Джонс и Гэллоуэй».

— Что производят «Джонс и Гэллоуэй»? Никогда о них не слышал.

— Они делают... — тут улыбка Берта расплылась так, словно уголки его рта решили совершить путешествие вокруг головы и встретиться на затылке, — Скребницы — щетки для вычесывания лошадей!

Вот и все. Как раз и Карл с пивом вернулся. Ганнибал, твоя очередь раздавать, верно?

Hyperpelosity (Astounding Science-Fiction, April 1938), пер. Борис Толстиков.

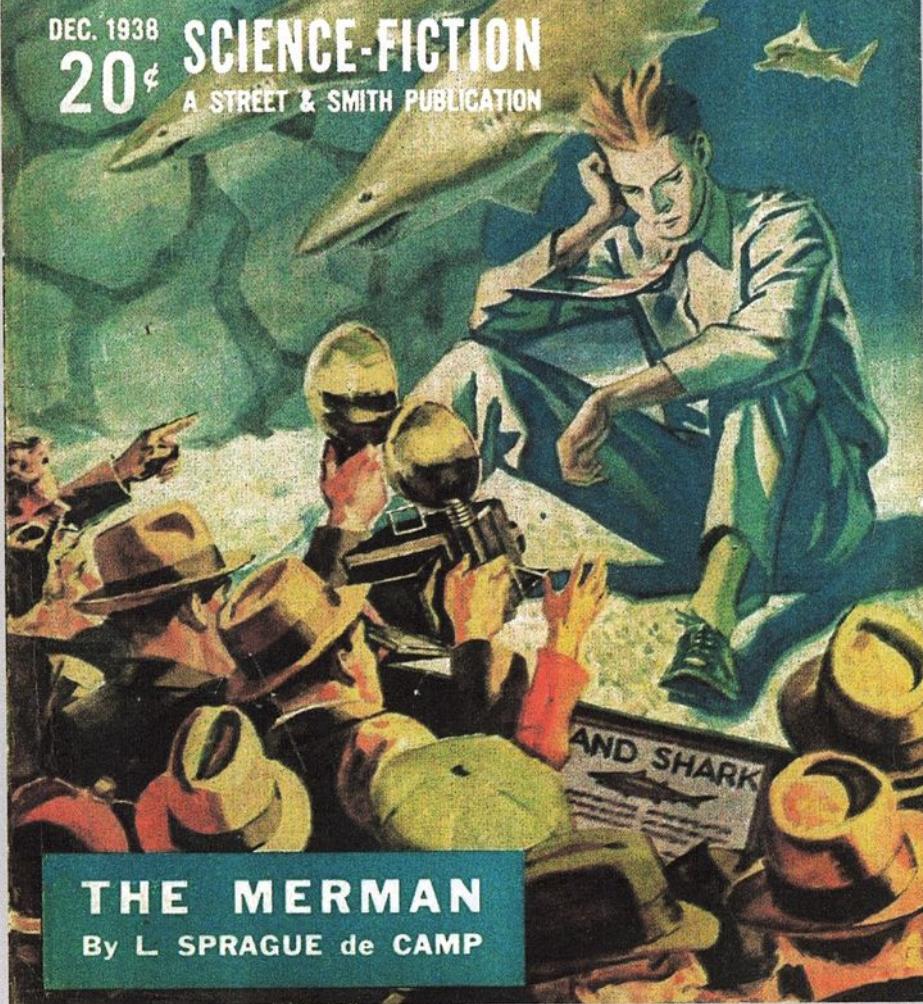
ASTOUNDING

DEC. 1938

20¢

SCIENCE-FICTION

A STREET & SMITH PUBLICATION

РУСАЛ

БЫВАЕТ, что и Юпитер засыпает, а конь на четырех ногах спотыкается, вот и Вернон Брок забыл завести будильник, отчего привез в свой офис с ощущением легкого головокружения, появляющегося, когда вместо завтрака наспех заглотил чашку кофе.

Он посмотрел на аппарат, занимавший половину скудного пространства комнаты, подумал: «Парень, если это сработает, ты точно прославишься», и сел за свой стол. Он считал, что быть ассистентом главного аквариумиста – не такая уж и плохая работа. Конечно, вечно не хватает ни денег, ни места, ни времени, но, наверное, то же самое можно сказать и о большинстве других профессий. К тому же в офисе было очень тихо. Болтовня и шарканье ног посетителей Нью-Йоркского Аквариума^{*} сюда не проникали; единственными звуками здесь были журчание проточной воды, гул насосов и слабое тиканье записывающих устройств. И он любил эту работу. Больше, чем своих рыб, он любил только мисс Энгхольм, но, по стратегическим соображениям никому – во всяком случае, дамам – об этом не рассказывал.

А вчерашний разговор с боссом получился как нельзя более приятным. Клайд Сагден сказал, что скоро уйдет на пенсию, и что он использует все свое влияние, чтобы продвинуть Брука на свое место. Брок не слишком энергично запротестовал, заметив, что, в конце концов, Хемпл работает здесь дольше, и поэтому должен получить эту работу.

– Нет, – возразил главный аквариумист. – Твоё чувство справедливости, Вернон, делает тебе честь, но Хемпл не подойдет. Он хороший подчиненный, однако, у него не больше инициативы, чем у двусторочатого моллюска. И он, в отличие от тебя, никогда не просидел бы всю ночь, выхаживая больного осьминога.

И все в таком духе. Ладно, Брок надеялся, что он и в самом деле хорош, хотя это не повод зазнаваться. Но, зная, как редко начальство хвалит в глаза, он был исполнен решимости максимально радоваться по такому поводу.

Он заглянул в свой ежедневник. «Маркировка». Запись означала, что таблички снова устарели. В аквариумах постоянно меняются обитатели – после смерти старых приобретаются новые. Сегодня вечером он заменит информацию на некоторых табличках. «Ал-

* Нью-Йоркский Аквариум (англ. New York Aquarium) открыт 10 декабря 1896, является самым старым непрерывно действующим океанариумом США.

THE MERMAN

*With a lithe flick
of powerful fins, the
shark swept past, the
lamb chop abruptly
out of Brock's grasp
and in the trap-mouth
of the fish.*

by L. Sprague de Camp

*Brock had a sound idea.... but his method of
application went awry. He not only could,
but had to live under water!*

лигатор»: звонил мужчина, сообщивший, что он хочет принести рептилию в дар заведению. Брок знал, что за этим скрывается. Какой-то тупоголовый турист купил во Флориде аллигатора-детеныша, не имея при этом ни малейшего представления о том, как правильно его содержать, и теперь спешил сплавить тощего маленького бедолагу Аквариуму прежде чем тот умрет от голода и

неумелого обращения благонамеренного невежды. Такое случалось постоянно. «Законодательное собрание». Что за черт? Ах, да, Брок собирался написать в законодательное собрание Флориды в поддержку предложения успеть принять законопроект о запрете вывоза живых аллигаторов тупоголовыми туристами, пока в штате еще вообще остаются живые рептилии.

Теперь почта. Какая-то дама желала узнать, почему у ее гуппи появились белые пятна, и все они умерли. Кто-то хотел узнать, какие водяные растения подойдут для домашнего аквариума, а еще имя надежного продавца таких растений в Покателло, штат Айдахо*. Кто-то хотел знать, как отличить самца омара от самки. Кто-то... – завидев этот почти неразборчивый почерк, Брок беззлобно выругался – писал: «Уважаемый мистер Брок, 18 июня прошлого года я слушал вашу лекцию, о том, что мы произошли от рыб. Согласен, вы произнесли довольно хорошую речь, но, извините за откровенность, вы полностью ошибаетесь. У меня есть теория, что на самом деле это рыбы произошли от нас...»

Брок поднял трубку и сказал:

– Пожалуйста, пригласите мисс Энгхольм.

Когда девушка вошла, они официально поприветствовали друг друга и целый час Брок диктовал ей письма. Потом сказал, не меняя тона:

– Как насчет ужина сегодня вечером?

Кто-нибудь мог войти, а у Брука имелась легкая фобия по поводу того, чтобы посвящать офисных работников в свои личные дела.

– Хорошо, – сказала девушка. – В обычном месте?

– Окей. Только я немного задержусь, буду обновлять таблички, ну, вы в курсе...

Брок подумал, как же мисс Энгхольм удивится, когда он попросит ее выйти за него замуж. (Дурачок). Это должно было случиться после его повышения.

Перед обедом Брок решил потратить пару часов на свои исследования. Он надел свой старый резиновый фартук и вскоре увлеченно работал с лабораторными газовыми горелками. В ограниченном пространстве ему приходилось крутиться как акробату. Но Брок вынужден был мириться с этим, пока не завершится строительство пресловутой пристройки. А потом через пару лет снова станет так же тесно.

В дверях появилась белоснежная шевелюра Сагдена.

– Можно нам войти?

*

Расстояние от Нью-Йорка до г. Покателло более 3000 км.

Он представил своего спутника, доктора Дамвилла из Корнелльского медицинского центра. Брок знал репутацию физиолога, и с радостью рассказал ему про свою работу.

— Вам, доктор, конечно, известно, — сказал он, — разница между легочной тканью и жабрами. Во-первых, в жаберной ткани нет слизисто-секреторных клеток, сохраняющих поверхности влажными в отсутствии воды. Поэтому жабры без воды высыхают и затвердевают, переставая пропускать в одну сторону кислород, а в другую — углекислый газ. Но жабры многих водных организмов можно заставить функционировать вне воды, искусственно поддерживая их во влажном состоянии. Некоторые из таких организмов регулярно выходят из воды на значительное время, например, краб-плавунец и илистый прыгун. С ними все будет в порядке, пока они могут возвращаться в воду и время от времени увлажнять свои жабры.

Однако ни в коем случае нельзя использовать легкие вместо жабр, чтобы извлекать кислород, растворенный в воде, а не поглощать его из воздуха. Я нескольких лет изучал, почему так происходит. Причины частично механические — трудно прокачивать достаточно быстро такую плотную субстанцию, как вода, через губчатую структуру легких, а частично проблема в осмотических свойствах дыхательных клеток, адаптированных для работы с кислородом заданной концентрации, содержащимся в среде заданной средней плотности.

Но я обнаружил, что воздействуя на дыхательные клетки легких определенным раздражителем, можно придать клеткам осмотические свойства жаберной ткани. В основном раздражитель состоит из смеси галогенсодержащих органических соединений. Если моя теория верна, то приличная доза паров этого вещества, введенная в легкие одного из молодых аллигаторов из этого аквариума должна позволить ему дышать под водой.

— Предполагаю одну проблему, — сказал Дамвилл, который во время речи Брука вежливо, но заинтересованно хмыкал, — а именно — когда вы станете удерживать аллигатора под водой, его глотательные мышцы автоматически сократятся, перекрывая легкие, чтобы туда не попадала вода, и он задохнется.

— Я подумал об этом. Я сначала парализую нервы, контролирующие эти мышцы, так что ему придется дышать водой, хочет он этого или нет.

— Разумно. Хм, я хочу в этом поучаствовать. Когда вы собираетесь первый раз экспериментировать с аллигатором?

Они разговаривали, пока Сагден не начал многозначительно покашливать.

— Тут еще много что можно посмотреть, доктор Дамвилл, — сказал он. — Вам стоит взглянуть на нашу новую пристройку. Мы, можно сказать, кровью потели, убеждая город вкладывать в нее деньги.

Он увел Дамвилла, и Брок слышал его удаляющийся голос:

—...пристройка в основном для новой насосной и фильтровальной техники; сейчас у нас только половина места, в котором мы нуждаемся. Там будет два бассейна, достаточно больших для содержания мелких китообразных, и там наконец-то появится прямой солнечный свет. Без него не сохранить большинство амфибий. Чтобы сделать пристройку, нам пришлось разобрать половину проклятого старого здания...

Брок улыбнулся. Пристройка стала детищем Сагдена, и старик не уйдет на пенсию, пока ее не откроют официально.

Брок вернулся к своей аппаратуре. Едва он начал концентрироваться на деле, как в дверях появился Сэм Бариц, чье лицо напоминало морду горгульи.

— Эй, Вейнон, куда ты собираешься засунуть бишира*? Он постутил завтра.

— Ммм... убери спинорогов** из номера 43, а сегодня мы для него приготовим партию нильской воды. Бишир слишком ценный, чтобы рисковать, помещая его с другими, пока не узнаем о нем побольше. И... О, черт, перемести на сегодня спинорогов в запасной аквариум.

Еще одна новая табличка, подумал Брок, возвращаясь к своим химикатам. Как бы получше сформулировать? «Считается очень вкусным...» Да уж. «Близкий родственник ископаемых...» Слишком неопределенно. «Родственник ископаемых организмов, от которых произошло большинство современных рыб и все высшие позвоночные». Вроде бы годится. Может, ему удастся как-то обыграть термин «живое ископаемое»...

Погрузившись в размышления, Брок не заметил, что колба, в которую капала маслянистая жидкость, стоит слишком близко к краю стола. В пристройке, где еще велись строительные работы, с громким хлопком упала доска. Брок дернулся, колба свалилась и разбилась об пол. Брок закричал от ужаса и гнева. По полу расплескалась трехнедельная работа. Он разорвал утреннюю газету, собрал осколки и вытер раствор. Пока Брок этим занимался, от испарений у него заслезились глаза. От злости на себя ему и в голову

* Нильский многопер, или бишир — вид хрящекостных рыб, длиной более метра.

** Спинорогие — семейство морских рыб из отряда иглобрюхообразных.

не пришло, что легкие человека и аллигаторов отличаются не так уж сильно.

Раздался звонок, Брок поднял трубку. Говорил Гальперин, специалист по золотым рыбкам.

— Я планирую небольшое путешествие на юг. Ребята, не хотите, чтобы я привез каких-нибудь амий или саргановых*?

Брок ответил, что спросит Сагдена и перезвонит.

— Ладно, Вейнан, но не тяни с ответом — я уезжаю сегодня во второй половине дня. Пока.

Брок вышел на длинные узкие мостки, шедшие полукругом над аквариумами первого этажа. Мостки вели к задней части здания и входу в пристройку. Будучи опытным аквариумистом, Брок шел уверенно, воображая, как осторожно здесь продвигался Дамвилл, хватаясь за трубы и края резервных емкостей и боязливо посматривая на воду внизу.

В легких Брука появились странные болезненные ощущения. Должно быть, подумал он, причина в том, что он по глупости надышался этой гадостью. Но паров было слишком мало, чтобы нанести реальный вред. Брок шел дальше, а боль усиливалась; появилось ощущение странного удушья. Это серьезно, подумал он. Надо передать сообщение Гальперина Сагдену и сразу отправиться к врачу. Он шел дальше.

Его легкие как будто бы охватил огонь. Скорее, скорее... Дамвилл — доктор медицины, может, он сможет меня вылечить. Брок не мог дышать. Ему требовалась вода — но, как ни странно, не прополоскать горло, а залить в легкие. Под ним была прохладная глубина большого аквариума, а мостки заканчивались. В этом аквариуме содержались акулы; другой большой аквариум, для групперов и других гигантских окуней находился напротив.

Легкие Брука пылали. Он попытался крикнуть, но вырвался только слабый писк. Пучки труб, казалось, закружились вокруг него. Звук текущей воды усилился до рева. Он покачнулся, попытался схватиться за край ближайшего резервного бака, промахнулся и рухнул в аквариум с акулами.

Вода попала в глаза, в уши... Вода была повсюду. Пожар в легких притух, вместо него по всей груди растеклось ощущение холода. Ноги мягко ударились о дно. Он выпрямился. Что-то не так, он должен был бы всплыть. Тут Брок понял, почему: легкие заполнила вода, и его удельный вес стал больше единицы. Несколько ужасно длинных секунд он думал, что уже утонул. Утопленником

* Амия, или ильная рыба — единственный сохранившийся вид рыб из отряда амиеобразных, «живое ископаемое»; Саргановые — семейство лучеперых рыб, морские и пресноводные рыбы.

Брок себя не чувствовал, только внутри было очень влажно и очень холодно. Как бы то ни было, лучше убраться отсюда побыстрее. Он подпрыгнул, оказался на поверхности, вытянув руку, схватился за мостки, и попробовал выдуть воду из легких. Вода медленно потекла из его рта и ноздрей. Он попытался вдохнуть. Броку уже казалось, что у него получается, когда вновь вернулось ощущение жжения. Он непроизвольно нырнул и вдохнул воду. И тогда он почувствовал себя хорошо.

Ерунда какая-то, все шиворот-навыворот. Потом Брок вспомнил о жидкости, приготовленной для аллигатора – это, должно быть, подействовала она! Его легкие стали функционировать как жабры. Брок все еще не мог поверить. Одно дело – экспериментировать над аллигатором, и совсем другое – превратить себя в рыбу; это уже сюжет для комикса. Но так случилось. Если бы он мог утонуть, он давно бы уже захлебнулся. Брок сделал под водой несколько пробных выдохов-вдохов. Это оказалось удивительно трудной работой. Приложив усилие, можно было надавить на легкие, и они медленно сжимались, как проколотая шина. Через полминуты или около того они оказывались готовы к новому вдоху. Причина заключалась, конечно, в большей плотности воды по сравнению с воздухом. Однако это работало. Брок отпустил мостки и снова опустился на дно. Он огляделся. Аквариум казался меньше, чем на самом деле, несомненно, сказывался эффект преломления света на границе воды. Брок подошел к одной из стенок, которая, казалось, отступала, когда он приближался к ней. Толстая усатая акула, лежащая на дне, взмахнула хвостом и скользнула вперед, убираясь с его пути.

Напротив на дне равнодушно лежали две другие усатые акулы. Эти рыбы были вялыми и совершенно безобидными. Две песчаные акулы, длиной в четыре и пять футов, прекратили бесконечное кружение и уплыли в дальние углы. Их рты медленно открывались и закрывались, демонстрируя грозные зубы. Маленькие желтые глазки словно говорили Броку: «Приятель, не начинай то, чего не сможешь закончить». Брок и не собирался начинать. Он питал здоровое уважение к представителям этого вида, поскольку один из них укусил Брока за *gluteus maximus*^{*}, пока он затаскивал акулу в лодку.

Брок посмотрел вверх. Там было словно бы морщинистое зеркало с большим круглым отверстием прямо над головой. Сквозь это отверстие он мог видеть запасные резервуары, трубы – все, что он смог бы увидеть, высунув голову из воды. Но картина была искарана и ската по краям, как на фотографии, сделанной широкоугольным объективом. С мостков на него смотрела одна из кошек,

* Большая ягодичная мышца (лат.)

обитавших в Аквариуме. За пределами круга со всех сторон пульсировало и колыхалось зеркало. Над двумя песчаными акулами вверх тормашками висели их отражения.

Брок обратил внимание на стеклянную переднюю стенку аквариума. Она тоже все отражала, так как лампы, подвешенные над водой, освещали внутреннюю часть ярче, чем внешнюю. Прижав голову к стеклу, он мог видеть внутренний вестибюль. Но вестибюль толком разглядеть не получилось из-за толпы, собравшейся перед его аквариумом. Они все пялились на Брука; в тусклом свете видны были только белки их глаз. Время от времени их головы двигались и шевелились губы, но до Брука доносилось только слабый гул.

Все это очень интересно, подумал Брок, но *как ему быть?*

Он не мог оставаться в аквариуме вечно. Во-первых, холод в груди был неприятен. И только богу известно, какое ужасное физиологическое воздействие на него мог оказывать газ. И дышать водой – тяжелая работа, осложнявшаяся тем, что, если не уследить, его голосовая щель спазматически зажмется, перекрыв дыхание. Это походило на тренировку умения держать глаза открытыми под водой. На счастье Брука, он упал в аквариум с соленой водой; пресная вода определенно вредна для легочной ткани и смогла бы повредить даже его модифицированные легкие.

Он уселся на дно, скрестив ноги. Позади него более крупная песчаная акула возобновила свое кружение, держась подальше от Брука и настороженно замирая каждый раз, когда он двигался. На ней вяло болтались две прилипалы, прикрепленные к акуле дисками-присосками на макушках их голов. В аквариуме имелось шесть таких оригинальных автостопщиков. Брок взглянул в стекло перед ним. Экспериментируя, он снял очки и обнаружил, что без них видит лучше – следствие различных оптических свойств воды и воздуха. Большинство посетителей Аквариума теперь толпились перед ним, наблюдая, как молодой человек в черном резиновом фартуке, полосатой рубашке и брюках от серого фланелевого костюма сидит на дне аквариума, где полно акул, и сгорали от любопытства – как же он собирается выбраться из такого затруднительного положения.

Наверху никого не наблюдалось. Очевидно, никто не услышал, как он упал. Но вскоре один из служителей должен заметить толпу перед аквариумом и начать выяснять причину. А пока, решил Брок, ему лучше посмотреть, что он может сделать в такой диковинной ситуации. Он попытался заговорить. Но голосовые связки, настроенные на работу в гораздо менее плотной среде, отказались колебаться достаточно быстро, чтобы издавать слышимый звук. Ладно, может быть, у него получится вынырнуть на поверхность на достаточный срок, чтобы поговорить, а потом снова нырнуть

под воду. Брок поднялся наверх и попробовал. Но у него появились проблемы из-за того, что для использования его органы дыхания и речи должны были быть достаточно сухими, а они пропитались водой и не годились для этой цели. Он мог издавать только невнятное бульканье. И хотя воздух при непосредственном контакте больше не обжигал его легкие, у Брука вскоре закружилась голова, находящаяся над поверхностью, и он почувствовал приступ удушья. В конце концов, он сдался и снова опустился на дно.

Он дрожал от холода, хотя температура воды составляла 65° по Фаренгейту*. Чтобы согреться, ему надо двигаться. Броку мешал фартук, и он попытался развязать узел на спине. Но от воды шнуры набухли, и ослабить узел не получилось. В конце концов, Брок, извиваясь, как червяк, выполз из фартука, свернулся и, высунув руку из воды, забросил на мостки. Он решил было снять и ботинки, но вспомнил зубы песчаной акулы.

Потом он немного поплавал по кругу, как песчаные акулы. Они тоже кружили, стараясь держаться подальше от него. Движение согрело Брука, но он удивительно быстро устал. Очевидно, быстрый метаболизм млекопитающего потреблял почти весь кислород, который могли обеспечить его импровизированные жабры, и они не выдерживали больших нагрузок. Он замедлился, имитируя тюленя — ноги вяло болтаются сзади, руки хлопают по бокам. Толпа, когда он проплыл мимо передней стенки аквариума, стала куда гуще, чем раньше. Маленький человечек со свернутым направо носом смотрел на Брука невероятно внимательно.

Через воду донесся жужжащий звук, а на краю круга прозрачности над головой появились гротескно укороченные фигурки. Фигуры быстро выросли, и он узнал Сагдена, Дамвилла, Сэма Барица и еще несколько сотрудников. Все они столпились на мостках, их вззволнованные голоса доносились до него приглушенными, но понятными. Порядок, они увидели, что с ним случилось. Брок попытался с помощью языка жестов объяснить свое затруднительное положение. Очевидно, они решили, что он бьется в конвульсиях, потому что Сагден рявкнул: «Вытаскивайте его!». Бариц сунул в воду толстую руку и попытался схватить запястье Брука. Но тот вырвался прежде, чем его вытянули на поверхность и нырнул на дно.

— Ведет себя так, как будто *не хочет* выходить, — сказал Бариц, потирая ушибленную голень.

Сагден наклонился к воде.

— Ты меня слышишь? — закричал он.

Брок энергично закивал.

— Ты можешь с нами поговорить?

* 18,33° по Цельсию.

Брок покачал головой.

– Ты сделал это с собой нарочно?

Брок отрицательно замотал головой.

– Несчастный случай?

Кивок.

– Хочешь выйти?

Брок попеременно кивал согласно и отрицательно.

Сагден недоуменно нахмурился. Потом сказал:

– Ты пытаешься сказать, что хочешь, но не можешь из-за своего состояния?

Брок кивнул.

Сагден продолжил расспрашивать. Брок, чье нетерпение росло, не желая продолжать общаться таким малопригодным способом, сделал вид, что пишет. Сагден передал ему карандаш и блокнот. Но вода тут же размягчила бумагу, и карандаш, вместо того, чтобы писать, прорывал ней дыры. Брок все вернул обратно.

Сагден сказал:

– Ему нужен восковой планшет и стилус. Сможешь достать, Сэм?

Барец выглядел смущенным.

– Но, босс, где в Нью-Йорк продают такие штуки?

– Действительно... Полагаю, нам самим придется их сделать.

Если мы сможем залить расплавленную свечу на лист фанеры...

– Мне нужен целый день, чтобы добыть свечу со всем прочим, а потом зделать эту штуку, а пока мы должны что-нибудь зделать с бедным Вейноном...

Брок заметил, что на мостке сейчас выстроился весь персонал. Его возлюбленная стояла на дальнем конце линии, почти скрываясь за изгибом мостков. Под таким углом из-за преломления она казалась в ширину такой же, как и в высоту. Он спросил себя, не станет ли она так выглядеть и в нормальных условиях через некоторое время после того, как они поженятся. Брок знал, что такое случается. Нет, подумал он, не *после того*, а *если* они поженятся. Нельзя ожидать, что девушка выйдет замуж за мужчину, живущего под водой.

Пока Сагден и Барец пререкались, у него появилась идея. Но как донести до них эту идею? Тут Брок увидел прилипалу, лежащую под ним. Он плеснул, привлекая внимание людей наверху, и медленно опустился вниз. Ухватив прилипалу обеими руками, он чиркнул мордой рыбы по стеклу. Морда, точнее, выдающаяся вперед нижняя челюсть прилипалы прочертила на стекле заметную полоску. Брок обернулся и увидел, что его поняли – Сагден как раз отправлял кого-то вниз прочитать сообщение.

Энергичные попытки рыбы вырваться мешали Броку писать. Но, в конце концов, он нацарапал на стекле большими кривыми

буквами: «2 УТЯЖЕЛЕННЫХ СТРЕМЯНКИ 1 УТЯЖЕЛЕННАЯ ДОСКА 1 СУХОЕ ПОЛОТЕНЦЕ».

Пока все это искали, желудок напомнил Броку, что уже часов восемнадцать он не получал твердой пищи. Он посмотрел на свои наручные часы, но те, не будучи водонепроницаемыми, остановились. Он отдал часы наверх, надеясь, что у кого-нибудь хватит ума их высушить и отнести часовщику.

В аквариум опустили стремянки. Брок поставил их на расстоянии нескольких футов друг от друга, а между ними положил доску, потом лег на доску, на спину, так, чтобы лицо оставалось на несколько дюймов ниже поверхности, вытер руки полотенцем и согнул ногу. К оказавшемуся на воздухе колену он смог прижать планшетку, чтобы писать на ней.

Брок сжато рассказал об инциденте и последовавшем приступе, и о том, какие химические процессы изменили его легочную ткань. Потом он написал: «Так как это первый эксперимент на живом организме, не знаю, когда эффект пройдет, если пройдет вообще. Хочу есть».

К нему обратился Бариц:

– Ты не хочешь, чтобы мы значала вытащили тебя от акюла?

Брок покачал головой. Желудок настойчиво требовал своего, а у Брука имелись определенные надежды решить эту проблему, не встревожив рыбу. К тому же, раз все здесь знают, что акулы в аквариуме не людоеды, он, не признаваясь в этом даже себе, хотел показать, что не боится их. Даже у такого разумного человека, как Вернон Брок, в присутствии его – реально или потенциально – женщины появляется соблазн бравировать своей мужественностью.

Брок расслабился. Сагден разогнал персонал по рабочим местам. Дамвиллу пришлось уйти, но он обещал вернуться. Потом появился верный Бариц с тем, что, как надеялся Брок, было едой. Есть лежа Броку показалась неудобно, поэтому он скатился с доски и встал на дно. Но теперь он не смог дотянуться рукой до поверхности. Бариц нацепил барабанью отбивную на прут и погрузил в воду. Брок потянулся за ней, но тут же скользящий удар чем-то тяжелым и шершавым сбил его с ног. Отбивная упала – не совсем упала, та акула, что покрупнее, отбила бааранину в угол. Челюсти акулы сработали, и ко дну медленно поплыла кость, лишенная мяса.

Бариц беспомощно переглянулся с Сагденом.

– Нам лучше больше не пробовать мясо – акулы могут чуять запах, и могут стать опасны, если их раздразнять.

– Думаю, нам придется взять сеть и выловить их, – сказал Сагден. – Не думаю, что Брок сможет есть под водой картофельное пюре.

Брок всплыл к поверхности и сумел очистить и съесть банан. Потом, когда Баррик вернулся из похода за бананами, Брок утолил голод, хотя в процессе и выяснил, что требуется некоторая практика, чтобы глотать пищу, не допуская в желудок соленую воду.

Толпа перед аквариумом стала еще больше, если такое возможно. Там по-прежнему стоял и маленький человечек со свернутым носом. Его пристальное наблюдение несколько смущало Брука. Он часто задумывался, что чувствует рыба, выставленная на всеобщее обозрение, и теперь, черт возьми, он это знал.

Если бы он смог выбраться и потратить несколько месяцев на исследования, то, возможно, у него получилось бы найти способнейтрализации газа. Но как ему проводить эксперименты там, где он сейчас находится? Может, их сможет проделать кто-нибудь другой, следуя его указаниям? Сложно и неудобно, но Брок, несмотря на всю свою преданность Аквариуму, не хотел провести остаток жизни в качестве экспоната. Хорошо бы придумать что-то вроде водолазного шлема с водой внутри, если у него получится найти способ насыщения воды кислородом.

Снова появился Баррик и опустил голову к воде.

— Эй, Вейнон! — сказал он. — Сюда спускается Бог!

Брок заинтересовался, хотя и не теологическими аспектами этого заявления. Бог, более известный как Дж. Рузвельт Уитни, был президентом Нью-Йоркского зоологического общества и боссом Миннегерода, директора Аквариума (находящегося в данный момент на Бермудах). Миннегерод был боссом Сагдена. Во владении Бога, главы этой иерархии, среди прочего имелись полтора банка, пятьдесят один процент акций железной дороги и лучшие усы в стиле «морж» Большого Нью-Йорка.

Баррик расплылся в своей ухмылке, пугающей детей.

— Эй, Вейнон, я только что придумал! Мы зможем объявить, что ты единственный рюсалка в неволе!

Брок подавил импульсивное желание загащить своего помощника в аквариум и двинулся к планшетке. Он написал: «Русалка мужского пола называется «русал», а ты — обезьян!»

— Окей, рюсал. Если только газ не исменил больше, чем просто леггие. О, добродень, миста Уитни. Вот он, в этом баке. Мне что-нибудь сделать, миста Уитни?

Знаменитые усы повисли над водой, как ныряющая чайка.

— Как ты, мой дорогой мальчик? С тобой все в порядке? Не думаешь, что нам лучше немедленно убрать акул? Конечно, конечно, они абсолютно безобидны, но ты можешь случайно толкнуть одну, а она в ответ тебя цапнет, ха-ха.

Брок, которому исполнилось тридцать два, скорее был польщен, чем задет обращением «мой мальчик». Он кивнул. Дж. Р. начал под-

ниматься на ноги, не заметив, что одной ногой встал на свернутый фартук Брука, а носком другого ботинка этот фартук зацепил. По ушам Брука ударил громкий звук, его отбросило движение воды, и во внезапно появившемся облаке пузырьков он увидел, как на него опускается массивная задняя часть Дж. Р. Брок подхватил мужчину и толкнул его вверх. Когда блестящая розовая голова пробила поверхность, он услышал страшный вопль: «Глык-бульб-боже, вытащите меня! Акулы! Вытащите, я приказываю!» – Брок толкал, Барриц и Сагден тащили. Капающее божество выбралось на мостки, напоминая Бруку, с его искаженным восприятием увиденного, что-то вроде карикатуры на Капитал в газете «Дейли Уокер». Его живо занимал вопрос, разозлится ли Дж. Р., или будет благодарен за спасение. Если Дж. Р. спросит, чей это фартук, может получиться неловко.

Холод терзал внутренности Брука, а бананы в желудке, похоже, превратились в бильярдные шары. Маленький человечек с носом все еще был там, хотя время близилось к закрытию. Брок забрался на свою доску и написал инструкции: «Медленно поднимайте температуру подаваемой воды. Дайте мне термометр. Я просигналю, когда температура поднимется до нужного уровня, это около 90 по Фаренгейту*. Поместите в аквариум дополнительные воздуховоды, чтобы компенсировать понижение точки насыщения кислородом. Переместите пока акул в резервную емкость; тепло может им навредить, а мне нужен весь кислород.

К девяти вечера все было сделано. Выпроводили заплаканную Энгхольм. Барриц вызвался провести здесь ночь, для Брука оказавшуюся самой ужасной. Он не осмеливался заснуть из-за необходимости постоянных мышечных усилий, нужных для работы его легких. Он пытался придумать выход из этой дурацкой ситуации, но мысли путались все больше и больше. Ему стали мерещиться странные вещи, например, ему казалось, что маленький человек с кривым носом стоял там с недобrouй целью. С какой именно, Брок не мог придумать, но был уверен, что это так. Снова и снова он задавался вопросом, который теперь час. Сначала он попросил Баррица, чтобы тот сообщал ему о времени через определенные промежутки, но к двум часам ночи Сэм заснул, а Брок оказался не настолько жестоким, чтобы его будить.

Боже, неужели ночь никогда не закончится? А если и закончится? Ему станет лучше? Брок сомневался. Он посмотрел на свои руки, на кожу пальцев, опухшую и сморщенную от пропитавшей ее воды. Безумная мысль возникла у него, переходя в одержимость – руки превращаются в плавники. Он отращивает чешую...

* 32,22° по Цельсию.

Светало. Скоро все эти люди вернутся, чтобы мучить его. Да, и среди них будет маленький человек с носом. Маленький человек насадит червяка на крючок, и выловит Брука, и съест его на ужин...

При достаточно странных обстоятельствах человеческий разум часто отрывается от реальности, и начинается бесплодное кружение мыслей, не имеющих отношения к внешнему миру. Возможно, это связано со слабостью структуры разума, или, возможно, это связано с необходимостью отключить разум, чтобы избежать его «перегрева», когда нагрузка слишком велика.

Люди пришли, должно быть, после девяти утра. Люди на мостах наверху что-то говорили, но Брок не мог их понять. Его легкие работали не как надо. Или, скорее, не легкие, жабры. Но это неправильно. Он ведь рыба, правда? Тогда что не так с жабрами? Люди, которые собрались здесь из-за него, наверное, отключили кислород. Нет. Воздуховоды по-прежнему выстреливали потоки крошечных пузырьков в аквариум. Тогда откуда это чувство удушья? Он понял – в воздуховодах не воздух; там чистый азот или гелий или что-то в этом роде. Они пытаются его обмануть. Боже, если бы только он мог дышать! Может, у него рыбный эквивалент астмы. Рыбы иногда поднимаются к поверхности и глотают воздух; ему тоже надо попробовать. Но он не сумел; опыт предыдущего дня наградил его условным рефлексом, не позволяющим высунуть голову, а смятенный разум Брука не смог его перебороть.

Он умирает? Очень жаль, ведь он собирался жениться на мисс Энгхольм и все такое. Но он же все равно не смог бы жениться на ней. Он ведь рыба. Рыба-самка мечет икру, а потом появляется рыба-самец и... Лицо Брука исказилось безумной ухмылкой от гротескной картины, представившейся ему.

Он умирал. Он должен получить кислород. Почему бы не пройти сквозь стекло? Но нет, любая умная рыба знает, что бессмысленно пытаться пробить дыру в стекле. Потом Брок увидел маленького человечка с кривым носом, стоящего, как вчера, и плящающегося на него. Он подумал: ты никогда не поймаешь меня на крючок и не съешь на ужин; ты – ихтиоцид*, но я поймаю тебя раньше. Он вытащил свой складной нож и атаковал стеклянную стену. На стекле появилась длинная царапина, потом еще одна, и еще. Стекло тихо запело. Люди, стоявшие позади маленького человека, нервно подались назад, но маленький человек остался на месте. Звук песни стекла поднимался выше... выше... выше...

Стекло, с последним звонким *пинг!* раскололось и несколько тонн зеленой воды обрушились в вестибюль. На мимолетную секунду Бруку, сжимающему нож в руке, показалось, что он летит

* Ихтиоцид – средство для селективного уничтожения рыбы.

прямо к маленькому человечку. А потом подлетели железные перила ограждения аквариума и ударили его по голове.

У него появилось смутное ощущение, что он лежит на мокром полу, а рядом с его гудящей головой беспомощно бьется прилипала...

Он лежал в постели, а рядом сидел и курил Сагден. Старик сказал:

– Повезло, что не проломил череп. Но, может быть, оно и к лучшему. Ты оставался без сознания весь критический период, когда легкие возвращались в нормальное состояние. В любом случае, учитывая, каким ты был, им пришлось бы накачать тебя успокаивающими.

– Я точно был не в себе! Погодите, пока я увижуся с вашим другом Дамвиллом. Я смогу описать ему совершенно новый психоз.

– Он физиолог, – ответил Сагден, – а не психолог. Но он точно так же хочет увидеться с тобой. Доктор сказал, что завтра тебя выпустят, так что, думаю, ты достаточно здоров, чтобы поговорить о дела. Дж. Р. не сердится из-за купания, несмотря на представление, которое из этого получилось. Но есть кое-что посеребренее. Может быть ты, пока был в аквариуме, заметил маленького мужчину с кривым носом перед стеклом?

– Заметил ли я его!

– Ну, так вот, ты его чуть не утопил, когда выпустил воду из аквариума. И он собирается подать на нас в суд, на пяти-шестизначную сумму. Ты понимаешь, что это значит.

Брок мрачно кивнул.

– Понимаю. Это значит, что я не получу вашу работу, когда вы следующей зимой уйдете на пенсию. И тогда я не смогу жени... Неважно. Кто этот малыш? Профессиональный фальсификатор несчастных случаев?

– Нет, мы провели расследование. До недавнего времени он был воздушным гимнастом в цирке. Он сказал, что становился слишком старым для этой работы, но другой не знал. Потом при падении он повредил спину, и с тех пор на пособии по безработице. Он просто пришел посмотреть на тебя, потому что ему больше нечего делать.

– Понятно. – Брок задумался. – О, у меня появилась идея. Сестра! Эй, сестра! Мою одежду! Я ухожу!

– Нет, не уходишь, – твердо сказал Сагден. – Пока не разрешит доктор. А это случится только завтра, вот тогда и сможешь опровергнуть свою идею. Надеюсь, – мрачно добавил он, – она окажется лучше предыдущей.

Два дня спустя Брок постучал в дверь Сагдена. Он знал, что кроме Сагдена там и Дж. Р., и догадывался, о чем они говорили. Но не боялся.

– Доброе утро, мистер Уитни, – сказал он.

— О... э... Да, мой дорогой мальчик. Мы только что говорили об этом прискорбном...

— Если вы имеете в виду иск, то он отозван.

— *Что?*

— Точно, я все уладил. Мистер Оскар Дейли, истец, и я вступаем в своего рода партнерство.

— Партнерство?

— Да по использованию изобретенного мною преобразования легких. Я обеспечиваю ему техническую возможность выступать в цирке под именем Оскар Русал. Он, надышавшись моим газом, плавает в аквариуме. Наша единственная проблема — период, когда действие газа ослабевает, и легкие возвращаются в нормальное состояние. Ее, я думаю, можно будет обойти, использовав любой из анестетиков, замедляющих обмен веществ. Когда у человека-рыбы начнут появляться странные ощущения, он сделает инъекцию и спокойно потеряет сознание, а помощники вытащат его и удалят воду из легких. Имеются некоторые технические сложности, которые нужно будет отработать на моих аллигаторах, но все это решаемо. Я буду работать в респираторе. Конечно, — с видом праведника добавил он, — любая денежная отдача от использования этого процесса пойдет Зоологическому обществу. Оскар готов в любое время принять вашего адвоката и подписать отказ.

— Это прекрасно, — сказал Уитни, — это великолепно, мой мальчик. Это совсем другое дело.

Он многозначительно посмотрел на Сагдена.

— Спасибо, — сказал Брок. — А теперь, если позволите, нам с Сэром надо пересадить рыб. До свидания, будьте здоровы! Надеюсь, вы будете заходить, мистер Уитни.

Он вышел, посвистывая.

— Погоди, Вернон! — окликнул его главный аквариумист. — Завтра воскресенье, и я собираюсь с семьей на Джонс-Бич*. Не хочешь с нами поплавать?

Брок с усмешкой обернулся.

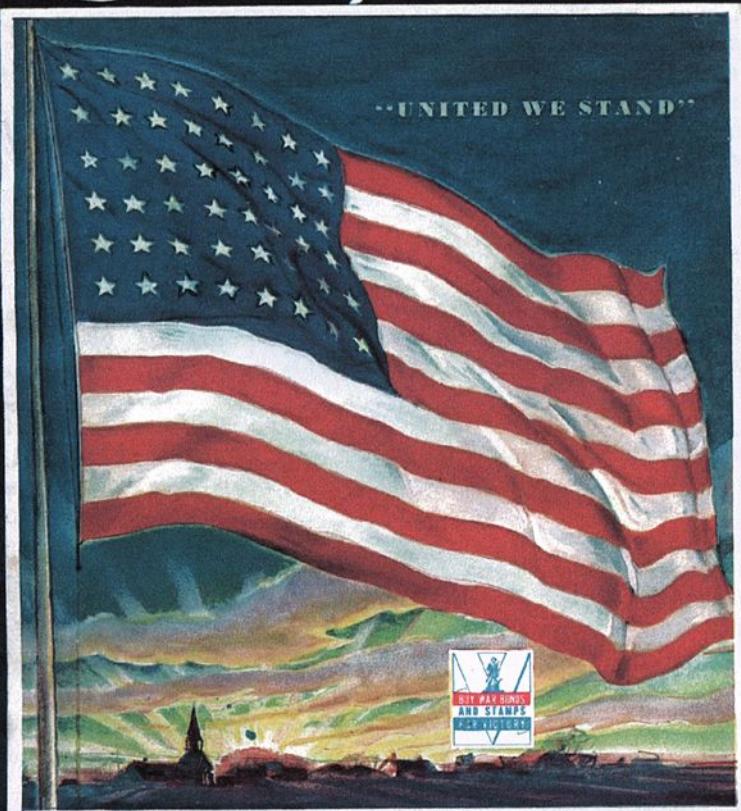
— Большое спасибо, Клайд, но, боюсь, что по неосторожности могу глубоко вздохнуть под водой. Честно говоря, от одной только мысли меня охватывает ужас. Я так наплавался, что мне этого хватит на всю оставшуюся жизнь!

*The Merman (Astounding Science-Fiction, December 1938), пер.
Борис Толстиков.*

* Джонс-Бич — парк на одноименном острове недалеко от Нью-Йорка, крупнейший в мире общественный парк для отдыха.

ASTOUNDING

Science-fiction 25¢

A STREET & SMITH PUBLICATION • JULY • 1942

КОНТРАБАНДНАЯ КОРОВА

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ зигзагом пересекла вяло текущий в низовье Нуэсес*, и Гомер Осборн выпрыгнул из гребной лодки с фалинем** в руке. Так как большая часть груза лодки оказалась сконцентрирована на задней скамье сидящим там Чарльзом Кенни, нос высоко задрался и Осборн без особых затруднений вытащил лодку на песок.

Потом он взялся за нос лодки и нажал, выравнивая суденышко. Кенни, по-слоновьи фыркая, медленно двинулся к носу, приседая, хватаясь за борта обеими руками и осторожно переступая через рыболовные снасти. – Эй, – сказал Осборн, – не забудьте про жвачку!

– Не так громко!

Кенни остановился, отступил на шаг, залез под среднее сиденье и поднял упаковку, похожую на кирпич, только немного побольше. К пакету крепким шнуром был привязан и настоящий кирпич. Когда Кенни поднял пакет, кирпич повис, вращаясь на конце шнуря.

– Если вы его отвязите, – предложил Осборн, – мы сможем выбросить грузило...

– Нет, – сказал Кенни. – Гомер, ты не знаешь, как поступает настоящий рыбак. Надо держать грузило прикрепленным, пока не будешь готов жарить жвачку. Потом, если появится феедал***, ты выбрасываешь улики, плюхаешь их в реку. Тебе не проглотить полкило жвачки за секунду.

– Окей, босс, – сказал Осборн и привязал фалинь к ближайшему пекановому дереву.

Кенни потянулся.

– Теперь, если получится найти сухое место...

– Не думаю, что в этой части Техаса есть такое, – с некоторым раздражением сказал Осборн.

– ...у нас будет достаточно времени, чтобы добраться до Динеры прежде чем стемнеет.

– Без рыбы для девочек.

* Нуэсес (исп. Nueces, Ореховая река) – река в Северной Америке, самая южная крупная река в Техасе, находится к северу от Рио-Гранде.

** Фалинь – веревка, прикрепленная к носу шлюпки для привязывания шлюпки к пристани.

*** Феедал – в оригинале Fodals , от food (пища)+federal (федеральный служащий), т.е. что-то вроде «федерал по контролю над пищей».

THE CONTRABAND COW

By L. Sprague de Camp

● Author de Camp suggests that there might be peculiar political sidelights and unexpected sorts of bootlegging under a Union Now scheme—

Illustrated by Kolliker

— Ох, Гомер, — прохрипел Кенни, — ты не понимаешь. Настоящему рыбаку все равно, поймает он что-нибудь или нет. Думаю, это место подойдет.

— Если вы считаете, что здесь сухо, — сказал Осборн, щупая рукой песчаную почву, — то я...

— Заткни свой рот, янки, и помоги собрать дрова. Посматривай, чтобы не наступить на змею. Раньше в этой части реки водились и аллигаторы, но, думаю, охотники за шкурами перебили их всех.

Минут десять Осборн сбирал сырье обломки. Вернувшись, он обнаружил Кенни, каким-то чудом ухитрившегося развести костер из кучи столь же бесперспективного топлива.

Когда костер разгорелся, массивный руководитель департамента открыл банку с фасолью и подвесил ее над пламенем. Потом он сел, откупорил бутылку виски, глотнул, передал бутылку Осборну и откинулся, глядя в глубокое синее небо.

– Подумать только, – сказал он, – что такой молодой шустрик, как ты, способен отказаться от такого, чтобы вернуться в Бруклин!

– В Бруклине змей нет.

Кенни вздохнул.

– Когда ты научился говорить «птица» вместо «птитса», я подумал, что сделал из тебя настоящего техасца. Может, еще и сделаю.

– Вряд ли. Серьезно, босс, вы еще найдете себе кучу биохимиков, а для нас с Глэдис это так много значит...

– Но в этой куче не будет биохимика, способного сделать эпохальное открытие. Продолжай работать над эпохальным открытием, лаборатории Сан-Антонио* продолжат получать ассигнования, а когда твой контракт закончится, я предложу новый, от которого ты не сможешь отказаться... Что это там? – Кенни помолчал с полминуты, потом продолжил. – Показалось, наверное. Если только за тобой не проследили.

– Не представляю, зачем. Хотя вы же знаете Педро, который заправляет стейкарней на Апачи-стрит? Так вот, он спросил меня...

– Педро на днях посадили, – прервал Кенни.

– Да вы что? Только не говорите!

– Вот именно. Чертов дурак настоял на подаче ростбифа. Приготовление занимает много времени, остается много улик, так что феедалы взяли Педро с поличным. О чём он тебя спрашивал?

– Среди легеров** пошли слухи, что этот мой синтетический белок подорвет их бизнес. Я объяснил, что могу сделать стейк, это верно, но по вкусу он будет не похож на стейк и будет стоить вдвадцать раз дороже, чем ломоть первоклассной мексиканской жвачки, доставленный в Сан-Антонио надежным стейклегером. Похоже, я его не убедил.

– Так что теперь ты думаешь, что легеры не оставят тебя в покое, – сказал Кенни. – Ну, может, акт об отмене пройдет, когда будет рассматриваться в понедельник в Дели. «Непримирамые» изрядно над этим поработали; я и сам всю неделю ночей не спал, убалтывая людей писать письма и посыпать телеграммы.

* Сан-Антонио – город в Техасе.

** Легер (англ. legger, «ходок») – контрабандист, торговец запрещенным товаром. Стейклегер, соответственно, занимается контрабандой и/или торговлей запрещенными стейками.

— Вряд ли получится, босс, — вздохнул Осборн. — Индузы между собой могут расходиться по всем остальным вопросам, но только не в вопросе о поедании жвачки.

— Слышал, что на прошлой неделе в Далласе линчевали феедала, — сказал Кенни, вороша костер. — В принципе, хорошая идея, но, боюсь, в понедельник это не добавит голосов «Непримиримым».

— Вы фанатик, — тихо сказал Осборн. — Ладно, я голосую за «Непримиримых», но я могу потреблять жвачку, а могу и отказаться от нее. Что меня действительно гнетет, так это то, что мои исследования впутываются в вопросе о запрете.

— Тебя не волнует, что твои синтетические стейки могут прекратить коррупцию и нарушения закона? Ты стал бы знаменитым.

— Не-а. Хочу известности только в научной периодике. И хочу вернуться в Бруклин.

Кенни засмеялся и поднялся на ноги.

— Похоже, что угли для жвачки готовы. Начинай, а я принесу еще дров. И в любой момент, как только ты придумаешь, как отменить антивакциидный закон*, ты сможешь составить собственный контракт, или я пришлю тебе новый в Бруклин, Белфаст, или в любое другое место по твоему выбору.

Кенни вломился в кусты, бормоча о беззаконии в политической системе Современного Союза, которая, основываясь на прямом подсчете голосов, дала обожествляющим коров сынам Индии подавляющее большинство в Ассамблее Федерации Демократических Либертиарийских государств.

Гомер Осборн суетливо принял разворачивать пакет. Шуршение плотной желтой бумаги показалось невероятно громким. Его рот наполнился слюной при виде стейков, за которые он отдал Агарду, своему стейклегеру, толстую пачку денег, своих и Чарльза Кенни.

Потом он вытащил куски тяжелой стальной проволоки из своего баражника. Если их собрать, получалась шаткая, но годная решетка.

Звук шагов Кенни пропал вдали. Нет, подумал Осборн, на самом деле я никогда не научусь любить Техас. Ранней весной побережье Мексиканского залива было довольно уютным местом. Но через пару месяцев Сан-Антонио за пределами лабораторий превратится в адскую духовку...

* Т.е. закон, запрещающий убийство коров: *vacc* на латыни означает «корова».

Он прихлопнул москита и установил решетку над углями. Пламя лизнуло жир на одном из стейков, и жемчужная капля упала в угли, породив краткую желтую вспышку.

Когда стихло шипение этой капли жира, что-то появилось из темноты и обернулось, как ласковая анаconda, вокруг запястья Гомера Осборна, а что-то еще спокойно убрало решетку, стейки и все остальное.

— Вы, — раздался голос, — арестованы за нарушение антивакцидного закона. Раздел 9, статья 486 Уголовного кодекса Федерации...

— А? — глупо сказал Осборн.

Все было проделано так быстро и грамотно, что он не успел ничего понять.

— ...гласящего, — продолжал голос, — Параграф первый: Настоящим запрещается поедание крупного рогатого скота, под каковым термином понимаются все жвачные животные из подсемейства *Bovinae* семейства *Bovidae*^{*}, в которое входят коровы, буйволы, бизоны, зебу, гаялы, бантенги, яки и близкородственные им виды; также запрещается поедание любых их частей или членов; также запрещается и поедание любых рагу, соусов, супов или прочих кушаний, приготовленных из них!

— Но я же не ел...

В сумерках Осборн теперь смог разглядеть тюрбан и бороду возывающегося над ним сикха из пограничного патруля.

— Пар-р-раграф второй: Убийство для каких бы то ни было целей, а также нападение, сексуальное насилие, захват, лишение свободы, продажа, покупка, владение, перевозка, ввоз в Федерацию Демократических Либертарианских государств или вывоз из нее или любой территории, находящейся под ее юрисдикцией...

— Ладно, ладно! — закричал Осборн, когда патрульный аккуратно сложил улики и свободной рукой защелкнул наручники на запястье преступника. — Я знаю ваш проклятый закон, и считаю, что это мерзкое нарушение моих личных свобод...

— Простите, сэр, — успокаивающе сказал индиец. — Я просто выполняю свой долг. А теперь идемте, до моей машины около мили.

Осборн застонал, мысленно отправляя мистера Кларенса Стрейта^{**} в самый изощренный и садистский ад, который только

* *Bovinae* (лат. «Бычьи») – подсемейство полорогих парнокопытных млекопитающих; *Bovidae* (лат. «Полорогие») – крупное семейство жвачных парнокопытных.

** Кларенс Стрейт (англ. Clarence Streit; 1896-1986) – американский журналист, призывающий к политической интеграции стран английского языка.

мог вообразить. Он подумал было позвать Кенни, но решил, что лучше не вовлекать в это дело своего босса; Чарли сможет сделать для него больше, находясь по ту сторону решетки.

Болезненней всего было воспоминание о том, как он перед отъездом небрежно отмахнулся от предостережений жены. Глэдис еще и внукам об этом будет рассказывать, если только они до них доживут.

Он позволил сикху конвоировать его вверх по слабо выраженному склону реки Нуэсес. Лучше, подумал он, хорошенько пошуметь, предупреждая Кенни, чтобы руководитель департамента не наткнулся на них.

– Кто ты такой, черт возьми, – воскликнул он, – решивший проехаться полмира и заявиться сюда, чтобы вмешиваться в наши дела?

– Я Гуджа Сингх, сэр, патрульный номер 3214. Что касается вмешивания, то, вы, несомненно, знаете, что правительство Федерации было вынуждено прислать нас сюда из Индии для обеспечения соблюдения антивакцицидного закона, потому что никому из ваших американских чиновников нельзя было этого доверить.

– Да, но какое, черт возьми, вам вообще до этого дела? Я никому не причиняю вреда...

– Увы, причиняете, – прервал мягкий, с легким акцентом, голос.

– Святотатственный вакцицид вредит всем душам в Индии.

– Положим, но разве ты не сикх? Я думал, что сикхи не слишком серьезно относятся к почитанию коров.

– Мы, удасины*, относимся к этому серьезно, сэр. Тут ветка, пригнитесь, пожалуйста. Прошу, сэр, не думайте обо мне слишком плохо потому, что я выполняю свой долг. Думаете, нам нравится патрулировать во враждебной стране, где мы осмеливаемся ходить по вашим городам только парами?

– Ну и зачем оно тебе надо?

– Вы имеете в виду меня лично, сэр? Я пошел на службу в основном потому, что мой отец, хотя он мог бы обеспечить мне место в Дели, не захотел этого делать, чтобы его не обвинили в пособничестве родственнику.

– Кто твой отец?

– Арджан Сингх, сэр. Вы слышали о нем?

– Конечно. Политик, – Осборн вложил в это слово все свое презрение.

Гуджа Сингх тяжело вздохнул.

* Удасины (санскр. *udas*, «обособленность») – близкое индуизму течение в сикхизме.

— Боюсь, мы никогда не поймем таинственный Запад. Вы всегда всем недовольны...

Дальше они шли молча. Осборн немного остыл, и радовался, что его пленитель, несмотря на грозную внешность, не был реально крутым. Однако Гомер Осборн знал, что лучше не пытаться сбежать — он уже встречал таких вроде бы безобидных копов-феедалов.

Они добрались до дороги, и Осборн увидел патрульную машину в форме пули, припаркованную у обочины в сотне футов от них. На полпути к ней Гуджа Сингх остановился и молча запрокинул голову, словно принюхиваясь. Осборн напряг слух и ему послышалось, что за деревьями шепчутся, возбужденно, но неразборчиво.

— Взять их! — прозвучал выкрик.

Феедал отпустил Осборна, выхватил пистолет и выстрелил. Осборн уже бежал, когда за его спиной грохот выстрела сменился звоном стекла. Что-то слабо ударило об него и разбилось, а когда Осборн сделал следующий шаг, то почувствовал запах герани.

Осборн понял, что это значит, и попытался задержать дыхание...

Но не успел. Его мышцы сразу же судорожно задергались, словно у него началась пляска святого Вита, песок из-под ног прыгнул в лицо и с глухим стуком Осборн упал.

Судороги — скорее изнурительные, чем болезненные — прекратились, и он, опервшись на руки, попытался подняться, однако ноги подкосились. Пара мужчин подхватили его и не слишком бережно поволокли.

Осборн хотел заговорить, но не смог толком контролировать свой язык:

— Шшто ффы деллате?

Ответа не последовало. Где-то в темноте тяжело дышала друга группа носильщиков — им пришлось тащить сикха-патрульного, рост которого был шесть футов с лишним. Хлопнула дверца, и Осборн заметил автомобиль, но это была не патрульная машина Гуджи. У кого-то нашелся фонарик. Осборн смутно разглядел грузовик, похожий на довольно большой фургон для перевозки товаров.

— Не возитесь с ним, на нем уже есть наручники.

После этого совета висевшую плетью руку Осборна подняли и надели на запястье пустое звено наручников. Затем его затолкали в кузов грузовика и дверь захлопнулась.

Прямо в глаза ударил свет.

— Садитесь, оба.

Под ногами Осборна валялись клочья соломы, явственно чувствовался запах коровы. Осборн понял, что он в фургоне для перевозки скота. Он сел, рядом с ним Гуджа Сингх. Они сидели на

скамейке, встроенной с внутренней стороны двери в задней части кузова. В передней части был чертов прожектор, а когда глаза привыкли к режущему свету, Осборн разглядел пару мощных темнокожих людей с пистолетами-пулеметами.

Фургон дрогнул и двинулся; снаружи не доносилось ни звука. Звукоизоляция, способная заглушить мычание контрабандного быка, заглушала и шум внешнего мира.

– Кем, черт возьми, вы себя возомнили и что, черт возьми, вы творите... – начал Осборн, но вскоре сдался, не дождавшись от людей с оружием никакого ответа.

Он забился в угол, чтобы его не сбросил на пол рывок грузовика.

Значит, опасался он не напрасно! Следующий вопрос: чья это банды? Это не кто-то из местных стейклегеров, которые в основном или действовали сами по себе или в составе небольших групп, были на дружеской ноге с местными техасскими полицейскими и, следовательно, нарушали законы в пределах разумного. Бандиты? Их методы явно на это указывали, но таких беспредельщиков вряд ли заинтересовало бы нечто столь заумное, как эксперименты с синтетическими белками, проводимые филиалом Федеральных исследовательских лабораторий в Сан-Антонио.

Остались крупные мексиканские жвачкубароны, теневые, но зловещие фигуры; современный эквивалент старых генералов от политики, которые управляли страной до наступления в середине века великого периода процветания и мира в Мексике. Некоторые из знакомых ученых-мексиканцев Осборна с горечью восприняли закон о вакцициде еще и за то, что он поднял грабителей-баронов из их феодальных могил.

Грузовик бесшумно подскакивал и раскачивался, преодолевая невидимые мили. Гомер Осборн раздумывал о своем личном, в его голове крутилось множество мыслей и, наконец, он заснул на плече Гуджи Сингха.

Грузовик замедлился, хотя из темноты фургона было непонятно, куда он движется – вверх, вниз, или вообще в сторону. Потом он полностью остановился.

– Встать, – приказал один из охранников.

Они подчинились, и дверь распахнулась. Прожектор автоматически выключился, его свет сменился более ярким, но и более рассеянным светом раннего утра в пустыне.

Осборн сузил список подозреваемых в его похищении до Большой Тройки: Ксиминез, Дуаллер, Стюарт.

Бесконечная, засушливая, слабо волнистая равнина; пятна белого камня в коричневой пыли; отдельные кусты шалфея, изредка

мексиковые деревья и кактусы с ярко-красными или желтыми цветами; что-то вроде невысоких гор на западе, над которыми уже дрожал от жары воздух: все это означало Гармодио Дуаллера. Гомер Осборн хотя никогда раньше и не бывал в Больсон-де-Мапими*, понял, куда их привезли.

— Прыгайте вниз.

Осборн зло глянул на охранника и спрыгнул.

Он удержался на ногах, а потом его, вместе с Гуджей Сингхом, откносили в маленький поселок с глинобитными домиками и амбарами. Он увидел там огромное количество припаркованных фургонов, на потрепанных кузовах которых красовались фальшивые логотипы: «Ft. Worth Express Co.», «Lone Star Cleaners & Dyers», «Jerrelian, the House of Rugs». Прокакал ковбой-индеец с розовой лентой в черных волосах.

Остальные совсем не походили ранчero — темные костюмы, шляпы-панамы и ни борозды на участке. Осборна и сикха втолкнули через ворота в стене, за которой еще на сотню ярдов тянулись глинобитные постройки. Вышел здоровяк в рубашке, заговоривший с ними по-испански. Осборн догадался, что это Гармодио Дуаллер — с лицом болезненно-желтого цвета, мощный, не жирный, но с большой жировой складкой на шее.

Дуаллер остро посмотрел на Гуджу Сингха и спросил командира похитителей, что за извращение он придумал, если притащил вот этого. Командир перестал стряхивать пыль со своих ботинокносовым платком, заметно съежился и пробормотал, что Осборн ни на минуту не оставался один, и что этого нужно было либо брать с собой, либо отпустить, и что он хотел сделать как лучше...

— Я не чертов извращенец! — рявкнул Гармодио Дуаллер. — Неважели у тебя мозгов не больше, чем у *burro***? Но я займусь тобой позже. Отведи их.

Не снимая шляпы Дуаллер сел за стол, достал пачку жевательной резинки и предложил заключенным. Отказываться те посчитали неправильным по политическим соображениям. Когда все трое принялись жевать, Дуаллер сказал по-английски:

— Мне жаль, что произошла некоторая путаница...

— Ты что, — прервал Осборн, — думаешь, тебе это сойдет с рук? Я гражданин Федерации...

Дуаллер негромко засмеялся.

* Больсон-де-Мапими (исп. Bolson de Mapimi) — местность в мексиканском штате Коауила, окаймленная крутыми известковыми горами.

** Осел (исп.)

— Остыньте, друг мой. Ближайший город — Куатро-Съенегас, а до него пятьдесят миль по пустыне, а то, что в штате Коауила скажет Гармодио Дуаллер, то и будет.

— Ладно, чего ты от нас хочешь?

— Что касается вас, тут все просто. Мне нужны все образцы псевдожвачки, которые вы сделали, и все заметки и записи. Все, что с этим связано. Понятно?

— Ха, — сказал Осборн. — Я так и думал.

— Что до этого, — сказал Дуаллер, глядя на сикха, — его схватили по глупости. Я не могу пристрелить тебя, друг мой, потому что твой патруль придет тебя искать; и я не могу держать тебя в пленах до самой твоей смерти от старости, и я не могу тебя отпустить. Так что же я могу с тобой сделать?

Гуджа Сингх гордо сказал:

— Ты можешь вернуть мне мою утраченную честь.

— И, черт возьми, как же мне это сделать?

— Ты можешь драться со мной, как мужчина. Пистолеты, ножи — все, что угодно по твоему выбору.

Дуаллер вздохнул.

— Мистер Осборн, и что мне делать с таким дураком? Он считает, что я *caballero* из старых времен, дерущийся на дуэлях, как в кино. Я бизнесмен. Ваша страна попала в ад с тех пор, как вы впустили туда этих азиатов, хотя мне не стоит жаловаться, потому что это хорошо для моего бизнеса. Эрнан, убери этого.

— Теперь, мистер Осборн, — продолжал жвачкобарон, — Я расскажу вам, что стану делать. Завтра я организую телесвязь по защищенному каналу. У вас есть секретарь?

— Есть помощник.

— Хорошо. Вы прикажете этому помощнику упаковать все материалы по псевдожвачке и отправить их по указанному адресу в Ларедо*, где их заберет мой человек. Вы должны максимально доходчиво объяснить, что если он что-нибудь упустит, а потом это поможет кому-нибудь другому сделать то же самое, вам... э... придется об этом пожалеть.

— В смысле?

— Не вынуждайте меня говорить о неприятных вещах, мистер Осборн, — со смущенным видом сказал Дуаллер. — Ненавижу, когда моих гостей случайно убивают, особенно таких молодых и многообещающих.

* Ларедо (англ. и исп. Laredo) — город в штате Техас в США на границе с Мексикой.

— Вы заблуждаетесь, сеньор Дуаллер. Мой синтетический белок не может конкурировать с настоящим...

Дуаллер выслушал его, потом сказал:

— Ну да, именно так я бы и говорил, окажись на вашем месте. Даже если вы говорите правду — во что я не верю, — я знаю, что в наш поразительный Век Науки вы быстро сможете улучшить свой продукт.

— Но послушайте, черт возьми, я докажу...

— Бесполезно, мистер Осборн. Хесус-Мария, уведи и этого.

Осборна доставили в комнату, похожую на камеру: простая, но удобная мебель; маленькое, высоко расположенное и зарешеченное окно; отсутствие украшений и орнаментов, которыми смог бы воспользоваться заключенный, намеревающийся сбежать. Даже после того, как Осборн разделся до шорт, ему было очень жарко. Он не мог понять, почему такой богатый человек, как Гармодио Дуаллер, не обеспечил кондиционерами свое ранчо, но потом вспомнил, что Больсон-де-Мапими — маловодное место.

Пачка сигарет оказалась единственной уступкой, сделанной Дуаллером; она же стала и единственным средством от скуки. Когда Осборн проголодался, он постучал в тяжелую дубовую дверь и покричал. Бестолку.

К закату Осборн уже пребывал в полной уверенности, что никогда в жизни не испытывал такой ужасной скуки. Если пребывание в тюрьме означает нечто подобное... Он решил никогда не совершать ничего, из-за чего смог бы попасть в такое положение.

Перед тем как окончательно стемнело, его повел на ужин один из бандитов, обращавшийся с Осборном подчеркнуто вежливо. Там оказался и выглядевший голодным Гуджа Сингх.

Когда сикх сел, он взглянул на свою тарелку, и стал подниматься.

— Дуаллер, я не могу есть жвачное! Мне запрещает вера, к тому же я офицер...

— Все в порядке, — широко улыбнулся Дуаллер. — Образец синтетической говядины мистера Осборна, специально доставленный из его лаборатории.

Осборн посмотрел на тарелку Гуджи и сразу понял, что никогда не получал такой реалистичной имитации стейка. Гуджа, после некоторой душевной борьбы, попробовал стейк.

Он немного пожевал, потом сказал тоном эксперта:

— Неплохо. Если это подделка, то неудивительно, что американцы идут на нарушение закона ради оригинала...

Осборн откусил кусочек, убедился, что не ошибается, и сказал:

— Гуджа; это и есть оригинал. Тебя одурачили.

– Что?! Да как вы...

Сикх, изрыгая нечленораздельный рев, вскочил на ноги, опрокинув обитый кожей стул. Он успел швырнуть одного из мексиканцев через стол, прежде чем на него навалились остальные.

Драка не затянулась – патрульный внезапно сник и позволил противникам схватить его за руки. Его смуглое лицо стало бледным и мрачным, словно из-под сикха выбили последнюю духовную опору.

– Я уничтожен, – сказал он.

– Да ладно, мистер Сингх, – сказал Дуаллер. – Все не так уж плохо. Я просто должен был убедиться, что ты не создаешь проблем, когда я тебя отпущу.

В эту минуту появился улыбающийся подручный, державший в руках кинокамеру и диктофон.

– Видишь ли, Хесус-Мария сделал хорошую запись этой сцены, трехмерную и цветную. Она отправится в мой сейф. Когда вернешься к своим командирам, скажешь им, что напился...

– Я не пью, – простонал Гуджа Сингх.

– Ну, тогда скажешь, что обкурился марихуаной. Так или иначе, если скажешь, что ничего не знаешь о мистере Осборне, то и никто не узнает о том, что ты ел жвачку.

– Я уничтожен, – повторял сикх, пока его не увели обратно в камеру.

– ШИШ! ОСБОРН!

Гомер, готовившийся ко сну, оглянулся в поисках источника шепота, звучавшего так, как будто до него было не меньше мили. Заглянув в шкаф и под кровать, он понял, что шепот слышен через окошко. Осборн встал на стул и отодвинул москитную сетку.

– Гуджа?

– Да. Высовывай руку и лови.

Заинтересовавшийся Осборн так и сделал. Что-то пролетело мимо его окна; после нескольких попыток Осборн поймал предмет. Им оказался маленький автоматический пистолет, привязанный на конце длинной ленты. Гуджа Сингх, державший другой конец ленты, закинул ее из соседнего окна.

– Где ты это взял? – спросил Осборн.

– Они не додумались обыскать мой тюрбан, – Осборн понял, что лента получилась из размотанного головного убора патрульного. – Возьми пистолет, он тебе понадобится. Я слышал, как люди Дуаллера говорили о том, что убьют тебя, как только получат твои научные штучки; они не знали, что я понимаю испанский.

– А как же ты?

— Это не имеет значения. Прощай, — и лента-тюбан со слабым шипением втянулась обратно через решетку окна Гуджи.

Осборн решил, что ему лучше оставаться в брюках, где имеется карман, в котором можно прятать пистолет. Он натягивал штаны, когда снаружи раздавались взорванные крики и звуки беготни. Осборн не мог разобрать слова, но вскоре суматоха стихла, причина ее осталась непонятной.

На следующее утро Гуджа Сингх, выгляделший еще более изможденным и отчаявшимся, появился без своего тюбана.

— Пытался повеситься на своем шарфе, — объяснил Гармодио Дуаллер. — Чтобы утихомирить, пришлось вкатить ему дозу, — жвачкобарон покачал головой. — Я считал, что знаю, как обращаться с людьми, но с такими неразумными, как этот... Ц-ц... Я рад, что вы разумный человек, мистер Осборн. Сейчас идем в коммуникационную комнату, все готово.

В комнате, о которой говорил Дуаллер, у одной из стен находилась телевизионная кабина. Хвастовство или любовь к техническим новинкам, подумал Осборн; в Соединенных Штатах немногие частные владельцы телефонов решались увеличить расходы в четыре раза за сомнительную привилегию видеть лица людей, с которыми они договаривались о встрече или спорили из-за размера счета.

Но здесь эта хитромудрая штуковина имелась, а Осборн знал, что такая есть и в офисе Чарли Кенни. Они действительно приходились при сделках, где возникал вопрос о личности одного из собеседников. Это, возможно, объясняло появление такого устройства у Дуаллера, раз уж он занимался бизнесом, считавшимся нелегальным, если не по законам Соединенных Штатов Мексики, то уж точно по законам Федерации.

Дуаллер подробно объяснил, что Осборн должен сказать своему ассистенту, и они уселись рядышком на скамейке перед иконоскопом. Вездесущий Хесус-Мария привалился к стене напротив с пистолетом наготове.

Звонок был принят, и на экране сфокусировалось круглое лицо Кенни.

— Гомер! — воскликнул Кенни. — Где ты, во имя Господа?

Дуаллер пробормотал:

— Скажи ему...

Жвачкобарон смолк, когда заметил, что твердый предмет, внезапно ткнувший его под ребра — это маленький пистолет, который Осборн получил от сикха.

— Минуточку, босс, — сказал Осборн.

Он очень быстро глянул в сторону ничего не подозревающего Хесуса-Марии и сказал Дуаллеру:

— Прикажи, чтобы он вышел и остался снаружи, и пусть пошлет кого-нибудь за Гуджей Сингхом.

Дуаллер ухмыльнулся.

— Может, мне еще и поискать...

Осборн сильнее ткнул его стволом, и мексиканец, не договорив, отдал необходимый приказ.

Мышцы Гомера Осборна подрагивали от напряжения, он чувствовал, что и Дуаллер тоже концентрируется; малейшая слабина с его стороны, и либо придется застрелить Дуаллера, либо тот нападет на него, призывая на помощь.

— Босс, — обратился он к человеку на экране, — слушайте, это важно. Во-первых, вы можете организовать переключение этого звонка на дом индусского политика по имени Арджан Сингх? Он в Дели.

Челюсти Кенни вздрогнули, и его голос поднялся чуть не до визга.

— Ты спятил? Гомер? Подумай о расходах, к тому же в Индии сейчас середина ночи...

— Я знаю. Так сможете?

— Я... Наверное, смогу, если это вопрос жизни и смерти.

— Так оно и есть, — Осборн на мгновение поднял правую руку, чтобы пистолет оказался перед иконоскопом. — В любую минуту мы с сеньором Дуаллером можем начать пытаться убивать друг друга.

У Кенни глаза вылезли на лоб, но он тут же вызвал оператора на коммутаторе и объяснил ей, что надо сделать. Пока они ожидались соединения, Осборн рассказал Кенни, что случилось. Закончив, он сказал:

— Теперь, босс, когда вы знаете, где я и все остальное, сеньору Дуаллеру, надеюсь, понятно, что ему не устранить меня так, как он планировал.

— Он собирался убить одного из *моих* исследователей? — взорвался Кенни. — Ты, жирный желтый туписа, ты...

Фонтан красноречия руководителя департамента еще не иссяк, когда вошел Гуджа Сингх, и почти сразу же после этого коммутаторша сообщила Кенни, что соединение с Дели установлено.

Дуаллер все еще молча улыбался, мрачно и угрожающе. Экран подмигнул, и вместо Кенни там появился лысый смуглый мужчина с крючковатым носом, находящийся в тусклой освещенной кабинке.

— Кто швонит мне из Техаша в такое время? — с зевком сказал он.

Осборн, все еще контролирующий Дуаллера, спросил:

– Гуджа, это твой папаша?

– Гуджа! – воскликнул внезапно проснувшийся мужчина, и разразился целой серией вопросов на хинди.

– Полегче, мистер, – сказал Осборн. – Гуджа, сколько голосов твой отец контролирует в Ассамблее?

– Три.

– Дай-ка прикинуть... Тридцать семь минус три получается тридцать четыре, годится. Хорошо. Дуаллер, сдвинься сюда. Гуджа, зайди место Дуаллера.

Осборн соскользнул с конца скамейки, убирая себя и свой пистолет из поля зрения иконоскопа. Понизив голос, он приказал Дуаллеру:

– Скажи мистеру Арджану Сингху, что прикончишь его сына, если завтра эти голоса не будут поданы за отмену. Понял?

Дуаллер так и сделал. Арджан Сингх выпутил глаза и голосом умирающего стал расспрашивать Гуджу. После диалога на хинди Арджан Сингх с мужеством отчаяния заявил:

– Если есть на то воля Божья, чтобы мой сын умер, то он умрет. Он не предаст честь семьи.

– Тогда скажи ему, – сказал Осборн, – что когда Гуджа попал сюда, ты напоил его так, что он съел стейк, и что это засняли, и что вы его всем покажете, если голоса не изменятся. Что тогда станет с честью семьи?

Эта угроза наконец-то сломала и отца и сына.

– Я сделаю это, – сказал Арджан Сингх, – но откуда мне знать, что ты выполнишь свою часть сделки?

– Почему бы и нет? – улыбнулся Дуаллер. – Для меня ничего не значит, если он съест целого бычка за один присест. Но ради чего этот странный шан...

Осборн протянул руку, нажал выключатель и экран погас, прежде чем Дуаллер договорил «..таж».

Гармодио Дуаллер озадаченно повернулся к Осборну. Он тихо сказал:

– Я не понимаю, друг мой. Ради чего другого – понял бы, но ради какой-то там отмены... если только это не отмена антивакцидного закона! Вот оно что!..

– Да, – сказал Осборн. – Теперь...

– Получается, – прервал его Дуаллер, – мы, *rancheros*, потеряем наши преимущества, да? Ублюдки в Мехико перестанут нас бояться, и отберут наши ранчо, чтобы поделить их между пеонами,

как это делали при Карденасе*? Жвачкобизнес Мексики снова будет уничтожен? Прекрасно, ты уничтожил меня, мистер Осборн, но и тебе не жить!..

И Дуаллер бросился на Гомера.

Несмотря на свои размеры, он двигался со скоростью гремучей змеи – одной рукой он ухватил правое запястье Осборна и резко вывернул, прежде чем Осборн успел выстрелить. Другой рукой он зажал шею Осборна.

– Гуджа! Лови! – закричал Осборн, корчась в медвежьих объятиях Дуаллера.

Он толкнул пистолет в сторону сикха. Тот поймал оружие, сунул дуло под ребра Дуаллера и выстрелил три раза; треск выстрелов приглушила одежда жвачкобарона.

Гармодио Дуаллер замертво рухнул на пол.

В дверь постучали, и раздался тревожный голос Хесуса-Марии:

– Босс, с тобой все нормально?

– Заприесь, – сказал Осборн и принял яростно обшаривать комнату в поисках чего-нибудь горючего.

Гуджа Сингх задвинул засов. В дверь заколотили, громко требуя открыть.

– Мистер Осборн, – сказал Гуджа Сингх, – вы сможете вытащить эти пленки из сейфа?

– Как ты думаешь, этот сарай будет гореть?

– Почему бы и нет, здесь дубовые балки... Понял!

Патрульный принял лихорадочно готовить поджог. Осборн запалил кучу смятых бумаг, когда сильный удар в дверь дал понять, что бандиты пытаются ее выломать.

Огонь затрещал и с рычанием устремился вверх; жара и дым становились невыносимыми.

– Хватай Дуаллера, – сказал Осборн Гудже Сингху, – и делай вид, что вытаскиваешь его. Повезло, что дыры от пули не сильно кровоточили.

Гуджа Сингх взвалил грузное тело себе на плечи. Осборн отодвинул засов, представ перед кучей возбужденных вооруженных мексиканцев.

– Взорвалась какая-то машина! – крикнул он. – Ваш босс ранен, а дом горит.

* Ласаро Карденас дель Рио (исп. Lázaro Cárdenas del Río; 1895-1970) – мексиканский политический деятель, генерал периода Мексиканской революции (1910-1917) и президент Мексики (1934-1940). Активизировал проведение аграрной реформы.

В последнем замечании не было особой необходимости, к этому моменту комната уже превратилась в пышущую огнем печь.

Волящие бандиты забегали во все стороны, крича, что надо ташить воду, что надо тащить одеяла, что надо спасаться.

Осборн и Гуджа добрались до входной двери и прошли через двор и через ворота к стоянке грузовиков. Тут кто-то крикнул:

– Эй, там, куда это вы с нашим боссом?

Гуджа бросил труп, и они устремились к ближайшему грузовику. Ключ торчал в замке зажигания, а топливный бак был полон. Сзади раздался выстрел, они развернулись так, что машина проехала на двух колесах, и помчались в сторону Куатро-Съенегас.

К ПЯТИ ВЕЧЕРА они добрались до Лабораторий Сан-Антонио. Кто-то их заметил, и когда они оказались у административного здания, на парадной лестнице их приветствовал Чарли Кенни.

– Где Глэдис? – задыхаясь, спросил Осборн.

– Она пошла домой; от тебя не было никаких известий целый день...

– Мы мчались, как летучие мыши, сбежавшие из ада...

– Да, но как ты сбежал...

– Отмена закона прошла?

– Да, одним голосом. Эй, Джордж! Беги и позвони миссис Осборн, что Гомер вернулся...

– Я сам ей позвоню.

– Но погоди, ты мне не рассказал...

Пока они обменивались репликами, люди, словно притягиваемые магнитом, стали постепенно подниматься вверх. Они мало кому уделяли внимание, кроме Гуджи Сингха. Под их взглядами высокий патрульный заметно занервничал. Он пробормотал:

– Что это, очередное линчевание? Пожалуй, мне лучше уйти.

Он начал отступать, стараясь сохранить достоинство; толпа сомкнулась и последовала за ним. Сингх кинулся бежать, но толпа с ковбойскими кликами набросилась на него.

– Эй! – заорал Осборн.

– Все в порядке, – спокойно сказал Кенни.

– Черт возьми, какое там «все в порядке»! Дай мне ружье или еще что...

Он смолк, наблюдая за действиями толпы, которая вместо того, чтобы разорвать сикха на куски, водрузила его на плечи и с оглушительными аплодисментами понесла по улице. Гуджа Сингх выглядел ошарашенным.

— Наша коммутаторша, — объяснил Кенни, — слушала ваш разговор с тем типом в Индии. Она что-то там напутала и решила, что это твой друг-патрульный убедил своего папашу решиться на такое голосование. Во всяком случае, такова ее история, и все в Сан-Антонио считают, что все получилось благодаря ему. Так благодаря ему, или это ты приложил руку? Не могу даже вообразить, чтобы Гармодио Дуаллер сделал такое по собственной воле.

Осборн рассказал, что случилось.

— Значит, это все-таки твоя работа! Надо, чтобы слава досталась тебе, а не этому...

— Мне не нужна слава! — воскликнул Осборн. — Все, чего я хочу, так это позвонить жене и рассказать ей хорошие новости!

— Какие еще хорошие новости?

Но Осборн уже бежал в здание. Кенни следовал за ним со всей возможной при его габаритах скоростью. Он добрался до телефонной будки как раз вовремя, чтобы услышать радостный крик Осборна:

—...Глэдис? У меня самые лучшие новости в мире! *Мы возвращаемся в Бруклин!*

*The Contraband Cow (Astounding Science-Fiction, July 1942), nep.
Борис Толстиков.*

UNKNOWN

TRENT & SMITH'S

JUNE
1939
20c

FLAME WINDS
by
NORVELL W. PAGE

НЕСУРАЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ДОКТОР МАТИЛЬДА Сэддлер увидела несуразного человека вечером 14 июня 1956 года на Кони-Айленде*. Как раз завершилась весенняя сессия Восточной секции Американской антропологической ассоциации, и доктор Сэддлер пообедала с двумя своими коллегами по профессии – Блу из Колумбийского университета и Джейффкоттом из Йеля. Она упомянула, что никогда не бывала на Кони, и собиралась туда вечером. Она уговаривала Блу и Джейффкотта поехать с ней, но им удалось отбиться.

Наблюдая за удаляющейся Матильдой Сэддлер, Блу Колумбийский проворчал:

– Дикарка из Уичито**. Подозреваю, что она охотится за новым мужем.

Блу был тощим мужчиной с маленькой седой бородкой и выражением «какого черга вы тут делаете, сэр» на лице.

– Сколько их у нее было? – спросил Джейффкотт Йельский.

– На сегодняшний день трое. Не знаю, почему среди всех ученых самую беспорядочную жизнь ведут антропологи. Должно быть, они изучают обычай и нравы всяких разных народов и спрашивают себя: «Если эскимосы себе такое позволяют, то чем мы хуже?». Я, слава богу, достаточно взрослый, чтобы чувствовать себя в безопасности.

– Я ее не боюсь, – сказал Джейффкотт. Ему было около сорока, и он походил на фермера, которому не по себе в одежде из магазина.

– Я весьма основательно женат.

– Да? Тебе стоило побывать в Стэнфорде несколько лет тому назад, когда она там работала. По кампусу ходить было небезопасно, когда Туттихилл там гонялся за всеми самками, а Сэддлер – за всеми самцами.

ДОКТОРУ СЭДДЛЕР пришлось буквально пробиваться от метро, потому что подростки, бесящиеся на платформе станции Стиллуэлл-авеню, вероятно, самые худшие люди на земле за исключением, возможно, туземцев с острова Добу в западной части Тихого

* Кони-Айленд (англ. Coney Island) – полуостров, бывший остров, расположенный в Бруклине, знаменит развлекательными заведениями и пляжами.

** Уичито (англ. Wichita) – город, крупнейший населенный пункт штата Канзас.

THE GNARLY MAN

By L. SPRAGUE DE CAMP

океана. Она не слишком-то и возмущалась. В свои без малого сорок она была высокой, сильной женщиной, профессия которой, связанная с пребыванием на открытом воздухе, заставляла поддерживать форму. Кроме того, некоторые глупые замечания в докладе Свифта о культурной ассилияции индейцев арапахо добавили ей боевого настроя.

Пройдя по Серф-авеню в сторону Брайтон-Бич, она смотрела на аттракционы, не пытаясь развлекаться самой, а предпочитая смотреть на развлекающихся людей, и на других, собирающих с них деньги. Потом она все же попробовала пострелять в тире, но решила, что сбить оловянную сову с насеста из малокалиберного ружья слишком легко. Она предпочитала стрелять на дальние дистанции из армейской винтовки.

Аттракцион рядом с тиром можно было бы назвать вставным номером, если бы там имелось основное шоу, для которого это могло бы послужить дополнительным. Обычный аляповатый плакат зазывал посмотреть на уникального двуглавого теленка, бородатую женщину, девочку-паука и прочие чудеса. Гвоздем программы был Унго-Бунго – свирепый обезьян, захваченный в Конго ценой двадцати семи жизней. Картинка изображала огромного Унго-Бунго, сжимающего в каждой руке по несчастному негру, пока другие пытались накинуть на него сеть.

Хотя доктор Сэддлер прекрасно знала, что свирепый обезьяночеловек окажется обычным европоидом с приkleенными на груди волосами, но из-за какого-то минутного порыва решила войти. Возможно, подумала она, найдется что-нибудь, чем потом можно будет позабавить коллег.

Зазывала продолжал громко расхваливать шоу. Доктор Сэддлер по выражению его лица предположила, что у него устали ноги. Татуированная леди ее не заинтересовала, так как рисунки, очевидно, не имели никакого культурного смысла, не то, что у полинезийцев. Что касается древнего индейца-майя, то доктор Сэддлер сочла дурновкусием выставлять напоказ несчастного идиота микроцефала. Фокусы профессора Йоги и пожиратель огня оказались неплохи.

Перед клеткой Унго-Бунго висел занавес. В нужный момент раздался рык и звон длинной цепи, волочащейся по металлу. Зазывала пронзительно закричал:

—...леди и джентльмены, единственный и неповторимый Унго-Бунго!

Занавес поднялся.

Человек-обезьяна сидел на корточках в задней части клетки. Он бросил цепь, встал и, шаркая ногами, прошел вперед, схватился за прутья и тряхнул. В своих креплениях прутья болтались довольно

свободно, и раздался угрожающий грохот. Унго-Бунго оскалился на посетителей, обнажив ровные желтые зубы.

Доктор Сэддлер изумленно на него уставилась. Что-то новенькое среди человекообразных обезьян. Ростом Унго-Бунго был около пяти футов и трех дюймов, но очень массивным, с огромными покатыми плечами. Тело Унго-Бунго, выше и ниже надетых на него голубых плавок, от макушки до лодыжки покрывали густые серые волосы. Его короткие мускулистые руки заканчивались большими ладонями с толстыми узловатыми пальцами. Шея слегка выдвигалась вперед, поэтому спереди казалась совсем короткой.

Его лицо... Ладно, подумала доктор Сэддлер, она знакома со всеми существующими человеческими расами и всеми видами уродств, вызванных нарушением работы эндокринной системы, но никогда не встречала *такого* лица с резко выраженными угловатыми чертами. Между огромными надбровными дугами и короткими волосами на голове резко склоненный лоб. Нос, хотя и широкий, но не как у приматов вроде гориллы, а укороченный вариант толстого крючковатого носа, такие называют «армяноидными» или «еврейскими». Лицо заканчивалось длинной верхней губой и склоненным подбородком. А желтоватая кожа, по-видимому, принадлежала Унго-Бунго.

Занавес снова опустился.

Доктор Сэддлер вышла вместе с остальными, но заплатила еще десятицентовик и вскоре вернулась внутрь. Не обращая внимания на зазывалу, она заняла хорошую позицию перед клеткой Унго-Бунго до того, как прибыла остальная толпа.

Унго-Бунго повторил свое выступление с точностью механизма. Доктор Сэддлер заметила, что он слегка прихрамывал, когда шел вперед, чтобы потрясти прутья, и что на коже под покрывающим ее ковром волос виднелось несколько больших светлых шрамов, отсутствовала фаланга на безымянном пальце левой руки. Она отметила кой- какие пропорции голени и бедра, предплечья и плеча, а также большие, вывернутые наружу ступни.

Доктор Сэддлер отдала третий десятицентовик. В ее голову стучалась одна мысль, пытаясь проникнуть внутрь. Она или сошла с ума, или физическая антропология оказалась несостоятельной, или... Или что-то еще. Но она знала, что если поступит разумно и отправится домой, то эта мысль отправит все ее существование.

После третьего захода она обратилась к зазывале.

— Мне кажется, ваш мистер Унго-Банго мне знаком. Не могли бы вы устроить мне встречу с ним после того, как он здесь закончит?

Зазывала удержался от саркастического замечания. Очевидно, что говорившая была не из тех дамочек, которые просят познакомить с парнями после того, как те закончат.

— А, этот, — сказал он. — Называет себя Гаффни, Кларенс Алоизиус Гаффни. Вам этот парень нужен?

— Верно.

— Пожалуй, смогу, — он посмотрел на часы. — До закрытия ему нужно сделать еще четыре выхода. Но я должен спросить босса.

Он скользнул за занавес и позвал какого-то Морри. Вернувшись, он сказал:

— Все в порядке. Морри предложил подождать в его кабинете. Первая дверь направо.

Морри оказался лысым и гостеприимным крепышом.

— Конечно, конечно, — сказал он, размахивая сигарой. — Рад окказать услугу, мисс Сэддлер. Подождите минутку, пока я поговорю с менеджером Гаффни, — он высунулся из дверей. — Эй, Паппас! С твоим обезьяночеловеком хочет поговорить леди. Именно леди. Окей.

Он принялся разглагольствовать о трудностях, с которыми приходится сталкиваться в этом необычном бизнесе.

— Возьмем, к примеру, этого Гаффни. Он лучший чертов обезьяночеловек в этом бизнесе; на нем действительно растут все эти волосы и у бедняги действительно такое лицо. Но разве люди верят? Нет! Я слышу, как они выходят и говорят, что волосы приклеены, и все это обман. Я чувствую себя оскорблением, — он покрутил головой, к чему-то прислушиваясь. — Сейчас громыхнули не американские горки, дождь собирается. Надеюсь, к завтрашнему дню закончится. Вы не поверите, как дождь может обрушить прибыль. Если бы нарисовать график, он выглядел бы вот так, — Морри горизонтально провел пальцем перед собой и резко дернул палец вниз, показывая эффект от дождя. — Но, как я уже сказал, люди не ценят то, что ты пытаешься сделать для них. Дело не только в деньгах, я считаю себя артистом. Творческим человеком. Такое шоу должно быть сбалансированным и соразмерным, как и любая другая поста...

Должно быть, прошел час, прежде чем от двери раздался медленный, глубокий голос:

— Кто хотел меня видеть?

Несуразный человек стоял в дверном проеме. В уличной одежде, с поднятым воротником плаща в шляпе с опущенными полями он выглядел более или менее нормальным, хотя пальто плохо сидело на его больших покатых плечах. В руках у него была толстая узловатая трость с кожаной петлей на рукоятке. Позади него суетился маленький темнокожий мужчина.

— Ага, — сказал Морри, прервав свою лекцию. — Кларенс, это мисс Сэдлер, мисс Сэдлер, это мистер Гаффни, один из наших самых выдающихся и креативных артистов.

— Приятно познакомиться, — сказал несуразный человек. — Это мой менеджер, мистер Паппас.

Доктор Сэдлер объяснила, что хотела бы поговорить с мистером Гаффни, если такое возможно. Она умела быть тактичной; это качество было очень полезно, например, чтобы влезть в личные дела охотников за головами из племени нага*. Несуразный человек сказал, что будет рад выпить чашечку кофе с мисс Сэдлер; за углом есть местечко, куда они могут добраться, не намокнув.

Когда они вышли, Паппас, суетившийся все больше и больше, последовал за ними. Несуразный человек сказал:

— Да ладно, отправляйся домой к своей постели, Джон. Не переживай обо мне, — и он улыбнулся доктору Сэдлер. Его улыбка смогла бы впечатлить кого угодно — только не антрополога. — Каждый раз, когда он видит, как я с кем-то разговариваю, он подозревает, что это менеджер, пытающийся переманить меня, — он говорил на обычном американском варианте английского языка, с легким ирландским акцентом. — Я заставил адвоката, который составил наш контракт, внести туда поправки, позволяющие завершить его в кратчайшие сроки.

Паппас, выглядевший по-прежнему настороженно, оставил их, дождь практически прекратился. Несмотря на свою хромоту, несуразный человек уверенно шагал вперед. Прошла женщина с фокстерьером на поводке. Пес принюхался, а потом, словно взбесившись, разлаялся, скалясь и брызгая слюной. Несуразный мужчина перехватил свою массивную трость и тихо сказал:

— Мэм, лучше придержитесь его.

Женщина поспешила уйти.

— Я им не нравлюсь, — прокомментировал Гаффни. — Собакам, имею в виду.

Они нашли столик и заказали кофе. Когда несуразный человек снял плащ, доктор Сэдлер почувствовала сильный запах дешевых духов. Он достал трубку, у которой была большая узловатая чашка. Ему она подходила, как и его трость. Доктор Сэдлер заметила, что глубоко посаженные глаза под нависающими надбровными дугами были светло-ореховые.

— Ну? — сказал он своим рокочущим тягучим голосом.

Она начала задавать вопросы.

* Нага — группа горных племен и народностей в северо-восточной части Индии и на северо-западе Мьянмы.

— Мои родители были ирландцами, — ответил он. — Но я родился в Южном Бостоне... сейчас прикину... сорок шесть лет назад. Могу предоставить копию моего свидетельства о рождении. Кларенс Алоизиус Гаффни, 2 мая 1910 года.

Он сделал это заявление так, как будто бы его что-то втайне забавляло.

— Кто-нибудь из ваших родителей имел такой же, несколько необычный, физический облик?

Прежде чем ответить, он сделал паузу. Похоже, он всегда так делал.

— Ага. Оба. Что-то с железами, я полагаю.

— Они оба родились в Ирландии?

— Ага. В Слайго*, — он опять загадочно подмигнул.

Помолчав, она спросила:

— Мистер Гаффни, вы не против, если мы сделаем несколько фотографий и обмеров? Вы смогли бы использовать эти фотографии в своем бизнесе.

— Может, и не против, — он глотнул кофе. — Ой! *Gazooks***, он горячий!

— *Что?*

— Я сказал, что кофе горячий.

— Я имею в виду, до этого.

Несуразный человек выглядел слегка смущенным.

— А, вы о слове *gazooks*? Ну, так ругался один мой знакомый.

— Мистер Гаффни, я ученый, и не пытаюсь вытянуть из вас что-нибудь ради своей выгоды. Можете говорить со мной откровенно.

В его взгляде было нечто отстраненное и безличное, вызывающее у нее легкий озноб.

— Хотите сказать, что пока я не был откровенным?

— Да. Когда я увидела вас, я решила, что в вашем происхождении есть что-то необычное. Я по-прежнему так думаю. Сейчас, если вы считаете, что я чокнутая, так и скажите, и мы на этом закончим. Но я хочу докопаться до сути.

Он не торопился отвечать.

— Это будет зависеть...

Последовала еще одна пауза. Потом он сказал:

— У вас есть связи. Вы знаете каких-нибудь действительно первоклассных хирургов?

— Но... Да, я знаю Данбара.

* Слайго (англ. Sligo) — графство на северо-западе Ирландии.

** *Gazook* (сленг, устар.) — мальчик-проститутка; здесь — экспрессивный возглас.

— Это тот, который надевает пурпурный халат, когда оперирует? Который написал книгу «Бог, Человек и Вселенная»?

— Да. Он хороший человек, несмотря на свою склонность к театральщине. Зачем? Что вы от него хотите?

— Не то, о чем вы подумали. Меня устраивает мой... э... необычный физический тип. Но у меня есть несколько старых травм — сломанные кости, которые неправильно срослись, и я хочу это исправить. Хотя он должен быть реально хорошим человеком. У меня на хранении в банке имеется пара тысяч, но я знаю, сколько платят таким людям. Если бы вы могли поспособствовать...

— Ладно, да, я уверена, что смогу. Даже могу это гарантировать. Значит, я не ошиблась? И вы... — она заколебалась.

— Начистоту? Ну... Ладно. Но не забывайте, я могу, если понадобится, доказать, что я Кларенс Алоизиус.

— Тогда *кто вы?*

Снова последовала длинная пауза. Потом несуразный человек сказал:

— Хочу сразу вас предупредить. Запомните, как только вы повторите что-нибудь из того, что я расскажу, ваша профессиональная репутация окажется в моих руках. Во-первых, я родился не в Массачусетсе. Я родился на Верхнем Рейне, недалеко от Момменайма* и, насколько могу судить, примерно за 50 000 лет до рождения Христова.

Или она наткнулась на величайшее открытие в антропологии, подумала доктор Сэддлер, или по сравнению с этим странным человеком барон Мюнхгаузен просто мальчуган-врунишка.

Он, видимо, угадал ее мысли.

— Я, конечно, не могу это доказать. Но если вы договоритесь об операции, мне все равно, верите вы мне или нет.

— Но... Но *как*?

— Думаю, это сделала молния. Мы охотились, пытаясь загнать зубра в яму. Тут внезапно началась грандиозная гроза, и зебр понесся не в том направлении. Поэтому мы прекратили охоту и попытались найти укрытие. Следующее, что я помню — я лежу на земле, дождь поливает меня, а остальные соплеменники стоят и причитают, чем же они так прогневили бога грозы, что он ударил молнией точно в одного из лучших охотников. Раньше они никогда так обо мне не говорили. Забавно, что пока ты жив, тебя не ценят.

Но, к счастью, я остался в живых. Несколько следующих недель мои нервы были изрядно расшатаны, но в остальном я был в по-

* Момменайм (фр. Mommenheim) — коммуна на северо-востоке Франции.

рядке, не считая нескольких ожогов на подошвах. Я не знаю, что произошло, правда, пару лет назад я читал, что ученые обнаружили в продолговатом мозге механизм, который контролирует замещение тканей. Я так думаю, что, возможно, молния что-то сделала с моим продолговатым мозгом и обмен ускорился. Как бы то ни было, я перестал стареть. Имею в виду – физически. И сломанные кости, о которых я говорил, никуда не делись. Мне тогда было тридцать три, может, чуть больше или меньше, мы не отслеживали возраст. Сейчас я выгляжу старше, потому что черты лица в любом случае за несколько тысяч лет меняются, к тому же у нас волосы на концах всегда были седыми. Но я все еще могу завязать в узел обычного *Homo sapiens*, если захочу.

– Тогда вы... вы хотите сказать, что вы... вы пытаетесь сказать мне, что вы...

– Что я неандертальец? *Homo neanderthalensis*! Это правда.

НОМЕР В ОТЕЛЕ Матильды Сэддлер был переполнен. В нем находились несуразный человек, бесстрастный Блу, благодушный Джекфотт, сама доктор Сэддлер и историк Гарольд Макгэннин, маленький, очень опрятный и розовощекий. Он больше походил на члена правления Нью-Йоркской железной дороги, чем на профессора. Сейчас весь его вид выражал радостное предвкушение. Доктор Сэддлер казалась преисполненной гордостью; профессор Джекфотт выглядел заинтересованным, но озадаченным; доктор Блю – скучающим, он вообще не хотел приходить. Похоже, что несуразный человек, растянувшись в самом удобном кресле и попыхивающий своей трубкой-переростком, наслаждался происходящим.

Спрашивал Макгэннин.

– Ну, мистер... Гаффни? Полагаю, это ваше имя не отличается от любого другого.

– Можно сказать и так, – сказал несуразный человек. – Мое первоначальное имя было что-то вроде Сияющего Ястреба. Но с тех пор я сменил сотни имен. Если регистрироваться в отеле как «Сияющий Ястреб», это может привлечь внимание. А я стараюсь его избегать.

– Почему? – спросил Макгэннин.

Несуразный человек посмотрел на присутствующих, как на специально тупящих детей.

– Не люблю неприятностей. Лучший способ держаться по дальше от неприятностей – не привлекать внимания. Вот почему я должен собирать пожитки и переезжать каждые десять-пятнадцать лет. Окружающие могут заинтересоваться, почему я не становлюсь старше.

– Патологический лжец, – еле слышно пробормотал Блу, но несусранный человек его рассыпал.

– Вы имеете право на ваше мнение, доктор Блу, – сказал он вежливо. – Доктор Сэддлер оказывает мне услугу, а в ответ я разрешаю вам всем обстреливать меня вопросами. И я на них отвечаю. Мне плевать, верите вы мне или нет.

Макгэннан поспешил задать еще один вопрос.

– Как так получилось, что у вас есть свидетельство о рождении, о котором вы говорите?

– Ну, когда-то я знал человека по имени Кларенс Гаффни. Его сбил автомобиль, и я взял его имя.

– Была ли какая-либо причина для выбора ирландского происхождения?

– Вы ирландец, доктор Макгэннан?

– Не настолько, чтобы это имело значение.

– Окей. Я не хотел бы задеть чьи-нибудь чувства. Это лучший вариант для меня. Есть настоящие ирландцы с такой же верхней губой, как у меня.

Вмешалась доктор Сэддлер.

– Хочу спросить тебя, Кларенс, – она очень тепло произнесла его имя, – многие дискутируют на тему, скрещивались ли твои со родичи с моими, когда мои заселяли Европу в конце Мустерьской эпохи*. Считают, что «старая черная порода» с западного побережья Ирландии может иметь примесь неандертальской крови.

Он слегка улыбнулся.

– И да, и нет. Насколько я знаю, в каменном веке такого не случалось. Но длинногубые ирландцы – моя вина.

– Как так?

– Хотите верьте, хотите нет, но за последние пятьдесят веков встречались женщины вашего вида, которые не находили меня слишком уж отвратительным. Обычно потомства не появлялось. Но в шестнадцатом веке я перебрался в Ирландию. В остальной Европе за колдовство сжигали слишком много людей, чтобы это меня не встревожило. И там встретил женщину. На сей раз в результате появилась стайка смесков – милых маленьких дьяволят. Так что «старая черная порода» – мои потомки.

– Что случилось с вашим народом? – спросил Макгэннан. – Их истребили?

* Мустерьская культура, мустерьская эпоха – культурно-технологический комплекс, ассоциируемый с поздними неандертальцами, и соответствующая ему доисторическая эпоха, примерно 40000 лет до нашей эры.

Несуразный человек пожал плечами.

– Некоторых. Мы были совсем не воинственными. Но и дылды, как мы их называли, такими тоже не были. Некоторые их племена считали нас своей законной добычей, но большинство предпочитали оставлять нас в покое. Думаю, они боялись нас почти так же, как мы их. Такие примитивные дикари очень миролюбивые люди. Когда приходиться так усердно трудиться, а вас самих так мало, воевать не за что. Войны начинаются позже, когда появляется сельское хозяйство и скот, и поэтому у вас появляется имущество, которое стоит украсть.

Я помню, что через сто лет после того, как пришли дылды, в моей части страны все еще жили неандертальцы. Но они вымерли. Думаю, что неандертальцы потеряли самоуважение. Дылды были довольно примитивными, но они настолько опередили нас, что наши вещи и наши обычай стали казаться глупыми. В конце концов, мы просто сидели и жили за счет подачек, которые получалось выпросить на стоянках дылд. Можно сказать, что мы вымерли из-за комплекса неполноценности.

– Что с тобой случилось? – спросил Макгэннон.

– Ну, к тому времени я считался богом своего народа и, естественно, представлял его в делах с дылдами. Я довольно хорошо с ними ладил, и они поклялись не причинять мне вреда после того, как все из моего собственного клана умерли. Потом через пару сотен лет все о моем народе забыли, и меня принимали за кого-то вроде горбuna. Я весьма хорошо умел обрабатывать кремень, так что заработать себе на содержание у меня получалось. Когда появился металл, я занялся им, а потом и кузнечным делом. Если сложить все сделанные мною подковы в одну кучу, куча получилась бы чертовски высокая.

– Вы и тогда хромали? – спросил Макгэннон.

– Ага. Я сломал ногу в неолите. Упал с дерева, и пришлось вправить ногу самому, потому что рядом никого не оказалось. И что?

– Вулкан, – мягко сказал Макгэннон.

– Вулкан? – повторил несуразный человек. – Разве он не был кем-то вроде греческого бога?

– Да. Он был хромым богом-кузнецом.

– То есть, вы думаете, что, возможно, кто-то его придумал, глядя на меня? Интересная идея. Впрочем, немного поздновато для ее проверки.

Блу подался вперед и сказал:

– Мистер Гаффни, ни один настоящий неандертальец не смог бы рассказывать так свободно и занятно, как вы. Об этом свидетель-

ствует слабое развитие лобных долей их мозга и крепление мышц языка.

Несуразный человек снова пожал плечами.

— Вы можете верить во что хотите. Мои соплеменники считали меня довольно умным, да и за пятьдесят тысяч лет можно хоть чему-то научиться.

— Расскажи им о своих зубах, Кларенс, — сказала Доктор Сэддлер.

Несуразный человек усмехнулся.

— Они, конечно же, искусственные. Мои собственные служили долго, но они износились еще где-то во времена палеолита. У меня выросло три набора, и все они тоже износились. Поэтому мне пришлось изобрести суп.

— Изобрести что? — воскликнул обычно молчаливый Джейффкотт.

— Мне пришлось изобрести суп, чтобы выжить. Ну, вы должны знать о способе «миска из коры, вода и горячие камни». Спустя некоторое время мои десны загрубели, но все равно не очень хорошо справлялись с твердой пищей. Еще через несколько тысяч лет меня едва ли не тошило от супа и разных кашиц. А когда появился металл, я начал экспериментировать с вставными зубами. В конце концов, я сделал несколько довольно удачных наборов. Янтарные зубы в медных пластинах. Можно сказать, что я тоже их изобрел. Я часто пытался их продавать, но до 1750 года уже нашей эры этого так и не получилось. Тогда я жил в Париже, и перед тем, как переехать дальше, создал небольшой бизнес.

Он вытащил носовой платок из нагрудного кармана, чтобы вытереть лоб; Блу скривился, когда его накрыла волна запаха духов.

— Ну, мистер Пещерный Человек, —sarкастически проскрипел Блу, — и как вам нравится наш «машинный век»?

Несуразный человек проигнорировал его тон.

— Неплохо. Происходит много интересного. Главная проблема — рубашки.

— Рубашки?

— Ага. Просто попробуйте купить рубашку с шеей двадцать и рукавом двадцать девять. Приходится шить на заказ. Со шляпами и обувью почти так же плохо. Я ношу шляпу восемь с половиной и ботинки тринадцатого размера.

Он глянул на часы.

— Мне пора возвращаться на Кони, на работу.

Макгэннан вскочил.

— Где можно будет снова с вами встретиться, мистер Гаффни? Есть многое, о чем я хотел бы вас расспросить

— Я свободен по утрам. Мой рабочий график — с двух до полуночи в будние дни, с парой часов для перерыва на ужин. Профсоюзные правила, вы же понимаете.

— Хотите сказать, что есть профсоюз, который занимается тем, что демонстрирует вас публике?

— Конечно. Только они называют его гильдией. Понимаете, они считают себя артистами.

БЛУ И ДЖЕФФКОТТ наблюдали за тем, как несуразный человек и историк вместе медленно идут к метро. Блу сказал:

— Бедный старый Мак! Я-то всегда думал, что у него достаточно здравомыслия. Но, похоже, он заглотил эту бредовую наживку Гаффни вместе с крючком, леской и грузилом.

— Я не так уверен, — сказал Джейффкотт, нахмурившись. — В нем есть что-то занятное.

— Что? — рявкнул Блу. — Только не говори, что и *ты* поверил в историю о том, что можно прожить пятьдесят тысяч лет? Пещерный человек, пользующийся духами? Боже правый!

— Н-нет, — сказал Джейффкотт. — Не пятьдесят тысяч. Но и не думаю, что просто случай шизофрении или разухабистого вранья. И, если он говорит правду, пользоваться духами вполне логично.

— Да ну?

— Дезодорант. Сэдлер рассказала, как собаки бесятся, завидев его. Его запах должен отличаться от нашего. К нашему мы так привыкли, что даже его не замечаем, разве только не встретим кого-то, не принимавшего ванну пару месяцев. Но, если бы Гаффни не маскировал свой замах, мы могли бы его заметить.

— Еще пара минут, и ты сам ему поверишь, — фыркнул Блу. — Очевидно, что у него проблемы с эндокринной системой, и он придумал соответствующую историю. Все разговоры о том, что ему плевать, верим мы ему или нет — просто блеф. Пойдем, пообедаем. А ты заметил, как Сэдлер смотрела на него каждый раз, когда говорила «Кларенс»? Интересно, что она задумала с ним сделать?

Джейффкотт задумался.

— Догадываюсь. И если *он* говорит правду, полагаю, что во Второзаконии есть что-то против этого*.

ВЕЛИКИЙ ХИРУРГ старался выглядеть великим хирургом; он носил пенсне, и у него была бородка клинышком. Размахивая рент-

* Имеется в виду библейский запрет на брачные союзы с иноплеменниками (Втор. 7:3).

геновскими снимками перед носом несуразного человека, он тыкал в них пальцем.

– Нам лучше начать с ноги, – сказал он. – Предположительно мы сделаем это в следующий вторник. Когда вы оправитесь после операций, мы сможем заняться плечом.

Несуразный человек согласился, и, прихрамывая, отправился из маленькой частной больницы к машине, где его ждал Макгэннон. Там он рассказал о предварительном графике операций и сообщил, что подготовил свое увольнение с работы в последнюю минуту.

– Эти две операции – главное, – сказал он. – Я хочу когда-нибудь снова попробовать себя в профессиональной борьбе, но не смогу, пока не вылечу плечо, чтобы суметь поднять левую руку над головой.

– Что случилось с плечом? – спросил Макгэннон.

Несуразный человек закрыл глаза и задумался.

– Надо вспомнить. Иногда воспоминания путаются. У людей такое случается, когда им всего лет пятьдесят, так можете представить, каково это для меня. В 52 году до нашей эры я жил с битуригами* в Галлии. Вы помните, что Цезарь запер Феркингхеториха – по-вашему, Верцингеторикса ** в Алезии***, и галлы собрали армию ополченцев под командованием Касволлона.

– Касволлон****?

Несуразный человек коротко усмехнулся.

– Я имел в виду Веркасволлон*****. Касволлон был британцем, верно? Я всегда путаю этих двоих. Как бы то ни было, меня, можно сказать, призвали – я не хотел идти. Это была совсем *не моя* война. Но они захотели меня, потому что я мог натянуть куда более тугой лук, чем любой другой. Когда пошла последняя атака на

* Битуриги (лат. *Bituriges*) – кельтский народ, живший в Аквитании.

** Верцингеторикс (лат. *Vercingetorix*) (ок. 82 до н. э. – 46 до н. э.) – вождь кельтского племени арвернов в центральной Галлии, противостоявший Юлию Цезарю в Галльской войне.

*** Алезия (*Alesia*) – древний галльский город-крепость (в районе современного Дижона, Франция), который в 52 году до н. э. был осажден Юлием Цезарем при подавлении восстания галлов.

**** Кассивелаун (лат. *Cassivelaunus*) – бриттский вождь, сражавшийся против Юлия Цезаря во время его второго похода на Британию в 54 до н. э..

***** Точнее: Веркассивеллаун, (лат. *Vercassivellaunos*) – вождь кельтского племени арвернов, двоюродный брат Верцингеторикса, один из лидеров в галльском восстании 52 года до н. э. против римлян.

кольцо укреплений, построенных Цезарем, меня послали вперед с несколькими другими лучниками, прикрывать огнем пехоту. По крайней мере, таков был план. Вообще-то я никогда в жизни не видел такой безнадежной неразберихи. И еще до того, как я попал в зону, где меня могли подстрелить из лука, я свалился в одну из римских ям-ловушек. Я не упал на острие кола, но все-таки ударился об него и сломал плечо. Помочи не пришло, потому что галлы были слишком заняты бегством от германской кавалерии Цезаря, чтобы заниматься ранеными.

АВТОР КНИГИ «Бог, Человек и Вселенная» после ухода своего пациента долго смотрел в никуда. Потом обратился к своему главному ассистенту.

— Что ты о нем думаешь?

— Я думаю, что все так, — сказал ассистент. — Я довольно внимательно рассмотрел рентгеновские снимки. Его скелет совершенно не такой, как у человека.

— Хмм. Хмм. — сказал Данбар. — Все верно, он ведь не человек, не так ли? Хмм. Знаешь, если с ним что-то случится...

Ассистент понимающе улыбнулся.

— Правда, есть «Общество защиты животных»....

— Не стоит *о них* беспокоиться. Хмм.

О вас начинают забывать, подумал великий хирург, ничего особенного в газетах не появлялось уже год. Но если вы опубликуете полное анатомическое описание неандертальца... Или если вы выясните, почему его мозг функционирует таким образом... Конечно же, с ним будут обращаться со всем тщанием...

— **ДАВАЙТЕ ПООБЕДАЕМ** в Музее естественной истории, — предложил Макгэннан. — Некоторым из его работников стоило бы познакомиться с вами.

— Ладно, — протянул несуразный человек. — Только потом мне нужно вернуться на Кони. Сегодня мой последний день. Завтра мы с Паппасом пойдем к адвокату по поводу расторжения контракта. Нехорошо получилось с бедным стариной Джоном, но я с самого начала предупредил его, что такое возможно.

— Полагаю, мы можем приходить и расспрашивать вас, пока вы... э... будете восстанавливаться? Отлично. Кстати, вы когда-нибудь бывали в этом музее?

— Конечно, — сказал несуразный человек. — Я весь его обошел.

— Что думаете... э... об экспозиции в Зале Эпохи Человека?

— В целом неплохо. Есть несущественная ошибка в одной из больших настенных росписей. Второй рог на шерстистом носо-

роге должен сильнее наклоняться вперед. Я подумывал написать им письмо. Но вы же знаете, как оно бывает. Они говорят: «Ты был там?», а я отвечаю: «Ага», а они говорят: «Еще один чокнутый».

— Как насчет картин и скульптур с людьми из палеолита?

— В целом неплохо. Но некоторые идеи у них забавные. На картинах у нас туловища всегда обернуты шкурами. Но летом мы шкур не носили, а зимой накидывали на плечи, так от них больше толку. А еще они показывают тех дылд, которых вы называете кроманьонцами, чисто выбритыми. Как я помню, все они были заросшими. Чем бы они брились?

— Я так думаю, — сказал Макгэннен, — что бороды убирают, чтобы показать форму подбородка. С бородами они все бы выглядели слишком одинаковыми.

— Это причина? Они могли бы так и написать на табличках, — несуразный человек потер подбородок. — Хорошо было бы, если бы бороды снова вошли в моду. С бородой я гораздо больше похожу на обычного человека. Я прекрасно устраивался в шестнадцатом веке, когда никто не брился. Это один из способов вспоминать, что когда происходило — по прическам и форме бород. Помню, как у повозки, которую я гнал в Милан, отвалилось колесо, и мешки с мукою высыпались к черту на завтрак. Это, должно быть, случилось в шестнадцатом веке, до того, как я перебрался в Ирландию, потому что у большинства мужчин в собравшейся толпе имелись бороды. Впрочем... Может быть, это случилось в четырнадцатом. Тогда тоже было много бородатых.

— Почему, ну почему вы не вели дневник? — спросил Макгэннен с горестным стоном.

Несуразный человек привычно пожал плечами.

— И упаковывать с полдюжины сундуков, полных бумаги, каждый раз, когда переезжаю? Нет уж, спасибо.

— Я... э... Не думаю, что вы сможете рассказать подлинную историю о Ричарде III и принцах в Таузре?

— С чего бы? Я был просто бедным кузнецом или фермером, или кем-то вроде того. Я не знался с большими шишками. Я отказался от всех своих амбиций задолго до этого. Пришлось, раз уж я так отличаюсь от других людей. Насколько я помню, единственным настоящим королем, которого я хорошо рассмотрел, был Карл Великий, когда однажды он выступил в Париже с речью. Он был просто крупным высоким мужчиной с усами Санта-Клауса и скрипучим голосом.

СЛЕДУЮЩИМ УТРОМ Макгэннен и несуразный человек побывали в Музее со Сведбергом, потом Макгэннен отвез Гаффни

в кабинет адвоката, расположенный на третьем этаже старого официального здания в западной части города. Джеймс Робинетт иногда походил на киноактера, а иногда на бурундука. Он посмотрел на часы и сказал Макгэннона:

— Это не займет много времени. Если желаете, можете потом задержаться, буду рад с вами пообщаться.

На самом деле его слегка подташнивало при мысли, что этот чертов диковинный клиент, цирковой уродец или кем-бы-он-там-нибудь был с бочкообразным телом и забавным тягучим выговором может остаться.

Когда дело было сделано, а несуразный человек ушел со своим менеджером завершать свои дела на Кони, Робинетт сказал:

— Уфф! Судя по его внешнему виду, я решил, что он полудурок. Но никакой полудурок не смог бы так дотошно проверять все пункты договора. Можно подумать, что этот чертов контракт заключался на постройку метро. Кто он такой?

Макгэннон рассказал все, что он знал.

Брови адвоката поднялись.

— Ты что *веришь* его бредням?

— Да. Как и Сэддлер. Как и Сведберг из Музея. Они оба первоклассные специалисты в своих областях. Я и Сэддлер его расспрашивали, а Сведберг его обследовал. Но это просто наше мнение. Фред Блю по-прежнему клянется, что это обман, или у него случай какого-то психического расстройства. Доказать никто из нас ничего не может.

— Почему?

— Ну и как ты собираешься доказать, что он жил, или, наоборот, не жил сто лет назад? К примеру: Кларенс говорит, что он, под именем Майкла Шона, работал на лесопилке в Фэрбенксе, на Аляске, с 1906 по 1907 год. Как выяснить, был ли в то время в Фэрбенксе такой работник на лесопилке? А если вы наткнетесь на запись о Майкле Шоне, как узнать, что это и был Кларенс? Нет ни единого шанса из тысячи, что сохранилась фотография или подробное описание, по которым можно было бы проверить. И вы почти наверняка зря потратили бы время, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто знал его в эти давние времена. Потом Сведберг ощупал лицо Кларенса и сказал, что ни у одного человека никогда не было такой пары челюстных дуг. Но когда я рассказал об этом Блу, он заявил, что может показать фотографии человеческого черепа с такими же. Я знаю, что случится дальше: Блу скажет, что дуги практически одинаковые, а Сведберг скажет, что они явно разные. Они так и будут стоять на своем.

Робинетт задумчиво сказал:

— Для человекаобезьяны он кажется чертовски умным.

— На самом деле он не человекообезьяна. Неандертальцы были отдельной ветвью человеческого рода; они были примитивнее в одних областях, но более продвинутыми, чем мы, в других. Кларенс может казаться тугодумом, но обычно он отшлифовывает правильный ответ. Я считаю, что он с самого начала был... э... настоящим бриллиантом среди своих соплеменников. И у него есть преимущество — огромный опыт. Он знает нас; он насквозь видит нас и наши мотивы, — маленький розовощекий человек потер лоб. — Надеюсь, с ним ничего не случится. Он несет в своей большой голове кучу бесценной информации. Просто слишком много о войне и политике, он держался подальше от них, это вопрос самоохранения. Но он знает множество мелочей о том, как люди жили и как они думали тысячи лет назад. Иногда он путает периоды, но если дать ему время подумать, он все уточняет. Я собираюсь связаться с Пеллом, лингвистом. Кларенс знает десятки древних языков, вроде готского и галльского. Я смог проверить на нем некоторые из языков, например, вульгарную латынь, и это стало одним из аргументов, убедивших меня. А еще есть археологи и психологи... Если только что-нибудь не спугнет его. Тогда мы его никогда не найдем. Не знаю... Подвинутая на мужиках женщина-ученый и повернутый на известности хирург — интересно, чем это закончится...

НЕСУРАЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК с невинным видом вошел в приемный покой больницы Данбара. Он, как обычно, заметил самое удобное кресло и устроился в нем.

Данбар стоял перед ним. За пенсне блестели от предвкушения его колючие глаза.

— Придется подождать около получаса, мистер Гаффни, — сказал он. — Понимаете, мы пока все заняты. Я пришлю Малера, он покажет вам все, что вы захотите.

Глаза Данбара любовно оглаживали коренастую фигуру. Какие увлекательные секреты ему откроются, когда он проникнет вовнутрь?

Появился Малер, молодой человек, пышущий здоровьем. Что желает увидеть мистер Гаффни? Несуразный человек, как обычно, сделал паузу, позволяя разогнаться своей массивной мыслительной машине. Инстинкт бродяги заставил попросить показать инструменты, которыми предполагалось его оперировать.

Малера получил определенные приказы, но эта просьба казалась достаточно безобидной. Он вышел и вернулся с подносом, заполненным сверкающей сталью.

— Вот эти, — сказал он, — называются скальпелями...

Через некоторое время несуразный человек спросил:

– Что это? – он взял необычно выглядящий инструмент.

– О, это собственное изобретение босса. Он нужен, чтобы добраться до среднего мозга.

– До среднего мозга? Что эта штука здесь делает?

– Ну, чтобы добрался до вашего... ох, он, должно быть, попал сюда по ошибке...

Мелкие складки вокруг необычных глаз орехового цвета напряглись.

– Да? – он вспомнил взгляд, которым его одарил Данбар, вспомнил и общую репутацию Данбара. – Скажите, я могу на минутку воспользоваться вашим телефоном?

– Зачем... Я полагаю... Куда вы хотите позвонить?

– Я хочу позвонить своему адвокату. Есть возражения?

– Нет, конечно, нет. Но здесь нет никакого телефона.

– А это как вы называете?

Несуразный человек встал и направился к устройству, стоящему на столе на самом виду. Но Малер опередил его и встал перед ним.

– Этот не работает. Его надо ремонтировать.

– Могу я все-таки попытаться?

– Нет, пока его не починят. Этот не работает, уверяю вас.

Несуразный человек несколько секунд изучал молодого врача.

– Окей, тогда я пошучу телефон, который работает.

Он двинулся к двери.

– Эй, ты не можешь уйти! – закричал Малер.

– Не могу? Просто посмотри на меня!

– Эй! – заорал Малер в полный голос.

Как по волшебству появились здоровенные мужчины в белых халатах, а вслед за ними великий хирург.

– Будьте благоразумны, мистер Гаффни, – сказал он. – У вас нет никаких причин уходить куда-нибудь прямо сейчас. Мы скоро будем готовы.

– А есть причины, по которым я не должен уходить?

Крупная голова несуразного человека поворачивалась на его толстой шее из стороны в сторону, а взгляд ореховых глаз метался по комнате. Все выходы оказались заблокированы.

– Я ухожу.

– Хватайте его! – приказал Данбар.

Белые халаты двинулись вперед. Несуразный человек сжал руки на спинке стула. Он крутнул стул и, когда люди бросились на него, превратился в размазанный вихрь. Куски стула разлетелись по комнате, чтобы с сухим резким «банг!» попадать мелкими фрагментами. Когда несуразный человек перестал вертеться, в каждом ку-

лаке у него осталось только по короткому обломку спинки стула, а один из помощников валялся в отключке. Другой, белый как снег, привалился к стене и нянчил сломанную руку.

— Вперед! — закричал Данбар, когда смог заставить себя услышать.

Белая волна замкнулась над несуразным человеком, а потом схлынула. Несуразный человек стоял на ногах и держал за лодыжки молодого Малера. Расставив ноги, он взмахнул воняющим Малером, словно дубинкой, расчищая путь к двери. Потом повернулся, закрутил Малера вокруг головы, как молот, и отпустил в полет это, теперь уже милосердно бессознательное, тело. Нападавшие рухнули, спутавшись в клубок.

Один все же остался на ногах. По указке Данбара, он прыгнул вслед за несуразным человеком. Тот выхватил свою трость из стойки для зонтиков, стоящей в вестибюле, и узловатая рукоять с угрожающим «вух!» свистнула перед носом ассистента. Ассистент отпрыгнул назад и упал на одну из жертв. Входная дверь захлопнулась, и раздался глубокий рев «Такси»!

— Бегом! — вззвизгнул Данбар. — Вызывай «скорую»!

ДЖЕЙМС РОБИНЕТТ сидел в своем кабинете на третьем этаже старого офисного здания в западной части города, размышляя о том, о чем размышляют юристы в моменты релаксации.

Он размышлял о том самом чертовом диковинном клиенте, цирковом уродце или кем-бы-он-там-ни-был, который пару дней назад приходил сюда со своим менеджером. Человек-бочонок, выглядевший как полудурок и разговаривающий в смешной медлительной манере. Хоть никакой полудурок не смог бы так дотошно и придилично проверить все пункты договора. Можно подумать, что этот чертов контракт заключался на постройку метро.

Из коридора донесся топот огромных ступней, испуганный протестующий возглас мисс Слевак в приемной, и перед столом Робинетта предстал этот самый тяжело дышащий диковинный клиент.

— Я Гаффни, — задыхаясь, рыкнул он. — Помните меня? Думаю, они проследили меня досюда и поднимутся в любую минуту. Мне нужна ваша помощь.

— Они? Что за «они»? — Робинетт сморщился от мощного запаха этого чертова парфюма.

Несуразный человек вывалил на адвоката свои проблемы. Он успел закончить как раз к тому моменту, как в приемной снова послышались протесты мисс Слевак, и в кабинет ворвался доктор Данбар с четырьмя помощниками.

— Он наш, — сказал Данбар, сверкая очками.

— Он обезьяночеловек, — сказал помощник с синяком под глазом.

— Он опасный сумасшедший, — сказал помощник с разбитой губой.

— Мы пришли забрать его, — сказал помощник с порванными штанами.

Несуразный человек расставил ноги и перехватил свою трость, ухватив ее, как бейсбольную биту, за тонкий конец.

Робинетт открыл ящик стола и вытащил здоровенный пистолет.

— Еще один шаг к нему — и я им воспользуюсь. Использование крайней формы насилия оправдано при предотвращении совершения тяжкого преступления, такого, например, как похищение.

Пятеро мужчин слега отступили. Данбар сказал:

— Это не похищение. Вы же знаете, что похитить можно только человека. А он не человек, и я могу это доказать.

Помощник с синяком под глазом фыркнул:

— Если ему нужна защита, ему лучше обратиться к инспектору по охране дичи, а не к адвокату.

— Это вы можете так думать, — сказал Робинетт. — Вы не адвокат. По закону он человек. Даже корпорации, идиоты и нерожденные дети являются юридическими лицами, а он чертовски намного человечнее их.

— Тогда он опасный сумасшедший, — сказал Данбар.

— Да? Где соответствующее судебное постановление? Единственные лица, которые могут подать заявку на его получение, это (а) близкие родственники и (б) государственные служащие, которым поручено поддержание порядка. Вы не являетесь ни теми, ни другими.

Данбар упрямо продолжал:

— Он стал буйствовать в моей больнице и едва не убил несколько моих людей. Думаю, это дает нам некоторые основания.

— Конечно, — сказал Робинетт. — Вы можете отправиться в ближайший полицейский участок и попытаться получить ордер на арест, — он повернулся к несуразному человеку. — Гаффни, может, нам подать гражданский иск?

— Я в порядке, — ответил тот, его речь обрела обычную медлительность. — Я просто хочу гарантий, что эти ребята больше не будут меня доставать.

— Окей. Теперь слушайте, Данбар. Один ваш враждебный шаг — и у нас будет ордер на вас за незаконное задержание, нападение с нанесением побоев, попытку похищения, преступныйговор и нарушение общественного порядка. Мы обрушим на вас всю тяжесть закона. И, кроме того, последует иск о возмещении ущерба за различные другие правонарушения, в том числе за нападение, попытку ограничения в гражданских правах, создание угрозы жизни

и попытку членовредительства, запугивание, и за другие, о которых я могу подумать позже.

— Вам никогда этого не доказать, — буркнул Данбар. — У нас есть свидетели.

— Да? Разве великий Эван Данбар, защищающий такие поступки, не перестанет выглядеть очаровашкой? Некоторые из тех дам, которые тащатся от ваших книг, могут заподозрить, что, может быть, вы не такой уж чертовски правильный рыцарь в сияющих доспехах. Мы можем выставить вас на растерзание, и вы это понимаете.

— Робинетт, вы понимаете, что уничтожаете возможность великого научного открытия?

— И черт с ним. Мой долг — защитить моего клиента. А теперь все проваливайте, пока я не вызвал копов, — и его левая рука потянулась к телефону.

Данбар схватился за последнюю соломинку.

— Хм. У вас есть разрешение на этот пистолет?

— Чертовски верно. Хотите взглянуть?

Данбар вздохнул.

— Неважно. У вас оно должно быть.

Его величайшая возможность прославиться проскользнула между пальцев. Он побрел к двери.

Заговорил несуразный человек.

— Если не возражаете, доктор Данбар. Я оставил свою шляпу у вас. Я хочу, чтобы вы отправили ее сюда, мистеру Робинетту. Мне трудно достать такую шляпу, чтобы она мне подошла.

Данбар молча посмотрел на него и ушел со своей свитой.

Несуразный человек рассказывал адвокату дополнительные подробности, когда зазвонил телефон. Робинетт поднял трубку:

— Да... Это Сэддлер? Да, он здесь... Ваш доктор Данбар собирался убить его и разобрать на части... Хорошо, — он повернулся к несуразному человеку. — Ваш друг доктор Сэддлер ищет вас. Она уже едет сюда.

— Клянусь Гераклом! — сказал Гаффни. — Я ухожу.

— Разве ты не хочешь ее увидеть? Она звонила из автомата на углу. Если выйдете прямо сейчас, то столкнетесь с ней. Как она узнала, куда звонить?

— Я дал ей ваш номер. Наверное, она звонила в больницу и в мой пансион, а звонок к вам оказался последним шансом. Эта дверь ведет в холл, верно? Ладно, если она войдет в обычную дверь, я уйду через эту. И не говорите ей, куда я ушел. Приятно было познакомиться, мистер Робинетт.

— Почему? Что случилось? Вы же не собираетесь сейчас удрачить? Данбар обезврежен, и у вас есть друзья. Я ваш друг.

— Точняк, я собираюсь удрать. Слишком много проблем. Я прожил все эти столетия, держась подальше от неприятностей. С доктором Сэддлер я потерял бдительность и пошел к хирургу, которого она порекомендовала. Он с самого начала задумал разобрать меня на части, чтобы посмотреть, как я функционирую. Не вызови у меня подозрений эта мозговырялка, меня бы уже разложили по банкам со спиртом. Потом началась драка, и просто повезло, что я не пришиб парочку из этих интернов или кого-нибудь еще, и меня не посадили за непредумышленное убийство. Теперь Матильда преследует меня с более чем дружеским интересом. Я знаю, что значит, когда женщина так смотрит на тебя и называет «дорогой». Я бы не возражал, не будь она из тех знаменитостей, которые вечно влипают в какие-то заварушки. Рано или поздно это навлекло бы еще больше проблем. Вы ведь не думаете, что мне нравятся неприятности?

— Но, погодите, Гаффни, не надо так чертовски сильно париться из-за...

— Шшш!

Несуразный человек взял свою трость и на цыпочках пошел к черному ходу. Когда в приемной раздался звонкий голос доктора Сэддлер, он выскочил. Когда она входила во внутренний кабинет, за несуразным человеком захлопнулась дверь.

Матильда Сэддлер соображала быстро. Робинетт не успел открыть рот, как она бросилась к двери с криком «Кларенс!», и по лестнице застучали каблуки — ни преследуемый, ни преследовательница не стали дождаться скрипучего лифта. Выглянув в окно, Робинетт увидел, как Гаффни прыгнул в такси. Матильда Сэддлер бежала за такси и кричала «Кларенс! Вернись!» Но машин было мало и, соответственно, гнаться оказалось бесполезно.

ОДНА ВЕСТОЧКА от несуразного человека все-таки пришла. Несколько месяцев спустя Робинетт получил письмо. В конверте, к его огромному удивлению, лежали десять десятидолларовых купюр. Весь текст, даже подпись, был напечатан, и поместился на одном листе.

Дорогой мистер Робинетт!

*Я не знаю, какова ваша обычная такса, но надеюсь, что прилага-
емого достаточно за ваши услуги, оказанные мне в июле прошлого
года.*

*С тех пор, как я уехал из Нью-Йорка, у меня было несколько
рабочих мест. Я дернул (как мы говорим), в Чикаго и попробовал
себя в качестве подающего во второсортной бейсбольной команде.*

Когда-то я выживал за счет умения сбивать камнями кроликов и прочую дичь, и до сих пор могу неплохо бросать. Получается у меня и размахивать дубинкой, не слишком отличающейся от бейсбольной биты. Но из-за хромоты я слишком медленный для карьеры бейсболиста.

Теперь у меня имеется работа, характер которой я не могу раскрыть, потому что не хочу, чтобы меня отследили. Не обращайте внимания на почтовый штемпель; я не живу в Канзас-Сити, но у меня есть друг, который отправит оттуда это письмо.

Амбиции – глупость для человека в моем особенном положении. Я доволен работой, которая позволяет приобретать самое нужное и иногдаходить в кино, благодаря ей я обзавелся несколькими друзьями, с которыми могу выпить пива и поболтать.

Досадно, что мне пришлось уехать из Нью-Йорка, не попрощавшись с доктором Гарольдом Макгэнноном, который очень хорошо со мной обращался. Я хочу, чтобы вы объяснили ему, почему мне пришлось уехать так поспешно. Вы можете связаться с ним через Колумбийский университет.

Если Данбар прислал вам мою шляпу, как я его просил, отправьте ее мне по почте: Канзас-Сити, Почтамт, до востребования. Мой друг ее заберет. В городе, где я живу, нет магазина, в котором нашлась бы шляпа подходящего мне размера.

*С наилучшими пожеланиями,
Искренне ваш Сияющий Ястреб,
живущий под псевдонимом Кларенс Алоизиус Гаффни.*

The Gnarly Man (Unknown, June 1939), пер. Борис Толстиков.

TODAY'S SCIENCE FICTION—TOMORROW'S FACT

NOV. 25c

STARTLING stories

A THRILLING PUBLICATION

featuring **THE STAR DICE** a novel by Roger Dee
and **THE CROOK IN TIME** by R. J. McGregor

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПОКА ЭЛИС Вернеке шла по тропинке к дому Гриров, некоторый интерес у нее вызывал тот факт, что там будет существо с другой планеты, остановившееся у Гриров. Встреча с ним стала бы любопытным опытом и все такое.

Но не это было главным соображением. Она читала об инопланетянах в газетах и журналах, и видела их по телевидению достаточно, чтобы встреча не вызвала большого шока. В них, конечно, не было ничего красивого и ничего человеческого (за исключением того, что у них было две руки, две ноги и голова), как бы то ни было, они не слишком походили на любое земное существо.

Вольфяне, безусловно, выставили человеческий род в глупом свете после того, как разные шишкы столько хлопотали, столько выделили денег Всемирному Космическому Управлению при Организации Объединенных Наций и произнесли столько скучных речей о заре новой эры. А потом, когда наполовину построили лунный корабль, звездолет с планеты звезды Вольф* с каким-то там номером приземлился в Африке. Шестнадцать инопланетян, находившихся на борту, торжественно объявили о своем визите. Не окажут ли земляне любезность, рассказав им все о своей планете?

Однако главным в гостях для Элис был не инопланетянин, а присутствие его сопровождающего и наставника, мистера Мэтьюза из Госдепартамента.

Мистер Мэтьюз был каким-то родственником Гриров, неженатым, и уже несколько месяцев Гриры обещали представить его Элис. Проблема заключалась в том, что мистер Мэтьюз работал (ужасно усердно, говорили Гриры) в Вашингтоне, и редко попадал в пригороды Филадельфии. Однако теперь...

Элис также чувствовала себя немного виноватой в том, что ее соседка по комнате Инес Рогель не приглашена на эту вечеринку – хотя не имелось никаких причин, по каким ее следовало бы пригласить. Гриры позвали Элис, а не Инес, от которой, по правде говоря, на вечеринке не было бы никакого толку.

Гарри Грир провел ее внутрь и представил окружающим. Существо с Вольфа-что-там-за-номер, стояло в дальнем конце комнаты, в

* Вольф 359 (CN Льва) – одиночная звезда в созвездии Льва. Находится в 2,4 парсека или 7,80 светового года от Солнечной системы. Одна из ближайших звезд к Солнцу, открыта в 1918 году германским астрономом Максом Вольфом.

"It wouldn't be
legal to marry"

PROPOSAL

By L. SPRAGUE de CAMP

What does a nice girl do when a scaly alien wants to marry her?

одной руке держа коктейль и опираясь об пол костяшками пальцев другой. Поразительно короткие ноги и удивительно длинные руки делали такое возможным. Существо покрывала складчатая серая безволосая кожа, создавалось впечатление, что она очень толстая, как у слона. Его голова немного напомнила Элис черепашью, хотя череп выглядел достаточно выпуклым, чтобы там поместились изрядно мозгов. Кроме наручных часов и какой-то штуки вроде сумки, висевшей на одном плече, на нем не было ни одежды, ни украшений. С соответствующими органами в земном организме можно было однозначно отождествить только его большие переливающиеся глаза и клювообразный рот. Он был ниже, чем Элис, с ее ростом в пять футов четыре дюйма.

Гарри Грир сказал:

— Элис, это... — и он произнес имя, что-то вроде «Станко».

— Станко, это госпожа Вернеке, которая учит нашу младшую.

Станко открыл свою сумку. Мельком заглянув внутрь, Элис заметила, что в сумке имеются авторучка, записная книжка и прочие вещицы, какие мужчины-земляне носят в карманах. Инопланетянин вытащил оттуда и протянул Элис визитную карточку, на которой было написано:

Кстахо Агу Лозлек Хааг
Представитель по вопросам культуры,
Вольф 359-1.

В то же время Станко (так Элис продолжала думать о нем, несмотря на надпись на карточке) медленно произнес:

— Я рад знакомству с госпожой Вернеке. Она учит только одного ребенка или еще и других?

Акцент был не слишком сильным — по крайней мере, большинство звуков можно было опознать — но голос звучал по-нечеловечески плоско, так, например, говорит человек с искусственной гортанью.

Пока Гарри Грир отвечал на вопрос Станко, Мэри Грир представила Элис высокому человеку с темными волосами, слегка поредевшими на макушке, стоявшему рядом с инопланетянином. Тут-то интерес Элис действительно взлетел до небес, так как Мэри объявила, что это «Байрон Мэтьюз, о котором я тебе рассказывала».

— Она и мне рассказывала о вас, — сказал Байрон Мэтьюз.

Элис не хотела, чтобы Мэри чересчур напираала. Мало что так способно подорвать в зародыше начинающуюся дружбу, как подозрение человека, которого это касается, что его намереваются сосватать. Тем не менее, знакомство выглядело перспективным. Пусть Байрон Мэтьюз и не был красавцем, но выглядел изыскано и имел приятные манеры. Безусловно, он был куда лучше по сравнению с любым мужчиной из теперешней подборки Элис: хамоватым Джоном, преподававшим английский в Дарбидейской средней школе, или Эдвардом, работавшим клерком в Дарбидейском национальном банке, или с двумя-тремя случайными...

Пожав Мэтьюзу руку, Элис выпрямилась и расправила плечи, демонстрируя большую часть своих преимуществ. Она явственно почувствовала взгляд Мэтьюза, скользнувший по ее свежеуложенным золотым волосам, лучшему голубому дневному платью, подчеркивающему ее глаза, и по пышной фигуре, не ставшей, благодаря тщательно соблюданной диете, излишне пухлой. Она сказала:

— Боже мой, мистер Мэтьюз, вы совсем не похожи на одного из тех ужасных людей из Госдепартамента, о которых пишут.

Мэтьюз театрально содрогнулся.

— Юная леди, будь Госдепартамент столь плох, как утверждают последние два столетия его критики, Республика давно перестала бы существовать. Запомните аксиому американской политики: чем лучше Госдепартамент, тем сильнее его критикуют.

— Как ужасно! Почему?

— Потому что мы должны заглядывать далеко вперед и рассматривать весь мир, отчего во многих вопросах мы принимаем непопулярную сторону. Большинство людей, особенно конгрессмены, предпочли бы рассматривать краткосрочные перспективы и забыть об остальном мире. А теперь, когда надо начать учитывать и другие планеты, будет еще хуже.

— Бедняжки! Вы здесь, чтобы присматривать за мистером Станко?

— Точно. Вольфяне решили, что для наиболее рационального использования своего времени им лучшее рассеяться, выбрав разные типы человеческого окружения. Так, один живет в семье китайских крестьян, другой — с семьей угасающего рода европейских аристократов в Дании, третий — в католическом монастыре в Квебеке, а еще один — с индейским племенем камаюра на Амазонке в Бразилии. Кстахо знакомится с жизнью в типичном пригородном буржуазном доме в Соединенных Штатах.

— Думаю, ему достался наилучший вариант из возможных, — сказала Элис, рассеянно принимая мартини, который ей подал Гарри Грир. — И долго он здесь пробудет?

— Около пяти месяцев. Потом они все улетают обратно в Африку, чтобы вернуться домой.

— А чем вы сейчас занимаетесь?

— Я остановился в гостинице в Суортморе*, а днем показываю нашему гостю достопримечательности.

— Вы будете здесь все это время?

— Если только Конгресс не решит, что все люди в этом штате — замаскированные вольфяне, и не урежет нам зарплату.

Тут подошла Мэри Грир и утащила Элис, чтобы познакомить ее с еще несколькими присутствующими, а потом некоторое время продолжалась общая беседа. Остальные гости, преодолев первоначальную нервозность по отношению к Станко, столпились вокруг него, задавая вопросы:

— Как вам нравится этот паршивый филадельфийский климат?

* Суортмор (англ. *Swarthmore*) — город в штате Пенсильвания.

- Вы уже побывали на футболе?
- На вашей планете развито страховое дело?
- Что вы думаете об американских женщинах?
- О, не смущай беднягу, Джордж, он думает, что они бессердечные монстры.

– Ну, иногда и я так думаю...

Инопланетянин отвечал медленно, не жалея времени на развернутые и точные ответы. Круговорот вечеринки – и определенная настойчивость Элис – вернули ее к Байрону Мэтьюзу, хотя она и постаралась, чтобы со стороны это выглядело случайностью. На этот раз их разговор дошел до того момента, когда он сказал, с большими колебаниями, чем можно было бы ожидать от перспективного молодого дипломата, и с явным трепетом:

– Я подумал, может, пока я здесь, мы смогли бы как-нибудь встретиться. Э... Ну, знаете, поужинать или еще что.

Элис одарила его своей лучшей улыбкой.

– Это так мило с твоей стороны, Байрон! А может, я и сама смогу накормить тебя как-нибудь вечером? Тебе, наверное, ужасно надоела ресторанная еда.

– Это точно! Ты хочешь сказать, что умеешь готовить так же хорошо, как и учить?

– Еще бы! Мои предки – пенсильванские немцы...

Ее прервал плоский механический голос вольфианина:

– Мистер Мэтьюз, я еще не видел ни одной из ваших школ в действии. Поскольку мисс Вернеке – учительница, могу ли я посмотреть, как она преподает?

– Как насчет этого, Элис? – спросил Мэтьюз.

– О господи, – воскликнула Элис. – Если мистер Станко придет ко мне на урок, это так отвлечет детей, что они не смогут учиться, и он не увидит того, за чем пришел. Не лучше ему отправиться в среднюю школу? Полагаю, ему будет интересно в естественно-учном классе мистера Лорбера.

Это, подумала она, станет уроком для старого козла. У Элис имелись веские причины недолюбливать мистера Лорбера. В прошлом году, когда она занималась преподавательской практикой в школе на Лоулэнд-авеню в Дарбидейле для получения лицензии преподавателя штата Пенсильвания, мистер Лорбер был ее научным руководителем, направленным Университетом, чтобы проверять ее вместе с другими будущими преподавателями, закончившими курс обучения в Университете. Он довел бедную Элис почти до безумия, намекая на то, что она гарантированно получит хорошую оценку, если только предложит ему свою женскую благосклон-

ность. Иначе... Она видела достаточно его самодурства и произвола в отношении студентов-практикантов, чтобы понять, что он имел в виду. Одного юношу-неудачника, которого все остальные считали весьма многообещающим, отстранили в конце первого же дня за то, что мистер Лорбер в рапорте назвал «нематериальные, но веские причины». То, что у него где-то имелась жена, и что такое поведение не одобрялось в консервативном филадельфийском пригороде, его не останавливало.

Элис, однако, намеревалась сохранять свою добродетель, по крайней мере, еще шесть лет, до тех пор, пока ей не исполнилось тридцать. Уже потом, если до того ей не удастся подцепить подходящего мужчину, она на эту тему подумала бы. Поэтому она ловко сдерживала мистера Лорбера, балансируя между покорностью и неповиновением, пока не получила лицензию, и не заполнила имеющуюся вакансию для учителя третьего класса, предложенную директором школы на Лоуленд-авеню, который тоже видел, как она работала во время практики.

Но тот факт, что он больше не в состоянии давить, пользуясь служебным положением, не обескуражил Лорбера. Он все еще преследовал ее телефонными звонками, маленькими подарками и предложениями прогуляться. И хотя он больше не был ее руководителем педагогической практики, он занимал достаточно важную должность в системе образования, чтобы Элис посмела открыто обвинить его.

— Конечно, это будет интересно, — сказал Станко, но упорно продолжал настаивать своим монотонным голосом: — Я по-прежнему хотел бы увидеть начальную школу, в которой преподает госпожа Вернеке. Можно мне ее показать?

Не зная, что делать с такой просьбой, Элис вздрогнула.

— Я не уверена... Я полагаю... О, придумала! Завтра днем у четвероклассников будет постановка «Гензель и Гретель»*. Почему бы тебе не отвести Станко туда? Я поговорю с нашим директором.

Подставлять Инес Рогель, которая преподавала в одном из двух четвертых классов, было грязным трюком, но в этот момент Элис не смогла придумать ничего лучшего.

После того, как Байрон Мэтьюз проводил Элис до дому, она сообщила Инес о предстоящем визите. Соседка по комнате окаменела от ужаса. После тихой истерики она заверила, что все приготовления будут сделаны. Инес была толстушкой с некрасивым лицом,

* «Гензель и Гретель» — трехактная романтическая опера немецкого композитора Энгельberta Хумпердинка (1854-1921).

была старше Элис на десять лет, носила очки с толстыми линзами и имела сексуальную привлекательность газонокосилки. Она, знала Элис, уже давно отказалась от надежды подцепить мужчину. Тем не менее, ее добродетель осталась в неприкословенности – благодаря отсутствию желающих на нее покуситься. Элис иногда воображала, что если бы мистер Лорбер положил глаз на Инес, а не на нее, все были бы счастливы. Или, по крайней мере, счастливее.

Из-за возраста и внешности Инес Элис не приходилось опасаться конкуренции за ее мужчин со стороны Инес. С другой стороны, из-за этого Элис чувствовала себя виноватой и время от времени пыталась устроить для Инес свидание. Ничем хорошим это никогда не заканчивалось.

В конце концов, Инес сказала:

– Но если у сына мистера Уоррена случится припадок, не говори, что я тебя не предупреждала.

ЭЛИС ЖДАЛА уже десять минут, когда в маленьком черном седане Госдепартамента появился Мэтьюз со Станко, сидящим рядом с ним. Мэтьюз объяснил:

– Извини, не мог найти место для парковки. Куда нам теперь?

Элис провела их в зрительный зал, отметив, что Станко, когда приходится идти быстрее, чем позволяют его короткие ноги, упирается костяшками пальцев в землю и использует свои руки как костили.

Зал представлял собой всего лишь большую комнату со сценой с одной стороны и несколькими рядами раскладных стульев, расставленных по полу. Первый из этих рядов теперь занимали ученики четвертого и смежных классов, а два с половиной ряда за ними заполнили матери четвероклассников. На сцене Отец, которого играл темнокожий шестиклассник с прикрепленной к подбородку фальшивой светлой бородой, жалобно пел, что голод – проклятие бедняка, а справа от сцены Инес храбро выбивала из расстроенного школьного пианино посредственную музыку герра Хумпердинка.

Элис ввела гостей, Станко раскачивался на костяшках, как орангутанг. Хотя они вошли тихонько и сели сзади, головы повернулись, и последовали изумленные вздохи и перешептывание со стороны матерей четвероклассников. Поскольку зрительный зал был лишь слегка затемнен, со сцены тоже увидели вновь прибывших. Песня о проклятии бедняка оборвалась, когда Отец замер, не обращая внимания на закулисные подсказки мисс Паскуале, учительницы другого четвертого класса. Потом Отец подошел к кулисам,

где заговорил с невидимой мисс Паскуале. Его сценический шепот услышал и зрительный зал:

- Мне страшно. Не могу петь, когда он смотрит на меня.
- О господи! – выдохнула Элис.

Мистер Мэтьюз смотрел серьезно. Когда Отец попытался удрать со сцены, появилась рука мисс Паскуале, ухватившая его, и послышалась угроза мисс Паскуале настучать ему по голове, чего, конечно же, не найти ни в одном официальном руководстве по воспитанию детей. Тем временем девочка, игравшая Мать, схватила Отца за шиворот, пытаясь затащить обратно на центр сцены.

Станко сидел, наблюдая за этой кутерьмой своими глазами, похожими на большие драгоценные камни. Когда попытки Отца покинуть сцену, а мисс Паскуале остановить его, стали все больше походить на гимнастическое представление, Станко спросил, понизив голос:

- Что-то не так?
 - Вы, кажется, немного его напугали, – сказала Элис.
- Станко встал на ноги-пеньки, и сказал своим плоским голосом:
- Не тревожьтесь, я просто изучаю ваши племенные обряды. Пожалуйста, продолжайте.

Звук нечеловеческого голоса, казалось, оказал на Отца большее воздействие, чем угрозы мисс Паскуале или ее попытки физического принуждения. Отец позволил, чтобы его с одной стороны вытянули, с другой вытолкали обратно на центр сцены, где он и завершил дрожащим голосом свою арию. После этого опера ковыляя еще три четверти часа без серьезных происшествий, за исключением того случая, когда Ведьму настолько смущил внимательный взгляд Станко, что она шагнула мимо сцены и упала.

Когда все закончилось, поднялись занавески на окнах, впуская свет. Матери хорошо рассмотрели Станко и успели пропустить прочь, не задержавшись даже для обмена приветствиями и сплетнями. Мисс Паскуале и Инес Рогель, в сопровождении мисс Халлоран, директора, вышли поприветствовать посетителей, хотя каждая из трех дам, похоже, желала, чтобы эта честь была предоставлена кому другому.

Когда они, наконец, ушли, Элис надела свое пальто, чтобы показать Станко и Мэтьюзу окрестности. Выйдя на улицу, мистер Мэтьюз, несмотря на то, что был прохладный октябрьский день, вытер лоб носовым платком и предложил зайти в ближайшую аптеку-кофейню, чтобы выпить чашечку кофе. В аптеке он сказал, даже более нерешительно, чем когда приглашал накануне вечером на свидание:

— Элис, Кстахо хочет сделать еще одно... э... предложение.

— Да? — сказала Элис с теми же чувствами, какие испытывают утопающие.

— Да, — сказал Станко. — Я изучал ваши социальные обычай, в частности обычай свиданий, практикуемый вашими молодыми людьми. Когда я прижал мистера Мэттьюза, он признался, что намеревается провести этот обряд с вами, мисс Вернеке.

Элис посмотрела на Мэттьюза, лицо которого имело слишком несчастный, сконфуженный и застенчивый вид даже для свежеиспеченного дипломата.

Станко продолжил:

— Поэтому мне показалось, поучительней всего будет, если вы сможете отправиться на такое свидание со мной в качестве наблюдателя. Вы бы делали все то же и ходили бы во все те места, куда пошли бы без меня; просто притворитесь, что меня не существует.

— Да я никогда... — пылко начала Элис, но Мэттьюс нежно ухватил ее за запястье.

— Пожалуйста, Элис, — сказал он. — Это важно.

— Ну... Ладно, — сказала она.

В конце концов, свидание с Байроном Мэттьюзом, даже в присутствии такого необычного сопровождающего, вероятно, окажется занятнее, чем свидание с Джоном или Эдвардом.

— Как насчет кино? — сказал Мэттьюз, и все согласились.

Когда Элис вернулась домой, зазвонил телефон, на линии был Байрон Мэттьюз. Он сказал:

— Я ужасно сожалею, Элис...

— О чём сожалеешь?

— Ну, о сегодняшнем вечере. В смысле, не то, чтобы я не хотел приглашать тебя куда-нибудь...

— На минуту я была ошарашена, — сказала Элис.

— Ну, хм, видишь ли, при нормальных обстоятельствах... Но приходится подыгрывать этому «Станочку», иначе будет плохо не только для меня, но и для страны, а может быть и для всего мира. На самом деле вольфиане очень горды, чувствительны и эмоциональны...

— Эти черепахи без панциря? — воскликнула Элис.

— Да, веришь ты или нет. Они даже могут покончить с собой, если посчитают себя оскорбленными.

— Боже мой! Совсем не в духе личностей, отправившихся исследовать вселенную, где они могут столкнуться с любым отношением к себе...

— Однако это так. Станко сказал мне, что они уже потеряли трех членов своей группы, совершивших самоубийства. Еще до того, как они высадились на Земле. Так что, сама понимаешь... Но у нас еще будет настоящее свидание, сразу, как только мы сможем избавиться от надзора Станко. Увидимся вечером.

ВЕСЬ ВЕЧЕР Элис как нельзя лучше общалась с Байроном Мэттьюзом, делая вид, что никакого сопровождающего рядом нет.

После фильма они зашли в ту же аптеку, где Станко съел банановый сплит*, Мэттьюз взял рутбир** с содовой, а Элис, памятую, с одной стороны, о поддержании формы, а с другой стороны, о необходимости получить полноценный ночной сон, чтобы оказаться в состоянии на следующий день отправиться в свою клетку с обезьянками, ограничилась небольшим стаканчиком кока-колы. Отвечая на ее вопросы, Мэттьюз рассказал ей кое-что о внутреннем устройстве Госдепартамента.

— Когда объясняешь ты, — прокомментировала Элис, — он кажется вовсе не таким уж загадочным или грандиозным. Просто еще одно правительственные учреждение, запутавшееся в своей собственной бюрократической волоките, вроде системы государственных школ Дарбидейла. Я всегда воображала, что люди из Госдепартамента, носящие брюки в серую и черную полоску, лихорадочно бегают с портфелями, полными бесценных бумаг и то и дело уворачиваются от шпионов.

— Так думают многие люди. Но полосатые брюки — всего лишь наша рабочая одежда, вроде униформы лифтера. А последние пять лет я прикован к столу в Вашингтоне, где заполняю бесчисленные формы в шести экземплярах и покупаю билеты на самолет для важных шишек, и большинство из них оказываются обычными людьми, среди которых обычный процент гнилья, — он с хлюпаньем втянул через соломинку остатки рутбира. — Но в будущем я ожидаю большего разнообразия. Я подал заявку на перевод во внешнеполитическое ведомство. Хочешь еще что-нибудь? Можешь заказать что угодно, Дядя Сэм заплатит.

— Думаю, мне лучше быть милосердной к налогоплательщикам, — сказала Элис, мысленно добавив «и к своей талии».

* Банановый сплит (англ. *Banana split*) — разрезанный вдоль банан с мороженым, сбитыми сливками, орехами и т.п.

** Корневое пиво, или рутбир (англ. *Root beer*), или сарсапарилла — газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева сассафрас, бывает алкогольным и безалкогольным.

Когда Мэтьюз пожелал ей доброй ночи, и они пожали друг другу руки, Станко, наблюдавший за ними, сказал:

– Из того, что я прочитал и увидел в ваших фильмах, я понял, что в этой стране молодые люди, пришедшие на свидание, обычно перед расставанием целуются.

– А? – сказал Мэтьюз.

– Разве нет?

– Иногда, – сказала Элис.

– А иногда и не только целуются, – сказал Мэтьюз. – Но так как этот обычай, о котором вы говорите, является... э... личным и сентиментальным ритуалом, не думаю, что сейчас подходящее время...

В темноте Элис не могла увидеть, покраснел ли Мэтьюз, но его голос определенно звучал так, как будто бы покраснел. Станко сказал:

– Тем не менее, я бы хотел, чтобы вы оказали мне такую любезность. В противном случае мои наблюдения не будут полными. Притворитесь, что меня здесь нет.

Мэтьюз сдавленно ругнулся, а потом протянул к ней объятья.

– Если уж все равно краснеть...

Элис подавила смешок и обняла его. Ее целовали достаточно, чтобы она узнала, что если у партнера нет неприятного запаха изо рта, заячьей губы или густой бороды, то разница между поцелуями разных мужчин отнюдь не является астрономической. Однако она с удовольствием обнаружила, что Байрон Мэтьюз целовался умело, как, безусловно, и подобало мужчине его возраста и предполагаемого опыта. Перед тем, как они разжали объятья, он прошептал:

– Как только я смогу избавиться от Станка, я снова буду рядом для большего!

Погруженная в думы, Элис вошла в свою квартиру. Последняя фраза прозвучала несколько двусмысленно. Возможно, получить Станко в качестве сопровождающего оказалось неплохой идеей. Если замечание Байрона Мэтьюза про «большее» имело тот же смысл, что и у мистера Лорбера, то присутствие инопланетянина, по крайней мере, не дало свиданию превратиться в борцовскую схватку, как то иногда случалось на свиданиях с молодыми людьми, руки которых, казалось, обладали неконтролируемым исследовательским желанием.

В случае с Мэтьюзом она даже не была уверена в своих силах защититься от того, кого считала столь привлекательным. Она укрепила свою решимость, вспомнив последнее предупреждение своей матери: «Ах, Элис, запомни – каждый раз, когда ты решишь, что больше не хочешь быть хорошей дефочкой, подумай о том, что ни-

когда не подцепишь мужчину, отдаф ему бесплатно то, что он хочет получить и ради чего готов жениться на тебе!»

На следующий день Элис Вернеке у себя дома проверяла тетради, когда зазвонил телефон. Ее сердце подпрыгнуло при звуке голоса Байрона Мэтьюза, а потом упало, когда она поняла, каким убитым тоном он говорит.

– Элис, – сказал он, – знаешь что?

– Что?

– Станочек... Прошу прощения, Представитель по вопросам культуры Кстахо хочет пойти с тобой на свидание!

– Ты имеешь в виду – как прошлым вечером?

– Нет! Он хочет пойти сам. Я не приду даже в качестве сопровождающего.

– Ой-ой! – сказала Элис.

– Точно, ой-ой.

– Что за дурацкая идея?

– Он довольно двусмысленно рассуждал на тему, что, мол, для понимания наших культурных паттернов он должен быть вовлечен в нашу повседневную активность настолько, насколько позволяют наши видовые различия.

– Надеюсь, эти различия не дадут позволить ему слишком многое. Что за свидание у него на уме?

– Он чертовски хочет взять тебя на футбольный матч; слышал, как мужчины на вечеринке у Гриров разговаривали об этом. Погляжу, я могу использовать свои связи с Госдепом, чтобы достать тебе пару билетов на игру «Пенсильвания» – «Армия»...

– У меня есть идея получше. Школа Дарбидейла играет завтра со школой Лансдауна. Это будет не слишком захватывающая игра, но для него не будет особой разницы, и там легко получить места, а я предпочитаю, чтобы на меня смотрела пара сотен человек, а не полсотни тысяч. Или, может, ты сумеешь убедить его остаться у Гриров и посмотреть хорошую игру по их телевизору?

– Нет, я пробовал. Он позвонит тебе завтра в два тридцать. Элис?

– Да?

– Черт возьми, я и сам собирался пригласить тебя на свидание сегодня вечером, но мне нужно написать отчет, его требует заместитель министра.

– Ох, – сказала Элис. – Мне очень жаль. Но у меня и у самой есть тетради, которые нужно проверить.

Назавтра после полудня Станко приехал на такси. После поездки в среднюю школу Лансдауна, омраченную склонностью водителя поворачивать голову, чтобы пялиться на Станко, вместо того, чтобы

смотреть на дорогу, они вышли из машины и вместе с толпой отправились на стадион. На поле разминались школьные команды, а Станко с Элис искали места, когда раздался знакомый голос:

— Привет, Элис!

Это был мистер Лорбер, с пледом, висящим на руке, и трубкой в рту, совсем не похожий на главного развратника государственных школ округа Делавэр.

— О! — нервно сказала Элис, а потом взяла себя в руки: — Мистер Лорбер, это мистер Станко, с Вольфа триста с чем-то. Мистер Станко, познакомьтесь с мистером Лорбером, который преподает естественные науки в школе Дарбидейла.

— Я слышал много о вольфиянах, — сказал мистер Лорбер. — Вы стали футбольным фанатом?

— Так как я еще не видел игры, — рассудительно сказал Станко, — я не могу сказать, приобрету ли я фанатичную преданность этому спорту или нет. Может быть, вы окажете любезность и объясните правила?

— Конечно, конечно, — сказал мистер Лорбер, и прошествовал с Элис и Станко к свободным местам на трибуне.

Следующие два часа Станко и Лорбер почти полностью игнорировали Элис. Похоже, они отлично поладили. Учитывая личности своих ухажеров, Элис тихо радовалась, и пыталась вести себя так, словно оказалась с ними по чистой случайности.

Лорбер не только объяснял нюансы футбола, но даже накинул плед на плечи Станко, когда тот замерз. Лорбер знал многое, чего не знала Элис, и что интересовало Станко.

— Я, — сказал Станко, — однажды попробовал ваш любопытный обычай дышать дымом и чуть не задохнулся. Скажите, как возник этот обычай и каково его культурное или ритуальное значение?

Лорбер завел рассказ о трубке мира североамериканских индейцев, кубинских сигарах и сигаретах ацтеков. Вольфияне, решила Элис, плохо разбираются в людях.

Когда Лансдаун разгромил Дарбидейл со счетом 55:36, мистер Лорбер встал, забрал плед и сказал:

— Это был совершенно замечательный день. Увидимся, Элис.

Последнюю фразу он произнес с акцентом, заставившим Элис подумать, что скорее его, а не Станко, следует называть вольфиянином.

Станко с помощью рук-костылей добрался до бордюра, где всю игру их дожидалось такси. Счет, подумала Элис, должен оказаться фантастическим, но правительство, вероятно, оплатит и его тоже.

Когда Станко подвинулся, чтобы дать место усаживающейся в такси Элис, он сказал:

— Я надеюсь, что не покажусь вам слишком торопливым, если попрошу вас о новом свидании, мисс Вернеке? Я прошу вас сопровождать меня на ужин в «Бельвю-Стратфорд»* этим вечером. Вы согласны?

Поужинать и потанцевать в «Бельвю-Стратфорде» было мечтой Элис с тех пор, как она поселилась в пригороде Филадельфии. К сожалению, ни Джон, ни Эдвард, ни кто-либо из ее случайных знакомых не могли себе этого позволить, а мистер Лорбер хотя и мог бы взять ее с собой, но тут уже она не хотела встречаться с ним ни при каких обстоятельствах. С другой стороны, она посчитала, что лучше бы вообще никогда не приближаться к гостинице, чем приходить туда со Станко. Но, учитывая то, что сказал Байрон Мэтьюз, Элис не смела отказать инопланетянину в свидании...

— Я не могу ответить прямо сейчас, — она решила выиграть время. — У меня на сегодняшний вечер уже практически назначено свидание.

— О?

— Да-да! Позвольте мне отправиться домой и проверить, мне все равно придется переодеться. А потом позвоните мне.

Как только Элис вошла в свою квартиру, она ринулась к телефону, заставив Инес воскликнуть:

— Эй, что происходит?

Игнорируя соседку, Элис набрала номер гостиницы в Суортморе и позвала Байрона Мэтьюза.

— Байрон, — завопила она, — этот твой грязный черепах хочет снова пригласить меня на свидание сегодня вечером!

— Черт! — рявкнул Мэтьюз. — Большую часть вчерашнего вечера я работал над докладом, чтобы самому пригласить тебя вечером на свидание, хотя хотел в любом случае предупредить заранее.

— Тогда не могли бы мы просто притвориться...

— Нет! Дорогая, ты и не представляешь, как это важно. Если Станочек захочет чего-то, что не будет связано с физическими унижениями — позволяй ему настолько много, насколько посчитаешь приличным.

— Вот как. Это правда? Насчет важности, я имею в виду. Или ты пытаешься...

* Бельвю-Стратфорд (англ. *Bellevue-Stratford Hotel*) — отель в Филадельфии.

— Правда! — громыхнула телефонная трубка. — Ты чертовски права, это правда. Выслушай меня. Вольфиане ведут себя достаточно дружелюбно и честно, и, может быть, они нормальные ребята. Но, понимаешь, никто еще не побывал на их проклятой планете, чтобы в этом убедиться. А они такие же умные, как и мы — по крайней мере. Так что очень важно оставаться с ними в хороших отношениях, пока мы не выясним, что они задумали.

— Ты имеешь в виду, что я вроде как ключевая фигура в межпланетной политике?

— Пока что да. Так что надевай длинное платье и отправляйся со Станко. Если он хочет показать себя богатым черепахом-повесой, помоги ему в этом.

— Но я в безопасности? Если на самом деле вы мало что знаете об этих существах...

— Ты будешь в такой безопасности, какую только сможет тебе обеспечить Департамент. Ты не заметила, что за вами весь день следили несколько человек из ФБР, не так ли?

— Н-нет.

— Тогда все в порядке. Если представитель по вопросам культуры начнет приставать, просто крикни.

Элис со вздохом повесила трубку. Очевидно, Байрон был одним из тех возмутительных мужчин, непонятных любой нормальной женщине, которые готовы были принести даже своих женщин в жертву какому-нибудь абстрактному идеалу. Вроде этой ерунды о том, что «Я не любил бы так тебя, не будь мне честь дороже»*.

Элис приняла ванну и накрасилась. Инес, увидевшая, как она любуется в зеркале своими прелестями, кисло заметила:

— Да, ты хорошо выглядишь, особенно без одежды. Но все тратится впустую на твоего друга с Галапагосских островов.

Элис состроила соседке рожицу, отремонтировала повреждения, нанесенные гримасой макияжу, и влезла в лучшее, но не самое лучшее, а занимавшее второе место вечернее платье. Лучшее она приберегла для долгожданного официального свидания с Байроном Мэтьюзом. В назначенное время Станко приехал на том же такси.

В «Бельви» Элис пила свой коктейль и ужинала в угрюмом настроении. Достаточно плохо было уже и то, что все на них глазели, но вдобавок она обнаружила, что Станко, даже если делать скидку на его расу, оказался чудовищно скучен. Несмотря на почти идеальный английский язык, у инопланетянина, похоже, вообще не было

* Из стихотворения «К Лукасте, уходя на войну» Ричарда Лавлейса (англ. Richard Lovelace; 1617-1657).

ни чувства юмора, ни остроумия, ни видимых стремлений, кроме ненасытного желания узнать побольше фактов о Земле. Когда она попыталась вытянуть из Станко что-нибудь о его родной планете, он отделался резкими односложными репликами и вернулся к своим надоедливым расспросам. Его медленный монотонный голос сводил с ума.

Единственным светлым моментом было, когда она услыхала:

– Надеюсь, мисс Вернеке, что вы не обидитесь, если я не приглашу вас танцевать. Я не знаком с этим видом спорта, тем более, что из-за формы моего тела он мне не очень подходит.

– Не переживайте, все хорошо, – совершенно искренне ответила Элис.

В десять вечера Станко посмотрел на свои наручные часы и сказал:

– Насколько я понимаю, в такое время большинство солидных граждан привыкли возвращаться домой и ложиться спать. Верно ли это?

– Да. Подождите, мистер Станко, вы должны оплатить счет.

– Так оно и есть. Эй, *garçon!* Официант! Кстати, мисс Вернеке, я слышал о вашем обычай давать чаевые. Сколько, по-вашему, я должен ему дать?

Элис прикинула на глазок, а потом вышла вместе со Станко. В такси допрос продолжался:

– Теперь, пожалуйста, объясните социальную значимость обычая жевать сгущенный сок дерева саподиллы*. Несмотря на то, что я видел, как многие исполняют это действие, я отмечаю, что в их число не входите ни вы, ни мистер Мэтьюз. Это регулируется законом или как?

Элис отвечала, используя половину мощностей своего сознания, другая половина молча умоляла водителя везти их домой как можно скорее, чтобы избавить ее от этого галактического зануды. Однако на пороге Станко сказал:

– Погодите, мисс Вернеке. Мне нужно кое-что сказать. Для начала, я думаю, нам лучше отказаться от вашего обычая целоваться, который кажется мне совершенно антисанитарным. Вы не возражаете?

– Ни в коем случае!

– Ну, тогда мы переходим к вопросу о нашем следующем свидании. Я думаю, мы можем встретиться завтра. Может быть, снова

* Саподилла (англ. Sapodilla) – вечнозеленое дерево, его сок является основой для жевательной резинки.

ужин и танцы? В одном из тех мест для пиршеств, которые называются ночными клубами?

– Нет, мистер Станко, не получится. В Филадельфии все такие места по воскресеньям закрыты.

– Тогда как насчет театра? У меня создалось впечатление, что это высокоразвитая форма искусства...

– Они тоже закрыты.

– Посмотрим еще один фильм?

– Все хорошие я уже видела.

– А если куда-нибудь отправиться днем? Например, мы могли бы посетить зоосад. Я уже был там, но не пропустил повторить свой визит.

Элис сокрушенно покачала головой.

– На животных у меня аллергия, к тому же каждый день в моем классе я и так вижу кучу обезьянок.

– Прискорбно. Возможно, мы могли бы вместе поплавать. Мы, – тут он воспользовался словом из своего языка, сплошь из носовых гласных и горланных согласных, – хорошо плаваем.

– В октябре? Для нас, обычных людей, сейчас слишком холодно, мистер Станко. Все бассейны осушены.

Элис подозревала, что в районе Филадельфии могут найтись крытые бассейны с подогревом, но не собиралась, упомянув об этом, дать Станко шанс. Межпланетный кризис или нет, но, пока ей удается придумывать отговорки, она не намеревалась соглашаться на новое свидание с представителем по вопросам культуры.

– Понимаю, – сказал Станко, и его чуждо выглядящее тело слегка поникло, словно он опечалился, хотя плоский голос остался безэмоциональным. – Похоже, мы зашли в тупик. Скажите, можно ли считать, что термин «несколько» включает в себя число «два»?

– Какой странный вопрос! Пожалуй, можно, хотя у «несколько» нет определенных ограничений.

– Значит, тогда можно сказать, что у меня было несколько свиданий с вами. Эпизод в четверг вечером, я думаю, мы можем посчитать как половину свидания. Я намеревался провести еще одно, прежде чем сделать предложение...

– Что за предложение? – сказала Элис, по ее спине пробежал тревожный холодок.

– Мое предложение вам, но надолго его откладывать кажется непрактичным, поэтому я решил не так строго соблюдать правила и перейти к делу. Мистер и миссис Грирсы любезно рассказали мне о вашем институте брака. Они объяснили, что в типичном случае мужчина вашей национальности после нескольких свиданий с женщиной, если она ему понравилась настолько, что он хочет жить с

ней, может попросить ее выйти за него замуж. Поскольку я выполнил все эти условия, я прошу вас выйти за меня замуж.

Элис стояла, уставившись на Станко, ее горло несколько секунд отказывалось издавать звуки, пока до нее доходил весь масштаб предложения. Наконец она проскрипела:

– Вы сказали «за... замуж»?

– Да. Уверяю вас, я не всегда так предан своей работе, как во время моих нынешних исследований, когда я должен считать каждую минуту. Вернувшись на Вольф 359-1, вы найдете по мне приятного и нетребовательного компаньона, и будете наслаждаться всеми удобствами и роскошью, к которым вы привыкли в своем собственном мире.

– Но... но... Станко, это *невозможно*!

– Что в этом невозможного? Брак, как я понимаю, – это вопрос подтверждения супружеской парой перед судьей их желания жить совместно во взаимной любви и согласии до конца жизни. Что мешает нам сделать это?

– Это незаконно, ведь вы не являетесь человеком...

– Если ваши судьи выдвинут юридические возражения, капитан нашего корабля сможет провести необходимую церемонию.

– О, нет, о, нет, о, нет. Станко, вы не понимаете.

– И что же я не понимаю?

– В браке заключается гораздо больше, чем вы назвали.

– Правда? Пожалуйста, объясните.

У Элис отнялся язык.

– Ну? Я жду вашего ответа, мисс Вернеке.

Элис, никогда не воспитывавшая собственных детей и не обучавшая подростков, не имела работающей методики ответов на подобные вопросы. Она только и смогла спросить:

– Разве Гриры никогда не говорили о некоторых сторонах нашей жизни?

– Они многое разъяснили, но я не знаю, включало ли это те стороны, которые вы имеете в виду.

– Ну, знаете, о пчелках и цветочках.

У Станко вырвался вольфянский эквивалент вздоха.

– Мисс Вернеке, я пытаюсь следовать за ходом ваших мыслей, но, признаюсь, это нелегко. Зачем бы Грирам читать мне лекции о насекомых или растениях? Они не энтомологи и не ботаники.

У Элис, чувствующей, как в темноте горит ее лицо, не оставалось другого выбора, кроме как объяснить простыми словами, что она имела в виду. Когда она закончила, наступила тишина. Потом Станко сказал:

– Понятно. Мисс Вернеке, я совершил серьезную социальную ошибку, и надеюсь, что вы примете мои заверения в том, что это произошло из-за незнания, а не намерено. По чистой случайности никто не объяснил мне связь между браком и репродуктивным процессом, на который вы намекаете. На Вольфе 359-1 все устроено по-другому. Мужчина там оплодотворяет женщину только раз в жизни. После этого он назначается другой женщине, чтобы прислуживать ей в свободное от работы время. Наши женщины намного больше мужчин – они размером с вашего слона, – имеют совершенно другой облик и им трудно передвигаться. Их к тому же значительно меньше, поэтому к каждой женщине приписано от шестнадцати до двадцати мужчин. И я ошибочно приравнял такую связь к вашему браку.

– Но что заставило вас подумать... – начала Элис слабым голосом, едва не плача.

– Что вы найдете такие отношения приемлемыми? Боюсь, что я судил по своим собственным реакциям. Все началось вскоре после того, как мы приземлились, и коллеги-исследователи обсуждали этот вопрос. Я в шутку сказал, что неплохо бы мне увезти домой земную женщину. Учитывая, что вы ненамного крупнее меня, перспектива выглядела заманчивой. У вас навряд ли получилось бы третировать меня наподобие моей бывшей жены, с которой я развелся, чтобы отправиться в эту экспедицию, оставив ее на попечение остальных мужей.

Элис с трудом поняла, что Станко шутит, но не стала на это реагировать. Он продолжил:

– Другие, как вы можете догадаться, стали подтрунивать по поводу такого хвастливого заявления, пока я не поклялся, что и в самом деле добьюсь своего. Теперь, когда я вижу, что претерпел неудачу и упал в ваших глазах, моих собственных и глазах моих товарищей, мне ничего не остается, кроме как умереть. Я сяду прямо здесь и заставлю себя умереть.

– Ох! – воскликнула Элис. – Не делайте этого!

– Мне жаль, но альтернативы нет. Не беспокойтесь, процесс займет всего час или два, а утром мусорщики унесут мой труп.

– Но... – Элис беспомощно уставилась во тьму, а потом вспомнила об обещанных Байроном Мэтьюзом наблюдателях и закричала: – Помогите! ФБР! Помогите!

– Идем! – ответил голос, сопровождаемый топотом.

Подбежали трое мужчин. Один из них был таксистом, другой – мужчиной, который, как она смутно припомнила, сидел рядом с ними в Бельви-Стратфорде, а третьим оказался Байрон Мэтьюз.

Задыхаясь, обрывочными фразами Элис объясняла, что произошло, показывая на Станко, усевшегося спиной к стене в положении, напоминавшем своеобразную позу из практики йогов. Казалось, он уже почти лишился сознания. Потом всхлипывающая Элис обмякla в объятиях Мэтьюза.

– Ад и проклятье, – сказал он, – этот тип, что, во всем должен меня опередить? Я тоже собирался сделать тебе предложение, только хотел сделать это после еще нескольких свиданий, на которых мы смогли бы получше познакомиться.

– Правда?

– Да. Но теперь остается только одно.

– Что?

– Ты должна выйти за него замуж, раз уж он этого хочет.

Элис, едва веря своим ушам, вырвалась из рук Мэтьюза.

– Байрон Мэтьюз, ты с ума сошел?

– Хотел бы... Но мы не можем позволить ему довести себя до смерти, пока мы за него отвечаем. Иначе может получиться божество какой межпланетный кризис.

– Ты соображаешь, что говоришь? Отправиться на другой конец Вселенной с этим... – Элис чуть было не добавила «грязным черепахом», но решила, что такой эпитет только усугубит дело.

– Соображаю, – мрачно сказал Мэтьюз. – Я бы и сам с радостью вышел за него замуж. Но...

– Но если ты собирался сделать мне предложение...

– Не тыкай в больное! – яростно воскликнул он. – Я люблю тебя. Точно. Люблю. Но у меня еще есть долг перед моей страной и моим миром. Банально, не так ли?

– Ты хочешь сказать, что и на самом деле хочешь, чтобы я...

– Кто сказал «хочу»? Лучше мне умереть, как он. Но я знаю, что я должен делать, когда я должен это делать. Давай, скажи ему, что согласна.

– Байрон Мэтьюз, я больше никогда тебя не увижу. За то, что ты меня уговариваешь на такое, я больше никогда с тобой не заговорю.

– Окей, у тебя, наверное, и не будет возможности. Понимаю, что ты чувствуешь. Но соглашайся. Это твой долг.

– Эй, – раздался голос Инес, – что все это значит? Все в порядке, Элис? Я слышала, как ты кричала.

– Все не в порядке, – сказала Элис, – но я не знаю, чем ты можешь помочь. Инес, это мистер Мэтьюз из Госдепартамента и пара джентльменов из ФБР. Это мисс Рогель. Мистера Станко ты знаешь.

— ФБР? — спросила Инес. От света, льющегося на крыльцо из маленькой квартиры, ее очки сверкнули. — Что случилось? А что с мистером Станко? У него заболел живот?

Элис быстро объяснила.

— О, — сказала Инес. — Дайте-ка мне подумать. Мистер Станко!

— Да? — сказал вольфианин.

— Можно ли сказать, что с вашей точки зрения мы с мисс Вернеке примерно одинаково привлекательны?

— По правде говоря, так оно и есть. Пожалуй, у вас даже есть некоторые преимущества, потому что вы больше походите на вольфианку.

— Тогда неважно, какую именно человеческую женщину вы уверены с собой, правда?

— Да, хотя, естественно, некоторые могут оказаться более приятными спутниками, чем другие. Это, однако, то, что может быть определено только опытным путем. Что вы задумали?

— Почему бы вам не взять меня вместо Элис?

Элис поперхнулась.

— Ты точно сошла с ума, Инес. Я не могу позволить тебе пожертвовать собой ради меня.

— Я вполне нормальна. Я просто типичная старая дева и школьная учительница, и я знаю это так же хорошо, как и ты. А вот если я отправлюсь со Станко, то стану первой женщиной на Вольфе 359-1 и получу кучу всевозможных интересных впечатлений. Может быть, я произведу революцию в их системе образования. Ну так как, Станчик?

— Я с удовольствием принимаю ваше предложение, — сказал Станко.

— Но, Инес... — начала Элис.

— Но — ничего. Я вольная птица и поступаю так, как хочу. Загляни завтра, Станчик, и мы все уладим.

— Спасибо, я так и сделаю, — Станко встал и заковылял к такси.

— Элис, — сказал Мэтьюз, потянувшись к ней.

— Уходи! — сказала она, пытаясь сдержать очередной поток слез.

— Я все равно не хочу тебя больше видеть! После того, как ты пытались заставить меня...

— Но я по-прежнему люблю тебя...

— А я по-прежнему тебя ненавижу!

Звуки шагов Мэтьюза, пошедшего вслед за Станко и парнями из ФБР, удалялись.

— Мне кажется, — сказала Инес, — что получив шанс подцепить такого хорошего человека, как Байрон, ты по-дурацки его упускаешь. Будь я на твоем месте...

— Ох, заткнись! — сказала Элис сквозь безудержно льющиеся слезы.

— Кстати, звонил старый козел Лорбер. У него имеется пара билетов на вечерний концерт в следующую пятницу...

— Ой! — сказала Элис.

Перед ее мысленным взором внезапно предстала картина, как ей придется жить без Байрона Мэтьюза: управляться с целым классом мелких негодников, отбиваться от Лорбера, пытаться вытерпеть тупого Джона и беспомощного Эдварда, хвататься за приглашения на такие вечеринки, как у Гриров, надеясь встретить кого-нибудь достойного, чтобы...

— Байрон! — окликнула она.

Он вернулся бегом, а Инес тактично удалилась в квартиру. Когда объятья и примирение закончились, и они обменялись клятвами, Мэтьюз сказал:

— У меня не было возможности сказать тебе, но мой перевод во внешнеполитическое ведомство состоялся сегодня утром, и на должность повыше.

— Замечательно! Мне все равно, куда тебя отправят, я готова поехать с тобой хоть на край света!

— Шикарно! Именно такая жена и нужна дипломату.

— Только надеюсь, что никогда снова не увижу Станко или любого другого вольфианина.

— Я в этом не уверен. Во внешнеполитическом ведомстве создан новый Внеземной департамент, и я должен стать первым секретарем нашего нового посольства на Вольфе 359-1, как только оно... Эй!

Он попытался подхватить Элис.

— Нет, я не упаду в обморок, — сказала Элис. — Это просто от неожиданности. Но я справлюсь. В конце концов, Байрон, дорогой, у тебя ведь есть одно несомненное преимущество перед Станко, не так ли?

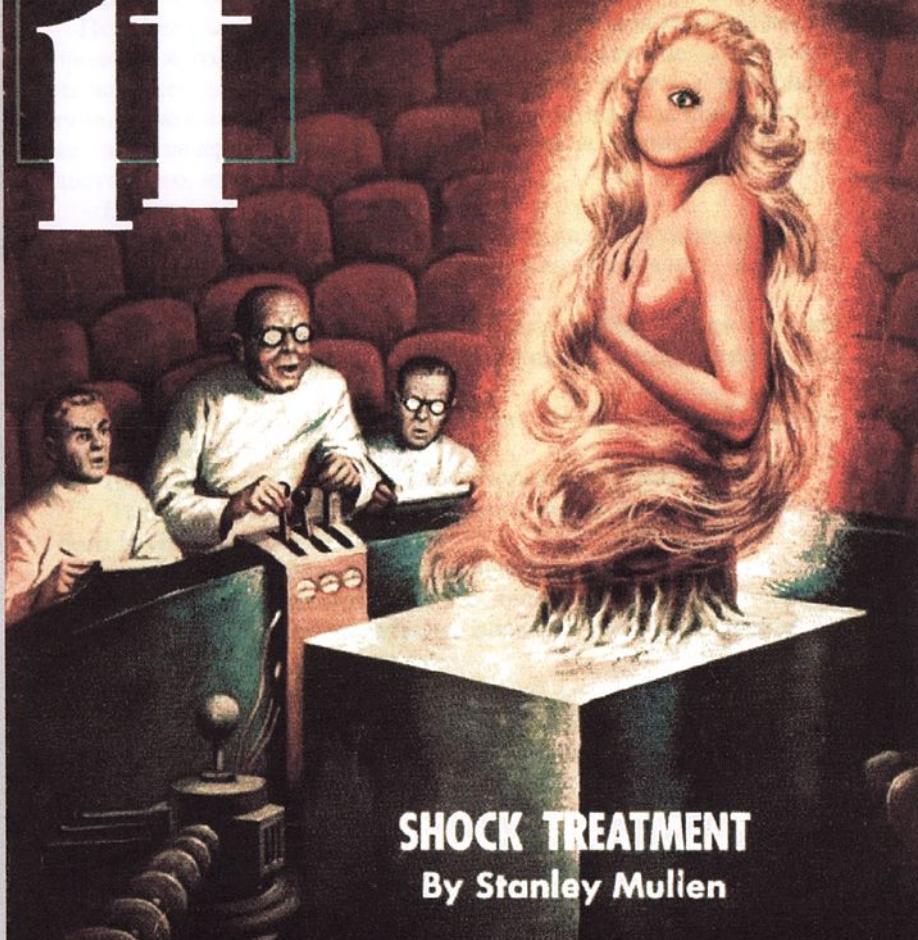
Proposal (Startling Stories, November 1952), пер. Борис Толстиков.

WORLDS OF SCIENCE FICTION

SEPTEMBER 1952

35 cents

if

SHOCK TREATMENT
By Stanley Mulien

Also ROBERT MOORE WILLIAMS • CHARLES BEAUMONT
L. SPRAGUE DE CAMP • ALAN L. NOURSE • L. MAJOR WILLIAMS

КОСМИЧЕСКАЯ КЛАУЗУЛА*

ДОКТОР Матео Марко Лопе Агирре Малария, выдающийся юрист, сидел за столом в баре Ассамблейных Кварталов и рыдал, роняя слезы в свой ром.

Эти Кварталы принадлежали Конституционной Ассамблее Все-мирного Правительства и состояли из набора бетонных камер глубоко под землей в долине Роны. Помещения поспешило переоборудовали из бывшей Главной Штаб-квартиры Соединенных Цивилизованных Государств, обычно именуемой ГЛАШК. Ассамблея проходила в этом бронированном лабиринте во-первых, потому, что большинство крупных городов Земли пострадали во время войны, и в них не хватало помещений – если вообще какие-то оставались; во-вторых, потому, что война еще не вполне закончилась.

Журналист по имени Дагоберт Хек сел за тот же стол и спросил:

– Почему вы плачете, доктор Агирре?

– Мой друг, – сказал Агирре, – я плачу, потому что мы идем не по тому пути. И снова мы не ухватились за возможности, которые следовало бы предвидеть.

– Ну, не знаю, – сказал Дагоберт Хек. – Учитывая, через что мир прошел в последнее время, когда большинство городов сравняли с землей, а полмиллиарда людей, их населявшие, разлетелись на мелкие кусочки, я думаю, что у нас дела идут лучше, чем можно было бы ожидать. Мы добились большего по сравнению с Организацией Объединенных Наций, как и Организация Объединенных Наций добилась большего по сравнению с Лигой Наций. Новое Мировое Правительство будет иметь избранный напрямую законодательный орган, право на налогообложение и единственную в мире армию. Десять лет назад все бы сказали, что это утопия и пустые фантазии. Зачем же грустить?

– Потому что эти узколобые типы, так называемые государственные деятели, не могут заглянуть за ограниченные пределы их собственной планеты!

– А, так вы имеете в виду «Космическую клаузулу». – Хек закрыл глаза и процитировал начало этого спорного пункта по памяти:

* Клаузула (англ. clause) – в юриспруденции особое положение или дополнение, прилагаемое к правовому документу.

«Герусия* будет иметь исключительное право представлять народы Земли во взаимоотношениях с внеземными формами жизни, если будут обнаружены какие-либо из них; ограничивать, регулировать и запрещать взаимоотношения между народами Земли и такими формами жизни; ограничивать, регулировать и запрещать передвижение людей и предметов между Землей и другими небесными телами...» Ну, это, вероятно, не жизненно важно. Мы побывали на Луне и не нашли ничего, кроме каких-то вирусов, да и на других планетах условия для жизни тоже не выглядят многообещающими.

— Именно так и заявил этот дурак Карстейрс-Браун!

Агирре процитировал, подражая британскому делегату:

— «В самом деле, знаете ли, не стало бы правительство Ее Величества выглядеть несколько глупо, если бы оно приготовилось поприветствовать марсиан, а оказалось бы, что их нет». Все они забывают, что Солнце – не единственная звезда во Вселенной.

Хек сочувственно кивнул, а Агирре продолжал:

— А другие, я полагаю, надеются, отказавшись от клаузулы, продолжать националистическую и империалистическую политику, если не на Земле, то где-нибудь вне ее.

— Послушайте, а вы уверены, что тот факт, что вы являетесь автором этого пункта, не влияет на пристрастность ваших суждений?

— Сэр, я всегда сужу беспристрастно! — Агирре продолжил, понизив голос: — Исключая, возможно, те случаи, когда это касается жизни.

— Что вы имеете в виду?

— Вы ведь знаете про моего славного вождя?

Хек кивнул. Вождем Агирре был Хуан Серафин де ла Торре Бароха, президент Андской Федерации, нового политического образования, которое в общей суматохе третьей мировой войны возникло на месте нескольких государств западной части Южной Америки. Не удовольствовавшись тем, что он стал пожизненным президентом в Андах, ла Торре назначил себя главой андской делегации на Ассамблею, чтобы иметь возможность сунуть свой палец в свежеиспеченный конституционный пирог.

— Ну, — сказал Агирре, — он, как вы знаете, человек с огромным чувством собственного достоинства. Я... э... как говорится у вас, подал ему эту идею о космической клаузуле, в результате чего андская делегация всецело за нее, а сам он выступал с речами в ее под-

* Герусия (др.-греч. γέρουσία от γέρων «старец, старейшина») – в Древней Греции совет старейшин, в городах-государствах преимущественно аристократического устройства; рассматривал важные государственные дела, подлежащие затем обсуждению в народном собрании.

держку. Теперь, если клаузула не будет принята, он решит, что его честь претерпела урон. И поскольку он не сможет сорвать злость на Карстейрсе-Брауне и других скептиках, он сорвет ее на мне.

— Что он сделает? Уволит?

— Если бы только это! Разве вы не слышали, как он перед тем, как отправиться на эту Ассамблею, расстрелял четырнадцать политических оппонентов без суда и следствия?

— Вроде бы слышал. И при этом он называет себя великим демократическим освободителем?

— Ох, но он такой и есть! Вспомните о том, что он сделал для народа — бесплатные парады, дополнительные праздники для того, чтобы люди послушали его речи, и многое другое! Но расстрелянных его публично критиковали. Естественно, он не мог стерпеть таких поношений, иначе народ усомнился бы в его мужественности и избавился бы от него. Нужно заставить себя уважать, так или иначе. Но это, увы, не спасет *мою* шею.

— Жаль, — сказал Дагоберт Хек. — Вы, андцы, безусловно, сделали все, что только могли, чтобы протолкнуть клаузулу. Но без приземлившегося космического корабля, набитого маленькими зелеными человечками со щупальцами вместо рук... Эй! — Хек нахмурился, уставившись в свой стакан. — У меня появилась идея. В Индии у меня есть старый друг, Дик Нуджент. Мы с ним работали в «Уорлд Телеграм Сан», но он ушел на пенсию несколько лет назад и решил стать йогом. Может быть... Скажите, когда эта клаузула выносится на окончательное голосование?

— Завтра, если собрание пойдет по расписанию.

Хек глянул на свои часы.

— Извините, пора. Думаю, я смогу устроить.

— Устроить что? — спросил Агирре.

Но Дагоберт Хек уже ушел.

МАЙРОН КАЛИШ, американский госсекретарь, в следующий полдень стал очередным председателем Ассамблеи. За его непримечательным внешним видом скрывался груз опасений, под которым подкосились бы его ноги, будь он человеком послабее. Главным же из них было то, что после всех его трудов и страданий Сенат Соединенных Штатов всадит ему в спину длинный острый нож, отказавшись ратифицировать новую Конституцию. Сенаторы со Среднего Запада уже зловеще поговаривали о том, что «отдаются права, за

которые наши мальчики сражались и умирали в Вэлли-Фордж^{*}, Антиетаме^{**}, Шато-Тье^{***}, Мидуэ^{****} и Тегеране...»

Тем не менее, Калиш приготовился призвать собрание к порядку. К счастью, Руководящему комитету должно было хватить трех дней для завершения работы. Большинство условий и положений документа были уже согласованы. Остались только спорные вопросы о том, какую власть, если таковое вообще возможно, должно иметь Мировое правительство в вопросах тарифов и иммиграции, и еще дурацкая «Космическая клаузула», в принятии которой Хуан де ла Торре выглядел так необъяснимо заинтересованным. Калиш считал этот пункт абсурдным, но не хотел обидеть Ла Торре, который, несмотря на свою сомнительную внутреннюю политику, обеспечил вступление Андской Федерации в войну на стороне Соединенных Штатов.

Калиш уже открыл было рот, чтобы начать речь, когда его остановил взгляд посыльного, спешащего к трибуне. Сообщение должно быть, очень срочное, иначе во время заседания охранники никогда бы не пропустили посыльного.

Посыльный подошел прямо к месту председательствующего и передал стопку радиограмм Калишу, который рассеянно сказал «Спасибо», и посмотрел на бланки. Мальчик пробормотал «*Bienvenu, monsieur******» и ушел.

Прочитав, Калиш судорожно сглотнул. Сообщение оказалось одной длинной радиограммой, вместившейся только на полудюжине стандартных бланков. Наконец, он положил радиограмму и заговорил в микрофон:

– Заседание объявляется открытым. Первый пункт повестки дня – так называемая «Космическая клаузула», предложенная делегацией Андской Федерации. Планировалось завершить обсуждение

* Вэлли-Фордж (англ. Valley Forge) – поселок на юго-востоке штата Пенсильвания. Зимовка в Вэлли-Фордже стала символом героизма и стойкости борцов за независимость США.

** Антиетам (англ. Antietam) – место самого кровопролитного сражения Гражданской войны в США.

*** Шато-Тье^{***} (фр. Château-Thierry) – коммуна на севере Франции, в 1918 году во время Первой мировой войны союзники нанесли здесь поражение германской армии.

**** Острова Мидуэй (англ. Midway atoll) – атолл в северной части Тихого океана. В середине 1942 года неподалеку от атолла произошла «Битва за Мидуэй», в ходе которой вооруженные силы США уничтожили 4 японских авианосца.

***** Здесь: «К вашим услугам, мсье» (фр.)

аргументов за и против этой клаузулы и проголосовать по ней сегодня во второй половине дня. Однако ко мне только что поступили новости, которые, в случае их подтверждения, имеют столь большое значение для принятия этого пункта, что, думаю, мне следует ознакомить с ними собрание. Это сообщение агентства «Рейтер» из Индии, город Дарджилинг. В сообщении содержится следующее:

Пятое ноября. Объект, предположительно являющейся космическим кораблем внеземного происхождения, приземлился вчера в восточном Непинге, недалеко от границы с Тибетом в окрестностях города Кишангандж. Судя по первым сообщениям, экипаж корабля – двуногие существа зеленого цвета ростом в девять футов и с щупальцами вместо рук. Они уверяют, что прибыли с дружескими намерениями.*

*Прибытие гостей из космоса подтверждается рядом свидетелей из Сиккима**, над которым корабль медленно летел в поисках места для посадки. Ввиду огромной важности этого события, как доказывающего существование разумной внеземной жизни, так и имеющего отношение к политической организации мира, правительство Непинга отказалось от своего обычного запрета на въезд иностранцев в страну и позволило квалифицированным специалистам и должностным лицам индийского правительства провести изыскания в отношении гостей для решения проблем, связанных с этим фактом. Как экспрессивно выразился премьер-министр Непинга Раджендрачандрамоханан в телефонном разговоре с Дарджилингом: «Бога ради, господа, немедленно присылайте мудрых людей, способных справиться с этим потрясающим происшествием. У нас в Непинге нет достаточно квалифицированных специалистов».*

В ожидании прибытия официальной миссии индийского правительства, намеревающейся поприветствовать гостей от имени народов Земли, Ричард Нуджент, американский журналист на пенсии, проживающий в Дарджилинге, пересек границу с Непингом и отправился в дикие места, где, как уверяют, приземлился космический корабль...

* Кишангандж (англ. Kishanganj) – город в северо-восточной части штата Бихар, Индия. Автор рассказа поместил его в вымышленное государство Непинг.

** Сикким (англ. Sikkim) – штат на северо-востоке Индии, в Гималаях.

Закончив чтение радиограммы, Калиш снял очки и потер глаза кончиками пальцев. Потом сказал:

— Учитывая важность...

Вильгельм Фойер из немецкой делегации поднял руку, привлекая вниманием. Когда это у него получилось, он сказал:

— Все это весьма впечатляет, господин председатель, но давайте не будем поддаваться эмоциям. Мне кажется, что посадка космического корабля как раз тогда, когда рассматривается так называемая «Космическая клаузула» — просто слишком идеальное совпадение, чтобы в нем можно было поверить. Во всяком случае нам, по крайней мере, следует дождаться подтверждения и убедиться, что мы не являемся жертвами обмана.

— Как я уже начал говорить, — сказал Калиш, — учитывая важность этого события, председатель предлагает отложить принятие решения по этому пункту до завтрашнего дня.

За его предложение проголосовали единогласно, и до конца этого заседания Ассамблея занималась долгими спорами по тарифам.

КОГДА ЗАСЕДАНИЕ завершилось, члены собрались вокруг газетного киоска. К тому времени в газетах появилась не только зачитанное Калишем сообщение агентства «Рейтер», но и подтверждающее ее сообщение от «Ассошиэйтед Пресс», содержащее дополнительную информацию.

Ричард Нуджент радиорвал, сообщалось там, что он добрался до космического корабля и встретился с инопланетянами, которые привезли сложную лингвистическую аппаратуру, книжки с картинками и тому подобное оборудование, способное дать им возможность установить контакт с землянами. Поступление дополнительной информации была обещано в ближайшем будущем.

Матео Марко Лопе Агирре Малария оторвал взгляд от своей газеты и оглянулся со спокойной, но торжествующей улыбкой. Ему показалось, что другие делегаты с новыми и серьезными чувствами смотрят друг на друга. Когда он поставил вопрос о «Космической клаузуле», одни посчитали ее нелепой, потому что не наблюдалось никаких разумных инопланетян; другие предпочли отодвинуть рассмотрение этого малосущественного вопроса на будущее, рассчитывая на внесение поправок в Конституцию, когда и если будут обнаружены цивилизованные инопланетяне. Теперь, когда делегаты столкнулись с реальными инопланетянами, мелкие национальные споры, породившие столько высокопарных речей и обид, казались незначительными.

На следующее утро в газетах появилось еще больше информации. Бешено работавший Нуджент начал общаться с инопланетянами. Они ему сообщили, что прибыли с планеты маленькой звезды Росс 154*. Размытая радиофотография, которую Нуджент отправил своим портативным передатчиком в Дарджилинг, разошлась по всему миру. На ней было изображение лысого человека, стоящего между двумя высокими существами, напоминавшими результат попытки умственно отсталого ребенка вылепить из пластилина фигуруку человека. Индийцы уже прилетели в Дарджилинг и на следующий день планировали вылететь на вертолете к космическому кораблю с телевизионной камерой.

На дневном заседании Агирре готовился к дискуссии. Но дискуссия так и не началась. Наоборот, один из его самых яростных критиков, Джейкоб Атта из Нигерии, встал, чтобы заявить:

— В прошлом я был против этого пункта, однако события последних двадцати четырех часов изменили мое мнение. Даже если приземление этого космического корабля окажется мистификацией, теперь я считаю целесообразным иметь такой пункт в Конституции, на всякий случай.

После некоторых споров по поводу толкования слова «взаимоотношения» Ассамблея приняла «Космическую клаузулу» и перешла к остальным вопросам. Дебаты проходили вяло, мысли всех были далеко — в населенных носорогами джунглях Непинга. Так что председателю, Бреткуну из Литвы, удалось добиться компромиссных решений по тарифам и иммиграции, принятых в тот же день. Больше делать было нечего, оставалось только произносить хвалебные речи, пока Редакционный комитет заканчивал сведение и шлифовку финального проекта. Шейх Аденский выступил с речью на арабском языке, потом последовали выступления делегатов Афганистана, Албании и Алжира, после чего заседание закончилось.

Агирре отдыхал в баре, когда туда вошел его славный вождь и подошел к нему.

— Агирре, — сказал Ла Торре, — мы уезжаем завтра. Ты готов?

— *Carajo***! Почему, вождь?

— Мне сообщили, что против меня готовят заговор, поэтому я должен немедленно вернуться в Анды.

— Но вы пропустите окончательную ратификацию!

* Росс 154 — одиночная звезда в созвездии Стрельца, одна из ближайших к Солнцу (около 9,69 св. лет).

** Испанское ругательство, примерно можно перевести как «Вот дерньмо!»

– Нет, я договорился с Калишем и Карстейрсом-Брауном. Редакционный комитет будет работать всю ночь, а завтра утром представит Конституцию на специальном заседании. Затем я выступлю с речью – за Алжиром по алфавиту следуют Анды, и мы поспешили в аэропорт, как только я закончу. Собирайся.

– Да, да, вождь, конечно.

Так все и произошло.

САМОЛЕТ ЛА ТОРРЕ находился над Венесуэлой, когда по радио пришло известие о том, что прибытие внеземного космического корабля все-таки оказалось мистификацией, совершенной группой журналистов, включавшей Дагоберта Хека и Ричарда Нуджента. Диктор завершил трансляцию на сардонической ноте:

–...делегаты Конституционной Ассамблеи Всемирного Правительства потешаются над прощальной речью, произнесенной сегодня утром сеньором Хуаном де ла Торре Бароха, где он в экстравагантных выражениях похвалялся, что является автором «Космической клаузулы» и претендовал на исключительное получение любых благ, которые могли бы быть появиться на Земле в будущем в результате контактов с другими цивилизованными планетами. Тем не менее, опросы, проведенные в рамках Ассамблеи, показали, что в настоящее время нет намерения отменять «Космическую клаузулу», поскольку это вызвало бы процедурные осложнения и поскольку эта клаузула считается в худшем случае безобидным и забавным казусом...

Агирре осознал, что смотрит в блестящие черные глаза своего вождя. Ла Торре проскружетал:

– Итак! Моя честь была оскорблена! И кто в этом виноват? Кто заставил меня поддержать эту проклятую «Космическую клаузулу», уверяя, что она навеки принесет славу и почет Андской Федерации и ее президенту, народному избраннику Хуану Серафину де ла Торре Бароха? Кто ввел меня в заблуждение и выставил на посмешище перед всем миром? Дурак! Презренный трус! Я тебе покажу!

Голос президента поднялся до визга, когда он стал добавлять подробности о происхождении и сексуальной жизни Агирре. Он ухватил Агирре за лацканы и тряс невысокого человека так, что у Агирре клацали зубы. Ла Торре бил его по лицу справа и слева и нанес не меньше дюжины ударов, прежде чем отшвырнул от себя выдающегося юриста и заорал:

– Охрана! Свяжите эту мразь! Потом я разберусь с ним, как подобает!

АГИРРЕ СТОЯЛ в тюрьме на люке с веревкой на шее. В одном углу его жена и любовница тихо рыдали в объятиях друг друга. Перед ним стоял, уперев кулаки в хорошо накаченные бедра, бешено улыбающийся ла Торре.

— Ха! — фыркнул президент. — Значит, ты думаешь, что я должен дать слабину и отпустить тебя ради старых добрых времен? Ты когда-нибудь слышал, чтобы я забывал об оскорблении моей чести и моего достоинства?

— Нет, сэр, — тоскливо сказал Агирре. — Если вы решили повесить меня, не могли бы вы покончить с этим?

— Я повешу тебя, когда буду готов. Я получил множество просьб отпустить тебя, за тебя просил и сам Президент Соединенных Штатов. Я швырнул эти дерзкие просьбы им в лицо! Я сказал им, что если я снова услышу подобный вздор, я откажусь ратифицировать Конституцию и плевать мне на них! Вот что я, Хуан Серафин де ла Торре Бароха, думаю об остальном мире! Ну как, палач, ты готов?

— Я готов, вождь, — ответил палач.

Ла Торре отдал последний приказ. Палач исполнил свой долг. Жена и любовница вскрикнули в унисон с хлопком веревки, и доктор Агирре отправился в более счастливые края.

Тело еще раскачивалось, когда ворвался офицер федеральной полиции.

— Вождь! — кричал офицер. — Повремените!

— Что? — рявкнул Ла Торре. — Глупости! Как видишь, повременить тут не с чем. В чем дело?

— Сэр, вы не поверите, но...

— Но что?

— Здесь посол Менсиас Мола с посетителем. Этот посетитель — один из группы, прибывшей в Мексику несколько часов назад. Сеньор Менсиас прилетел сюда как можно быстрее.

Ла Торре разинул рот. В дверном проеме появился посол Андской Федерации в Мексике. Он вошел и сказал:

— Вождь, имею честь представить вам нашего гостя. Я попытаюсь воспроизвести его имя как можно точнее — его зовут Браку. Сеньор Браку, представляю вам президента де ла Торре Бароха.

Посетитель моргнул двумя из трех глаз и протянул щупальце, чтобы пожать трясущуюся руку Ла Торре; потом другим щупальцем указал на фигуру, висящую на эшафоте, и поднял все три брови.

— Подвешенный?..

Это было сказано на странном, но понятном испанском.

— Мученик своей страны, сеньор. Образец мудрости и верности.
Как раз сейчас я планирую для него специальную медаль.

Ла Торре подошел поближе к эшафоту и окинул казненного
опытным взглядом.

— Она, конечно, будет вручена посмертно, — сказал он подчер-
кнуто печально.

The Space Clause (If, September 1952), nep. Борис Толстиков.

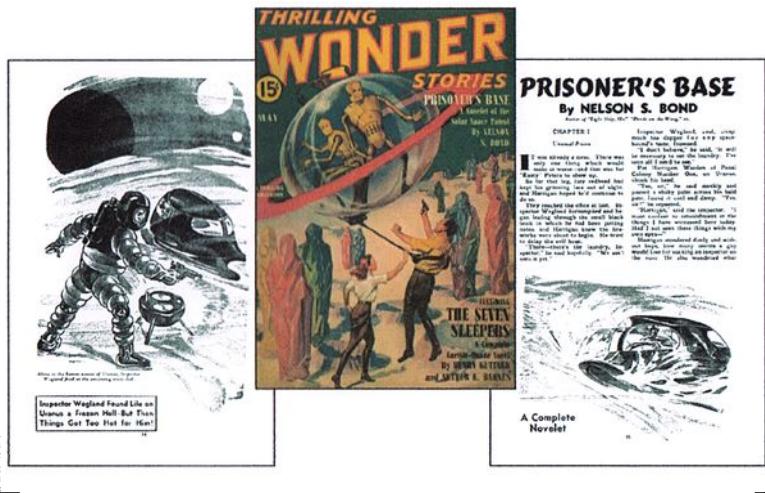
СОДЕРЖАНИЕ

КОЛЕСА «ЕСЛИ БЫ»	7
The Wheels of If (Unknown Fantasy Fiction, October 1940), пер. Борис Толстиков.	
ЛУЧШИЕ ПЛАНЫ	93
The Best-Laid Scheme (Astounding Science-Fiction, February 1941), пер. Борис Толстиков.	
ГИПЕРПЕЛОЗИЯ	107
Hyperpelosity (Astounding Science-Fiction, April 1938), пер. Борис Толстиков.	
РУСАЛ.....	123
The Merman (Astounding Science-Fiction, December 1938), пер. Борис Толстиков.	
КОНТРАБАНДНАЯ КОРОВА	141
The Contraband Cow (Astounding Science-Fiction, July 1942), пер. Борис Толстиков.	
НЕСУРАЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК.....	161
The Gnarly Man (Unknown, June 1939), пер. Борис Толстиков.	
ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	187
Proposal (Startling Stories, November 1952), пер. Борис Тол- стиков.	
КОСМИЧЕСКАЯ КЛАУЗУЛА	211
The Space Clause (If, September 1952), пер. Борис Толстиков.	

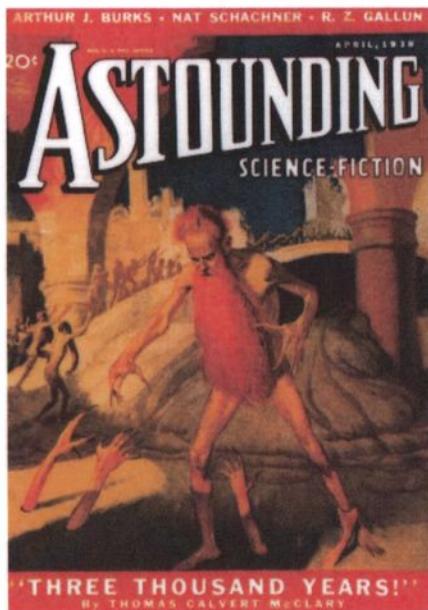
Читайте в
следующем томе:

Завершение серии
«ДЕТИ СОЛНЦА»

В пятидесятом - юбилейном! - томе будет завершение серии «Дети Солнца»: рассказы и повести разных авторов о планете Уран и астероидах.

Библиотека англо-американской классической фантастики

Л. СПРЭГ ДЕ КАМП

Колеса «Если бы»